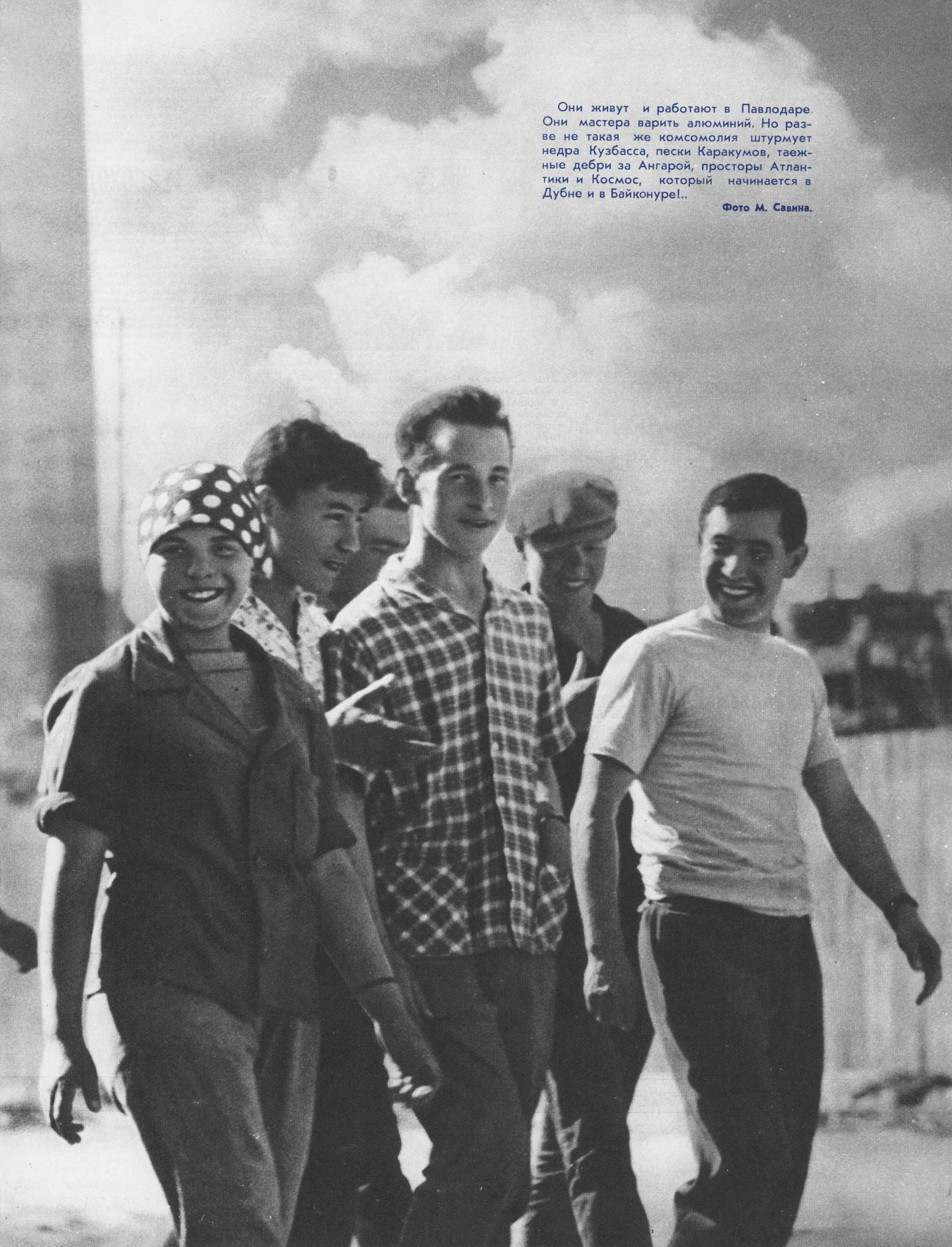

ОГОНЁК
№ 26 ИЮНЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ОГОНЁК
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
43-й год издания
№ 26 (1983)
27 ИЮНЯ 1965

Они живут и работают в Павлодаре. Они мастера варить алюминий. Но разве не такая же комсомолия штурмует недра Кузбасса, пески Каракумов, таежные дебри за Ангарой, просторы Атлантики и Космос, который начинается в Дубне и в Байконуре!..

Фото М. Савина.

Не спалось. Я встал и вышел на балкон. И тут случилось чудо! Сделав лишь один шаг, я оказался вознесенным в звездный мир. Звезды были вокруг меня: большие, яркие, мерцающие... Закружилась голова от возникшего вдруг ощущения немыслимой высоты: не каждый день нам, жителям Земли, случается чувствовать себя межзвездными скитальцами!

Не хотелось лишаться этого чуда. Я ведь знал, конечно, что это просто Которская тихая бухта отразила в своей неподвижной и черной, как ночное небо, воде звездный мир, что вон там, справа, сушатся, растянутые на кольях, рыбацкие сети, а чуть подальше, где желтые фонари, стоит у причала белый теплоход, который скоро, через несколько часов, позовет, разбудив горы низким и протяжным гудком, тех, кому надо плыть в Дубровник и дальше по своим земным делам. Поплыву и я на этом теплоходе. Встречу день на Адриатике.

...Немного прохладно на палубе в этот рассветный час. И я возвращаюсь в кают-компанию: там тепло, там пьют первый утренний кофе и разговаривают.

Я плохо знаю язык и не все понимаю. Но то, о чем говорят, поглядывая на море, эти молодые люди, я понимаю хорошо. Я слышал, как им кричали с берега, когда медленно отчаливал теплоход, чтобы они чаще писали домой, в Котор.

— Пусть все будет хорошо!

— Да, мама, ты не тревожься...

Они едут учиться в Белград. По журналистской привычке я не утерпел и завел с ними разговор.

Едут они учиться в высшую школу. Мария хочет стать кораблестроителем, Джердже — режиссером кино. Они смеются:

— Вы понимаете, конечно, что все может быть совсем не так!

— Почему?

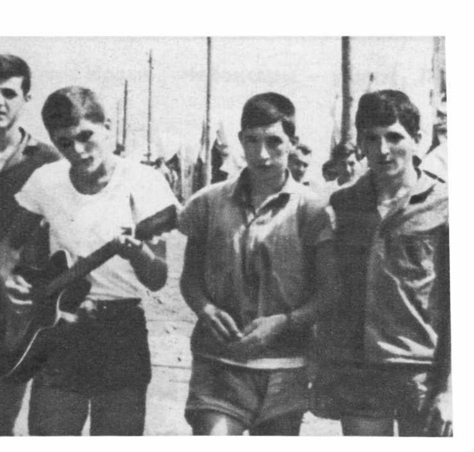
— Откуда нам знать, как на самом деле велики наши таланты? Но нам помогут. Нам помогут...

Отчего я вспомнил сейчас об этой встрече? Наверное, оттого, что вижу в эти летние московские дни очень много ребят, девушек, похожих на моих юных черногорских друзей. Их тоже провожали и кричали им вслед, чтобы все было хорошо. Они сидят с книжками на московских бульварах, читают объявления о приеме в столичные вузы, знакомятся, дружат, спорят. У них тоже беспокойные глаза и торопливая речь.

Помню, в день своего отъезда из Югославии я долго ходил по улицам студенческого городка, построенного в послевоенные годы. По ту сторону широкой Савы, сливающей в этом месте свои воды с Дунаем, бесчисленными огнями мерцал Белград, выставив на вечный дозор рыцарскую свою вершину Калемегдан.

Я не встретил в студенческом городке моих юных попутчиков по короткому плаванию. Но я знал наверняка, что они где-то здесь. Я знал, что в тихом Которе, где звезды сходят к людям, давно получено письмо со штемпелем столицы, в котором немного слов из-за вечной нехватки времени, но все эти слова — о счастье.

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

В летних своих лагерях отдыхают, дружат югославские студенты. Их руками в каникулярное время построена была знаменитая автострада!

СОСЕДЯМ ДРУЖИТЬ

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства нашу страну посетили Его Величество Мохаммед Реза Пехлеви, шахиншах Ирана, и Ее Величество Фарах Пехлеви, шахиня Ирана. На Внуковском аэродроме высоких гостей встречали товарищи А. И. Микоян, А. Н. Косыгин и другие официальные лица.

В Кремле состоялись встречи Его Величества шахиншаха Ирана с Председателем Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояном и Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным.

На снимке: шахиншах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви на Выставке достижений народного хозяйства СССР.

Фото А. Стужина (ТАСС).

3 600 засеяли зерновыми культурами, 850 гектаров кукурузы, есть подсолнечник, бобовые и злаковые, люцерна и другие культуры.

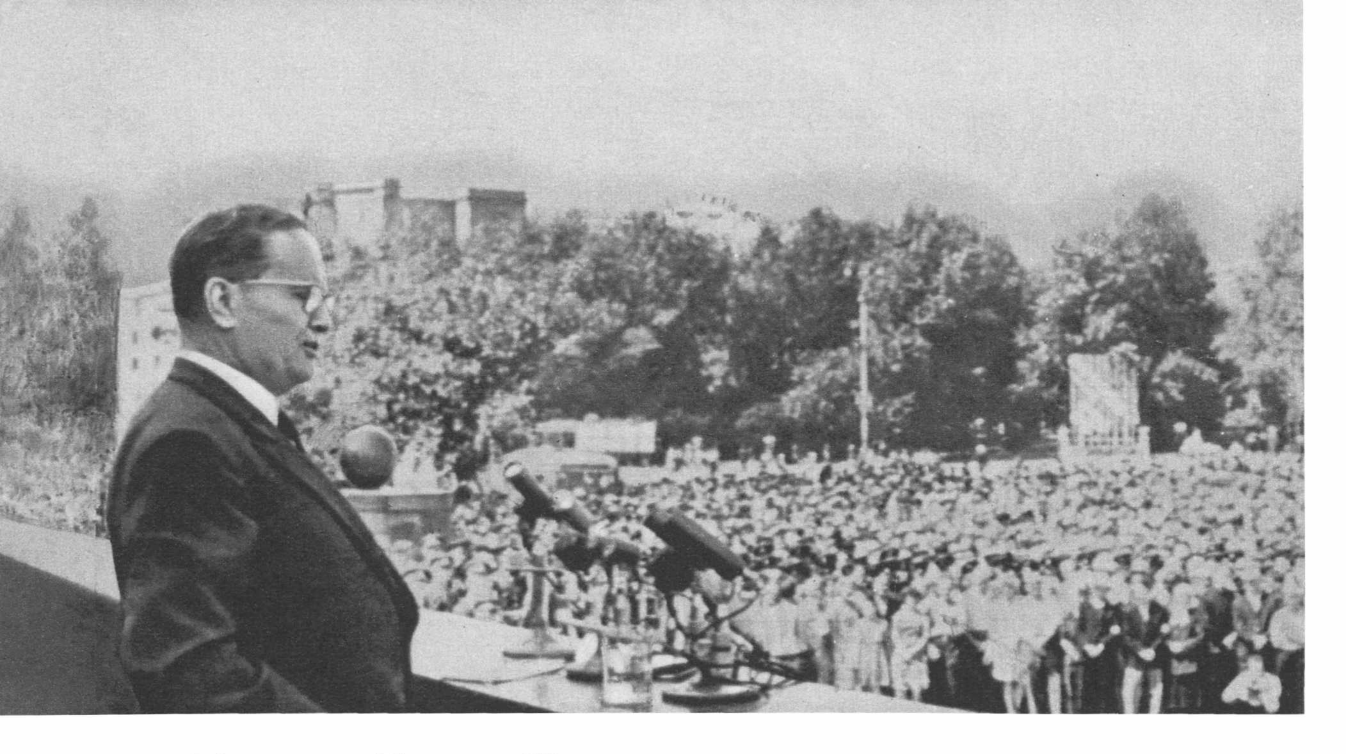
В совхозе 47 тысяч каракулевых овец, тысяча голов рогатого скота, которые сейчас на отгонных пастбищах. В 1964 году прибыль совхоза составила 305 тысяч рублей. После постановления мартовского Пленума ЦК о закупочных ценах прибыль совхоза увеличится.

Мы выращиваем выведенные селекционерами сорта пшеницы Шарк-Восточная, Сурхак-Юбилейная, Таджикская-16. В этих сортах колосья долго не осыпаются, что при нашем жарком климате чрезвычайно важно.

Бригада Хола Курбанова — одна из лучших бригад совхоза. За хороший урожай в прошлом году Хол Курбанов был награжден золотой медалью ВДНХ. Рядом с бригадиром — комбайнер Михаил Димитрухин, который сейчас выполняет две нормы. ▼

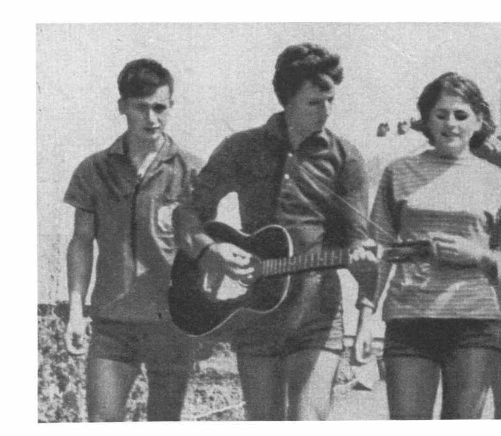

В 260 институтах, высших учебных заведениях и художественных академиях Югославии более 160 тысяч студентов.

ВСТРЕЧА НА ТЕПЛОХОДЕ

Нам не спится иной раз на новом месте. Вероятно, причиной тому обилие впечатлений или подсознательное ожидание новых открытий и встреч.

В гостинице было очень тихо, давно ушли последние посетители маленького бара. Было так тихо, что я слышал: там, за окном, прикрытым жалюзи, шуршат, удаляясь, легкие удары весел,— наверное, какой-нибудь запоздавший паренек возвращался домой, погуляв с любимой или друзьями в Которе.

Иосип Броз Тито в Советском Союзе

«Советские люди испытывают чувства братской дружбы и симпатии к югославскому народу, и поэтому можно не сомневаться, что проявления советско-югославской дружбы будут сопутствовать всему вашему пребыванию в Советском Союзе»,— сказал Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, обращаясь с приветствием к прибывшему в нашу страну Президенту СФРЮ, Генеральному секретарю Союза коммунистов Югославии Иосипу Броз Тито и сопровождающим его товарищам.

В Москве, Минске, Свердловске — всюду, где побывали югославские гости, советские люди встречали их как дорогих друзей — посланцев страны, с которой Советский Союз связан тесными узами дружбы.

Товарищ Тито нанес визиты Л. И. Брежневу, А. И. Микояну, А. Н. Косыгину и имел с ними сердечные, дружеские беседы.

В Кремле состоялись переговоры руководителей КПСС и Советского правительства с Президентом Социалистической Федеративной Республики Югославии, Генеральным секретарем Союза коммунистов Югославии Иосипом Броз Тито.

На снимке: Президент СФРЮ, Генеральный секретарь СКЮ Иосип Броз Тито выступает на митинге советско-югославской дружбы на Уралмашзаводе.

Фото С. Преображенского и А. Грахова (ТАСС).

ДОЛИНА БОЛЬШОГО ЗЕРНА

Специальный корреспондент «Огонька» А. ГОСТЕВ

Дангарская долина — в переводе с таджикского это значит долина Большого зерна — самая богатая житница республики.

Горячие дни стоят в долине, горячая пора у тружеников совхоза «Дангара»: идет жатва.

Ранним утром приехав в совхоз, я уже никого в конторе не застал: все в поле.

С директором совхоза Отакулом Бустановым и главным агрономом Георгием Степановичем Машкиным я встретился на пшеничном поле. Под гул десятков комбайнов Отакул Бустанов рассказал мне:

— Хозяйство у нас многоотраслевое. Я руковожу им 16 лет. Земли у нас больше пяти тысяч гектаров;

Таня Прохорова, школьница, дочь врача и сама будущий врач.

ДЕСЯТ ЖИЗН

Фоторепортаж Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

За окном долгие июньские сумерки. Где-то за Волгой, за причалами никак не может догореть рубиновая полоска заката. Покойно и уютно в комнате, освещенной маленькой настенной лампой. По намытому полу с явным удовольствием шлепает босыми ногами восьмиклассница Люся. От отца у нее мягкая улыбка и глубокий взгляд.

— Старшая?

— Средняя. Старшая, Елена, в Костроме, на практике. Первое письмо прислала— ничего не нравится, подавай Чебоксары. Второе — уже иной тон. Присмотрелась. А младший — сын Саша. Ботинки, наверное, где-нибудь сейчас добивает. Гвардия у меня вся чебоксарская.

...Чебоксары. С чего же все началось? Николай Александрович Королев припоминает Ленинград, Петроградскую сторону, завод «Электрик», куда восемнадцатилетним пареньком в 1931 году определился в качестве ученика фрезеровщика. А уже в 1935 году заводская многотиражка помещала фамилию Королева в начале списка рабочих с лучшим суточным заработком. Читай: лучшими качественными и количественными показателями. Еще одна газета, «Ленинградская правда», 1942 год. От времени бумага не пожелтела — синяя, толстая. Взяв в руки, понимаешь: оберточная. Во всю первую полосу Указ: «За успешное выполнение заданий правительства по освоению и производству вооружения и боеприпасов, повышающих боевую мощь Красной Армии...». Николаю Королеву — орден Знак Почета.

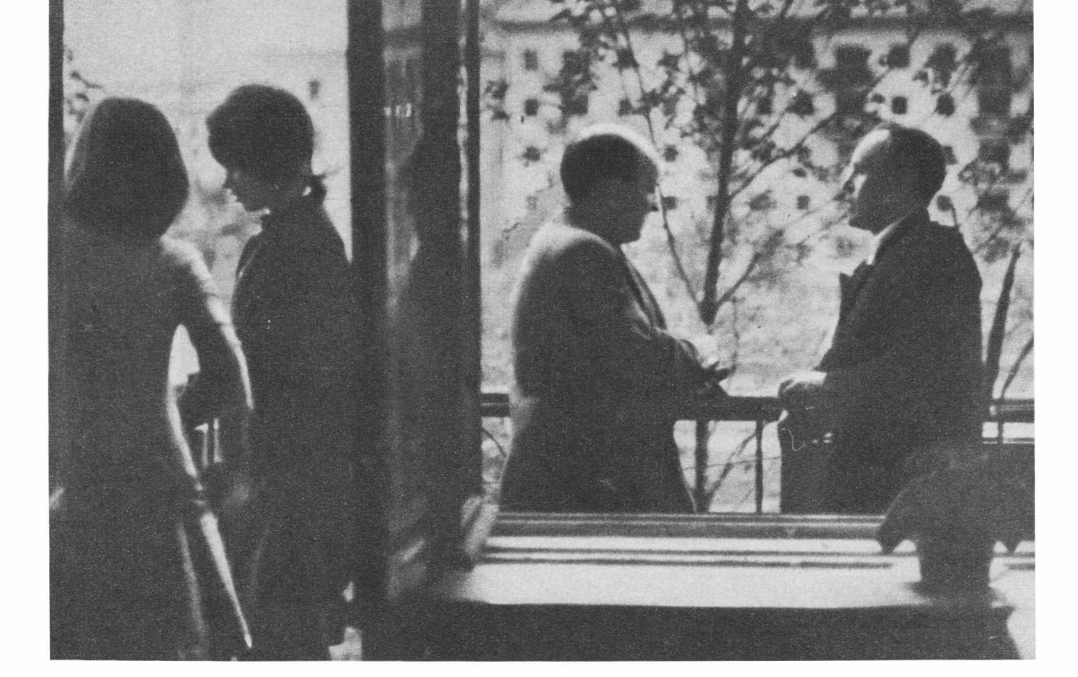
На фронте быть не пришлось.

— «Специалисты вот так нужны», говорил начальник цеха.— И Королев делает убедительный жест рукой по горлу.

...В семи километрах от Чебоксар есть дере-

Новые Чебоксары — улица Ленина.

Королев и Краснов — учитель и возмужавший ученик, товарищи, соседи.

ая доля
и прожитой

ТЭЦ нового комбината — пусковой объект.

вушка Вогал-Косе. Судьба свела круглоглазого и крутолобого чувашского паренька из этой деревни Толю Краснова с прославленным ленинградцем, всеми признанным умельцем — королем инструмента. Николаем Королевым, который в военные годы вместе с частью своего предприятия переехал в волжский город.

— Нам и в самом деле трудно разобраться, где кончается Королев и начинается Краснов,— смеются в заводском парткоме в ответ на вопрос, почему их, словно сиамских близнецов, называют вместе.

Инструменталка у нас, как и на других заводах, подобных нашему электроаппаратному,— сердце всего производства. В сорок четыре страны идут наши изделия: реле, контакторы, магнитные станции, панели защиты. С заказчиками нашими стараемся дружить. На двадцать пять дней раньше отгрузим челябинцам крупноблочные щиты управления стана. Северский трубный получит заказ в июне вместо конца года. Все самое срочное, самое новое, кропотливое — к тем двоим, Краснову и Королеву. Труд Королева отмечен орденом Ленина, Краснов — делегат XXII съезда КПСС. Имя Королева в Книге трудовой славы Чувашии наряду с именем первого космического летчика-чуваша Андрияна Николаева.

Чебоксарский ордена Трудового Красного Знамени электроаппаратный завод растет, поднялись новые корпуса. Не хватило старой территории, занял завод вторую площадку.

— Еще пишите: «Дворец культуры на тысячу мест. Стадион «Труд». При ДСО — детская спортивная школа, а на Волге — пионерлагерь. Яхтклуб. Сто двадцать судов — только заводские. Семь детских учреждений»,— загибает пальцы парторг завода Евгений Георгиевич Беляничев.— А самодеятельность? Уверяю вас, что половина номеров завтрашнего заключительного концерта городского смотра — наши электроаппаратчики.

— Здесь они перебрали, наверно. Едва ли кто сможет выставить больше участников, чем мы,— возражают на заводе электроизмерительных приборов.

Электроизмерительный и завод электроисполнительных механизмов — младшие братья электроаппаратного, скорее даже его отпрыски. Но эти отпрыски уже довольно громогласно успели о себе заявить и дали понять, что при случае могут наступить старшему на пятки — поторапливайся.

За выпуск пятимиллионного прибора вместе с девушками завода электроизмерительных приборов соревнуется и Валя Николаева-Терешкова. Заочно. Она почетный член лучшего по заводу 10-го цеха сборки.

...Четыреста лет стоял город. Четыре столетия не оставили столько следов, сколько последняя, одна десятая часть прожитой городом жизни.

— Помнишь, Анатолий,— обращается к товарищу Николай Александрович Королев,— вокзал-то где от города был? А теперь, смотри, чуть не в центре. Относить, наверное, придется.

Рядом с Чебоксарами встает город-спутник. Будет комбинат. Освоит выпуск красителей для тканей. Спутник получит свое имя. Какое? Давайте выберем все вместе, предлагают ребята, строящие его. Пройдет еще несколько лет, и у Чебоксар разольется море, вырастет новая ГЭС — еще одна ступенька в электрическом каскаде Волги. И тогда прости-прощай низкорослые деревянные окраины города, города, вошедшего в пору молодости.

Гудками кого-то зовет пароход...

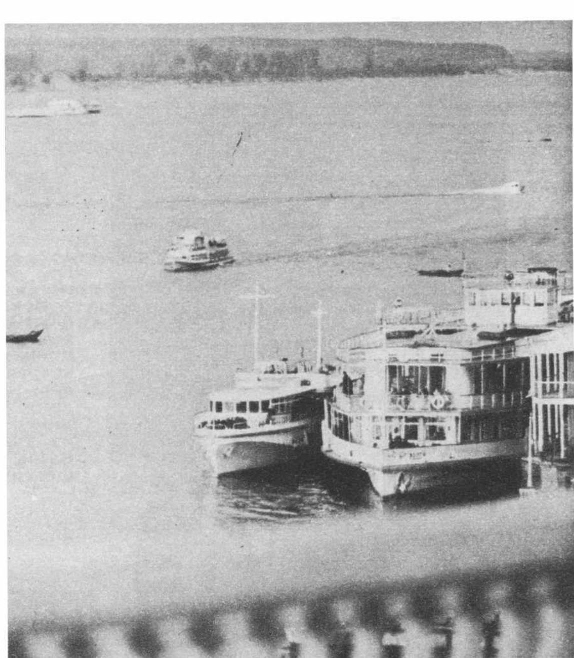

Фото ЮПИ, ТАСС.

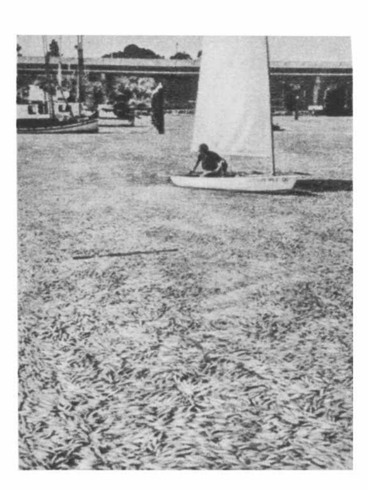

Этот снимок сделан близ парижского аэродрома Бурже, где находятся экспонаты XXVI Международного салона аэронавтики и космоса. Здесь разбился американский бомбардировщик «В-58». Он прилетел сюда с испанского аэродрома и должен был войти в число американских экспонатов салона. Катастрофа произошла при посадке. Вертолет был использован для того, чтобы сбить пламя с горящей машины.

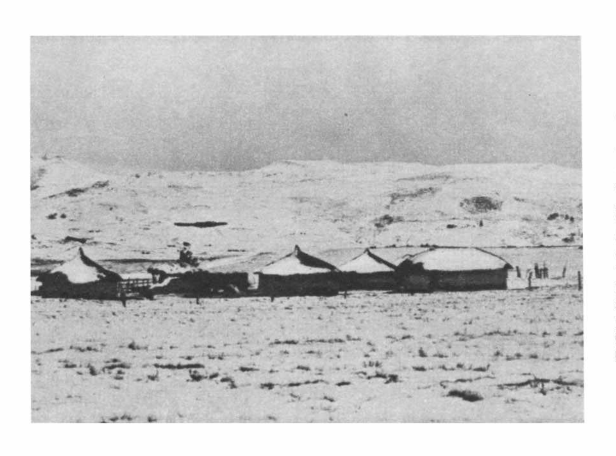

Конакри. Гвинейский политехнический институт, построенный с помощью Советского Союза, — крупнейший на западе Африки технический вуз. Он становится также центром научных исследований. Здесь на инженерно - строительном факультете возник один из первых студенческих научных кружков. Им руководит советский преподаватель А. Ф. Шуров.

На снимке: члены кружка и их руководитель.

Городок Санта-Крус в Калифорнии затоплен рыбой. Ее пригнала в гавань сильная буря. Когда океан отступил, косяки рыбы остались на мелководье. Для жителей Санта-Крус настали тяжелые дни: разлагаясь, рыба и водоросли отравляют воздух в окрестности.

Горы, покрытые снегом, белое пространство, напоминающее тундру. Однако этот снимок сделан не в северных широтах, а на юге Африки. Необычно сурова для этих мест нынешняя зима — снег, ледяные ветры. Капризы погоды явились настоящим бедствием для жителей легких хижин, не имеющих почти никакой защиты от холода. А всего в ста милях отсюда, в Дурбане, тепло, и на пляже полно купающихся.

Немного насчитывается в мире людей, которым удалось покорить высочайшую вершину мира — Чомолунгму. Недавно число отважных возросло. На вершину мира поднялась группа индийских и непальских альпинистов. На фотографии запечатлен момент, когда один из участников восхождения, Анг Ками, устанавливает на вершине флаги Индии и Непала.

ЧАСОВЫЕ ВЬЕТНАМСКОГО НЕБА

Ю. ЖУКОВ

Фото автора.

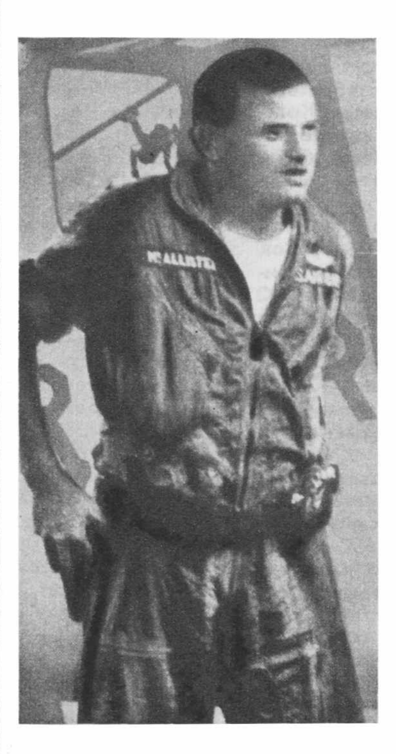
Каждый день вы читаете в сводках: сегодня во Вьетнаме сбито пять самолетов, на следующий день — восемь, потом — семнадцать...

Ожесточенные сражения идут над городами и селами этой страны. Сотни новейших американских самолетов, взлетающих с аэродромов Южного Вьетнама и Таиланда и с палуб авианосцев, атакуют эту мирную землю. И она, яростно защищаясь, сбивает злодейских стервятников.

Нет сейчас более популярных людей во Вьетнаме, чем зенитчики. Это они принимают на себя основную тяжесть битвы. Вот они перед вами — молодые вьетнамские солдаты, бдительно охраняющие родину.

Я побывал у них на боевых позициях под вечер, когда надвигалась летняя тропическая гроза и полнеба заняла зловещая, черная туча. Зенитчики были довольны: американцы боятся летать в грозу, и можно будет не торопясь потолковать с корреспондентом из Москвы. Они расспрашивали меня, что нового в Ханое, интересовались, видел ли я сбитые ими в этом районе самолеты. Вдруг Зуонг Ба Кыонг, политический комиссар подразделения, протянул мне блестящее колечко, искусно вырезанное из алюминия.

ОТЛЕ

В этом году майор американских военно-воздушных сил Макалистер собирался торжественно отметить свое 37-летие дома, в Калифорнии. Там, в городе Викторвилле, живет его семья: жена Гейл и дети — девятилетний сын и семилетняя дочь.

Макалистер считался незаурядной личностью. Приземистый и кривоногий, он неуклюже переступал по земле, но в воздухе был «самым знаменитым асом в Южном Вьетнаме». Эту оценку можно считать почти официальной, ибо дана она американской прессой. Макалистер был одним из тех американцев, которых адмирал Томас Мауэрер, их начальник, охарактеризовал так: «Они наиболее профессиональны из всех, кто когда-либо служил в наших военно-воздушных силах, включая тех, кто прошел вторую мировую войну и Корею. В этом не может быть никакого сомнения». Вот каких отборных «профессионалов» бросил Пентагон на борьбу с вьетнамским крестьянином!

Еще в Корее Макалистер сделал свыше ста боевых вылетов на реактивном самолете. В Южном Вьетнаме он отслужил ровно год. Здесь майор летал на самолете-корректировщике «Л-19». Чуть ли не ежедневно, словно коршун, парил он над вьетнамской землей. Загружал в свой самолет дымовые ракеты и поднимался в воздух, чтобы высматривать с высоты все живое. Обнаружив цель, он сбрасывал ракеты и вызывал по радио бомбардировщики. И вскоре в опознавательные дымы летели десятки и сотни тонн взрывчатки.

Вот одно из множества его бое-

В центре Ханоя устроена выставка американского оружия, документов, обломков сбитых самолетов США.

Зенитный расчет на боевой позиции.

— Это вам на память о провинции Тхань-Хоа! Знаете, до войны наши ребята любили вырубать из мрамора статуэтки, а теперь в свободное время вот этакими кольцами занимаемся!

В его глазах мелькали лукавые искорки, и я догадался, что он что-то не договаривает. Зенитчики улыбались, наконец один артиллерист, Зуонг Ван Нганг, добавил:

— Спасибо за сырье Макнамаре!

Оказывается, кольца эти воины делают из обломков сбитых ими американских самолетов.

Бывалые солдаты наши собеседники! Они отлично владеют своим оружием. В памятном бою 3 апреля эта батарея сбила с первой же очереди реактивный сверхзвуковой самолет «Ф 105Д». А сколько успешных боев провели они с тех пор!

Мне довелось увидеть результаты трудов солдат этой батареи и многих их боевых товарищей — зенитчиков этого района. Сбитые ими самолеты выставлены на всеобщее обозрение в городе Тхань-Хоа. Любопытная деталь: на бензиновом баке я увидел табличку с девизом фирмы «Флетчер Авиэйшен», изготовившей его: «Движем крыльями во всем мире».

Теперь эти поломанные крылья лежат в вязкой после тропического ливня грязи на земле Тхань-Хоа!

Зенитчики Тхань-Хоа. Слева направо: Зуонг Ван Нганг, Хуат Динь Чин, Нгуэн Зуи Зау, Нгуэн Ван Хунг.

ТАЛСЯ...

вых донесений, записанное на магнитофонную ленту дежурным радистом: «Вижу шестерых парней под теми большими деревьями. Они в этих сумасшедших шляпах. Отмечаю их для вас».

В шляпах? Значит, вьетнамцы. Этого достаточно, чтобы их «отметить» дымовой ракетой. И вот уже в клубы дыма летят бомбы.

За год такой вот «работы» убийца-профессионал Макалистер вошел во вкус. Он любил рассказывать о подобных историях. При этом его обычно бесстрастное лицо мясника, заплывшее жирком, оживлялось, в бледно-голубеньких глазах вспыхивали веселые искры.

«Обычно я проделываю такую штуку,— частенько говаривал майор,— лечу, разумеется, вперед, а смотрю все время назад. Потому что эти вьетнамцы при моем появлении всегда забираются в ямы или ныряют в воду. Стоит мне пролететь над ними, они выбираются наружу. Тут-то я их и засекаю, глядя через плечо!»

Хитроумного убийцу-аса в апреле этого года отметила большая американская пресса. В журнале «Тайм» был опубликован его портрет, под которым стояла подпись: «Обычно я летаю, оглядываясь назад». В похвальной характеристике, приложенной к портрету, журнал, сравнивая службу Макалистера в Корее (на реактивном самолете) и в Южном Вьетнаме (на корректировщике), писал: «Здесь он летает медленнее, но получает больше удовольствия».

«Да, черт побери!— говорил и сам майор.— Здесь работа куда легче, чем в Корее».

Убивая — забавлялся, забавляясь — убивал. Магнитофонная лента с его донесениями хранит не только его сообщения о «парнях в сумасшедших шляпах», но и такие, например, шуточки, обращенные к своим соотечественникам — морским пехотинцам: «Эй, вы, там — внизу! Это я, ваша воздушная мощь». И еще он любил в полете распевать куплеты. Хриплый голос майора и сегодня звучит с ленты:

«Брошу я на землю цент,
Принесет он мне процент».

В последние дни Макалистера просто распирало веселье. Еще бы! Истек год службы во Вьетнаме, его «центы» уже принесли немалые проценты, и он собирался как следует гульнуть в Штатах. Оставалось торжественно сделать последний, прощальный вылет. Направляясь к самолету, он небрежно бросил сослуживцам: «Увидимся вечером в баре. У меня есть повод закатить сегодня пир на весь мир. На следующей неделе — домой. Это мой последний вылет».

Если бы он знал, сколь пророческими были его слова! В тот же день, в пять часов вечера, самолет майора Макалистера был сбит огнем зенитной артиллерии.

В далекой Калифорнии стало одной вдовой и двумя сиротами больше. Но скольких детей осиротил Макалистер на чужой ему вьетнамской земле?

Пришло возмездие. Отлетался... Поучительная история для других макалистеров и их хозяев.

В. НИКОЛАЕВ

В следующем номере «Огонек» начинает печатать роман-памфлет с продолжением

«ОБ ЭТОМ ПОМАЛКИВАЮТ»

известного финского писателя Мартти Ларни.

Рисунки Виталия Горяева.

Очередная встреча с читателями «Огонька» была проведена в Измайловском парке культуры и отдыха.

Главный редактор журнала А. Софронов рассказал о работе редакции, о планах на второе полугодие.

С большим интересом были прослушаны выступления члена редколлегии, редактора международного отдела Л. Степанова, корреспондентов В. Павлова и В. Владимирова, фотокорреспондента Д. Бальтерманца.

Во встрече приняли участие писательница В. Карбовская, поэты С. Васильев и Б. Кежун, журналист М. Хромченко.

На снимке: в литературно-музыкальной гостиной парка.

Фото Д. Бальтерманца.

20 лет назад Закарпатская Украина воссоединилась с Советской Украиной.

Дума о Верховине

Ив. ЧЕНДЕЙ

Отчий дом в горном селе Дубовом я покинул тридцать лет назад. Поднимая облака пыли, битым ухабистым шляхом мчал ветхий автомобиль. За рулем сидел лихой шофер Янко, а мы — пятеро юношей — уже чувствовали себя гимназистами. Не знаю, какие мысли волновали моих товарищей, но я думал, что никогда больше не вернусь к горным пастбищам и полонинам, ущельям и покосам.

Уплывали годы. Но память жива. И вот ныне, в канун двадцатилетия воссоединения Закарпатской Украины с Советской Украиной, все пережитое вновь волнует, рождает мысли и думы о пройденных путях, не только своих собственных, но и родного села Дубового, древнего украинского Хуста и Ужгорода, всего Закарпатья.

Мы уезжали из родного села. Мелькали телеграфные столбы, позади оставались деревянные села Верховины с садами и плетнями да стаями птиц, что собирались к отлету. На фоне неба уже очерчивались седые руины замка над древним Хустом. Далеко позади осталось мое родное Дубовое.

Два года назад, в канун Октябрьских праздников, в Дубовом верховинцы собрались на большое торжество. В только что открытый Дом культуры — он мог бы украсить любой город — шли уважаемые старики, отцы и дети, внуки.

Все было знаменательным. Знаменательна сама эта встреча и то, что рядом с передовиками лесоразработок, колхозных полей, чабанами сидели представители интеллигенции, выросшей за годы Советской власти,— наши земляки: около трех десятков учителей, агрономов, инженеров, партийных работников. Было получено много поздравительных телеграмм от тех, кто не смог приехать. Среди участников торжества почетные места занимали добровольцы Советской Армии, кто в первые же дни после освобождения области с оружием ушел сражаться с гитлеровцами.

На этой встрече мои земляки еще и еще раз вспоминали, сравнивали, думали, кем были, кем стали, какие перемены принесла в их жизнь Советская власть. И разве можно было упрекнуть в сентиментальности, если у кого-то и набежала слеза радости?..

Вот оно, родное, помолодевшее Дубовое, с тяжким прошлым — в памяти стариков и с настоящим — в судьбах односельчан.

В тот день все, для кого Дубовое стало родным гнездовьем, с нескрываемой гордостью гуляли по обновленным улицам. Они радовались средней школе и Дому культуры, библиотекам и медицинским учреждениям, кинотеатру и жилым домам, что выросли на месте курных изб. На майдане в тот день были посажены дубы и клены, ели и березы в память встречи; они зеленеют и украшают село. Им зеленеть века!..

Двадцать лет Советской власти в Закарпатье! Мало или много? Для истории — маленькая капля в океане. Для Закарпатья — целая эпоха обновления.

Было время, моему родному краю предрекали день, когда «последний русин» (украинец) убежит отсюда, спасаясь от голодной гибели. Находясь на перепутьях в центре Европы, его люди как будто стояли перед злой мачехой-судьбой.

Перед поступлением в сельскую школу мама меня учила узнавать буквы. Учила по псалтырю. Первую художественную книгу «Лис Микита» Ивана Франко я купил у соседского мальчика за 20 пуговиц. До освобождения Закарпатья у нас был голод на книгу. В частности, на книгу художественную. Нередко нашей интеллигенции русскую классику приходилось читать на иностранном языке.

Господа в Закарпатье поощряли религиозную борьбу. В закарпатском селе и городе поощрялась грязная языковая борьба. Доходило до курьезов. Бывали годы, когда родители перед началом учебного года собирались для голосования, на каком языке обучать детей. Эта языковая рознь в Закарпатье привела к тому, что за двадцать пять лет до освобождения у нас официально вводилось свыше тридцати грамматик, иногда резко отличавшихся друг от друга. Это делалось часто для того, чтобы доказать: закарпатцы, мол, не сродни украинцам, они стоящее особняком племя. В таких условиях нелегко было развиваться национальной культуре. И наши интеллигенты знали порой иностранный язык куда лучше своего родного.

Ныне в нашей области нет села, нет школы без библиотеки, в городах и селах прекрасные книжные магазины. Свой университет— первый за всю многовековую историю края, уже выпустивший тысячи специалистов.

Двадцать советских лет в Закарпатье — это университетский читальный зал и библиотека там, где когда-то была иезуитская епископская резиденция. Это физический и биологический факультеты в здании, где был монастырь отцов василиан-иезуитов. Это краеведческий музей в крепости, где веками воспитывались попы-иезуиты — апостолы невежества на Верховине. Двадцать лет Советской власти в Закарпатье — это санаторий во дворце графа Шенборна.

Двадцать лет советской жизни в Закарпатье — густая сеть кинотеатров, Закарпатский украинский музыкально-драматический театр, издательство «Карпаты», выпустившее миллионы экземпляров книжек политической, художественной, краеведческой литературы.

В Закарпатье большая семья писателей, художников, выросших, окрепших в годы советской действительности.

Поэта Юлия Васильевича Боршоша-Кумятского у нас знают давно. Он один из старейших деятелей культуры. Когда поэт в тридцатые годы выпускал в свет свою книгу социальной лирики «Краïна див», он сам приводил в движение примитивный печатный станок провинциальной типографии, сам и распространял свою книгу. Ныне поэта знают далеко за пределами области — его книги вышли в Киеве и Москве. Небезынтересна судьба нашего любимого прозаика Александра Маркуша. Семнадцать лет он издавал краеведческий, фольклорно-этнографический журнал для молодежи «Наш рідний край». Издавал без какой-либо государственной поддержки, будучи не только редактором журнала, но и литсотрудником, корректором, экспедитором. Все это было до освобождения Закарпатья. Ныне Александр Маркуш — известный писатель на Украине.

А кто не знает, например, Закарпатского государственного заслуженного народного хора, его главного дирижера народного артиста Украины Михайла Михайловича Кречко? Этот хор выступал во многих уголках Советского Союза перед самым требовательным слушателем.

В освобожденном Закарпатье родилась песня-гимн «Верховино, мати моя», созданная композитором Михайлом Машкиным. С воссоединением Закарпатья с Украиной песенная культура республики обогатилась закарпатскими народными песнями. Словно карпатская горная чистая река влилась в могучий Днепр.

Украина и Закарпатье — одно! Один народ, один язык, одна культура.

Думать ныне о Закарпатье — значит вспоминать его тяжелый день вчерашний и радоваться его успехам в семье великой, вольной, новой сегодня!

Жить в Закарпатье — не только на каждом шагу наблюдать преобразования, но и быть живым участником их.

Писать о Закарпатье — значит мечтать о его чудесном завтра!

Хороши певцы и танцоры закарпатского села Довге. Самодеятельный ансамбль «Боржава» пользуется большой популярностью.

Село Большая Копаня.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

У подножия горы Петрос в Карпатах.

Высоко в горах можно встретить вот такого красавца.

В горных реках Карпат водится радужная форель.

Белая роза

А. СТАРКОВ

Это всего лишь несколько страничек из жизни врача, а не вся жизнь. Но я не знаю, в каком порядке перелистать их. Может быть, начать с последней, самой печальной, на которой так трагически оборвалась эта жизнь?

А может, с той, где мама приводит маленькую Риту к доктору? Маме кажется, что у ее девочки кривые ножки, буквой «о», как это кажется всем мамам на свете. Доктор Биезинь молод, но уже известен в Риге, хотя еще не профессор, не заведующий кафедрой, не автор многостраничного труда «Детская хирургия». Он говорит:

— Пройдись, девочка, по комнате... Вот тебе скакалочка, умеешь скакать? Ну-ка, попрыгай... Согни правую, согни левую. Теперь обе вместе. Вот так.

И говорит маме:

— Мадам, у вашей дочери отличные, просто великолепные ноги! Вы хотите, чтобы она была балериной? Она будет прима-балериной! Никаких лекарств, никаких втираний. Солнце, горячий песок на взморье...

Через много лет, поступая в аспирантуру к профессору Биезиню, хирург Термане скажет ему:

— Александр Петрович, я ваша давнишняя пациентка.

И он, порывшись в своей картотеке, найдет среди тысяч карточек ту, на которой ее имя: «Термане Рита, 5 лет...»

— О, я, кажется, предсказывал вам будущность балерины...

— Балериной я не стала, но танцевать люблю.

— Что ж, после защиты кандидатской обещаете мне тур вальса?

— Непременно, дорогой профессор!

Вот уже упомянута и аспирантура. А школа? А студенческие годы? А врачебная практика?

Вернемся к этим страницам.

Про школу совсем коротко. В школе — начало дружбы с Эрикой Розенфелдс. С восьмого класса и на всю жизнь. У них был одинаковый рост: 163 сантиметра, одинаковый цвет волос—светло-каштановый, одинаковый выбор в жизни — медицина. Правда, у Эрики это давно и бесповоротно, у Риты с некоторыми колебаниями. Мама мечтала видеть дочку пианисткой, определила ее в детскую музыкальную школу. На выпускном концерте Рита играла Шопена. Хорошо играла, все с удовольствием слушали. И вдруг сбилась, поправилась, снова сбилась. Левая рука легла на клавиши, правая застыла в воздухе. Минута оцепенения. Рита вскочила и убежала со сцены. Эрика, сидевшая в зале, бросилась за ней, но настигла уже на улице. Рита не плакала, она вообще редко плакала. Она сказала спокойно, заранее отвергая всякие утешения:

— Я бездарна и за рояль больше не сяду.

— Никогда?

— Никогда.

— Даже на моей свадьбе?

— Даже на твоей свадьбе.

Никто никогда с тех пор не видел Риту за роялем.

В институт — обе без экзаменов: серебряные медали. Их серебряный дуэт стал вскоре трио: с ними подружилась Айна Кумсаре, тоже медалистка.

Первая лекция. Читал профессор Биезинь.

Первый препарированный труп в анатомикуме. Эрика с трудом удерживала тошноту, Айна храбрилась, но, выйдя на улицу, побежала в парк проветриться, а Рита прямо из анатомички — в столовую.

Первый раз в операционной... И надо было случиться, что оперировали их подружку Нелли, попавшую под машину. Всей группой спешили с одной лекции на другую, а институт в разных зданиях и, чтобы попасть на микробиологию, надо пересечь чуть ли не весь город. Садились в трамвай, Нелли замешкалась, и ее задело проезжавшим мимо грузовиком. Отвезли в больницу, дежурили по очереди у постели, а Рите с Айной разрешено было присутствовать на операции. Они волновались бы, если б на операционном столе лежал и совершенно посторонний человек, а тут — Нелли. Операция длилась полтора часа, и все это время они простояли, прижавшись друг к другу, переплетя руки, не пошевельнувшись. И когда вышли в коридор и их окружили ребята из группы, обе ни слова не могли вымолвить, так велико было их нервное напряжение.

Первая студенческая практика в терапевтической клинике. Первый больной. Коллективный, так сказать. Выстукивали, выслушивали, лечили его втроем: Эрика, Айна, Рита. В общем-то, это был здоровый больной. С легким отравлением. Молодой моряк. Крепыш, красавчик. Вернулся из плавания, гулял в гостях, съел чего-то такого. Они его быстро вылечили. Историю болезни докладывала на конференции Рита. От имени троих. Она довольно подробно, красочно описала внешние данные больного. Упомянула даже цвет его глаз, что прямого отношения к истории болезни, пожалуй, не имело... Говорят, что Риту видели потом в порту. Она провожала в море какого-то своего знакомого. Говорят, что это был бывший ее больной, то есть коллективный, тот самый. Но в точности сие не установлено.

Последняя практика, преддипломная. Они поехали в Лиепаю на специализацию. У них был там спор. Глубоко принципиальный. О преимуществах хирургии перед терапией — это со стороны Риты. И о преимуществах терапии перед хирургией—это со стороны Эрики и Айны. Они считали Риту кровожадной за ее пристрастие к операциям. Ни одной не пропустит. То в качестве ассистента, а то уже и сама оперирует. Она стажировалась в городской больнице, но если был неоперационный день, шла в госпиталь к морякам. Или в поликлинику—там мелкие операции, перевязки, и тоже интересно.

Из-за поликлиники-то она и солнечное затмение прозевала. Известно было, что Лиепая в числе точек на земном шаре, где это небесное явление будет особенно хорошо наблюдаться. И подруги, подготовив закопченные стекла, сговорились встретиться в час затмения на берегу моря. «Я только в поликлинику забегу»,— сказала Рита. И забежала и застряла там, потому что шли любопытные для нее больные. Она выбежала из поликлиники, когда затмение уже началось. Но все-таки она бы еще поспела, может быть, к морю, где ее ждали Эрика и Айна, если б не встретила одну знакомую. Та сказала, что в гастрономе продают ливерную колбасу. А ее так любит Эрика! И Рита полчаса простояла в очереди. Солнце затмилось без ее участия, а когда она выходила из магазина с покупкой в руке, снова уже сияло над планетой в полную свою силу...

В Лиепае Рита и Айна чуть не утонули. Из-за одного лора. Лор— это сокращенно отоларинголог. Так вот этот врач, работавший в городской больнице, молодой еще человек, подтянутый, спортивный, оказывал внимание Рите. И ей он тоже нравился. Как-то были на взморье. И Айна с ними в компании. Купались. Море в том районе коварно очень у берега, лестницей лежит, уступами: мелко — глубоко, мелко—глубоко. Лор предложил проплыть до пятой «ступеньки». С полкилометра примерно. Рита не из сильных пловчих, но не показывать же перед лором своей слабости! Айна, плававшая еще хуже, шепнула: «Не надо, Риточка, не увлекайся!..» Но лор уже поплыл, Рита сразу за ним, ну тогда уж и Айна за ней. Мужчина резкими бросками ушел вперед, не оглядываясь, каждым своим движением демонстрируя, какой он превосходный пловец. Рите не хотелось отставать от лора, и сначала она приняла его высокий темп, но, поглядывая на Айну и видя, что той трудно поспевать, решила не отрываться от нее. Айна хлебнула воды раз, другой, а когда они уже довольно далеко заплыли, ей свело вдруг судорогой ногу. Услышав крик подруги, Рита подплыла, подхватила на руки, повернула с ней к берегу. Она задыхалась, тоже глотнув воды, и чувствовала, что вот-вот выпустит Айну из рук. Но та приободрилась немного, ногу ей отпустило, и теперь они плыли вместе, поддерживая друг друга. Передохнули на мели и потихонечку выбрались на берег. А лор, достигнув тем временем конечной цели, пятой «ступеньки», резвился там, как лихой дельфин, совершал прыжки и полеты над водой, не замечая, что происходит с его спутницами. А когда вышел на берег и увидел их лежащими в изнеможении, сказал:

— Что же вы, девочки, не позвали меня на помощь?

Рита ничего не ответила, она только посмотрела на лора так, как глядят на совершенно незнакомого человека, который вдруг обращается к вам, как старый знакомый...

А потом они поссорились, Рита с Айной. Правильнее сказать, разошлись во взглядах на некоторые стороны жизни. Это уже когда вернулись с преддипломной, во время государственных экзаменов.

Айна встречалась с Эриком, студентом-политехником, и дело шло у них по всем признакам к свадьбе. Приближался Иванов день. Они уговорились ехать на гулянье за город. На мотоцикле. Но у Айны неожиданно перенесли на этот же день какой-то из экзаменов. И поездка расстраивалась. Эрик сказал, что съездит с Гунаром, своим приятелем. Айна же освободилась раньше, чем думала. И позвонила Эрику: она может ехать.

— Но мы не поместимся втроем на мотоцикле,— сказал Эрик.— А Гунару теперь уже неудобно отказывать. Обидится.

— Ладно,— сказала Айна.— Поезжайте. Мы с тобой — в другой раз.

После она узнала, что Эрик действительно ездил с приятелем, но еще и с приятельницами, с двумя девушками. И не на мотоцикле, а на электричке. Конечно, ей было обидно. Конечно, она плакала. И подруги сочувствовали. Рита сказала:

— Ты не должна с ним больше встречаться.

Но Айна встречалась...

Вот поэтому-то и произошла у них размолвка. Рита сказала:

— Я тебя не понимаю. Где твоя гордость?

— Она всегда со мной,— сказала Айна.

— Но он же тебя обманул...

— Эрик повинился передо мной, и я его простила.

— А я бы ни за что, ни за что не смогла простить такое.

— Вот и останешься в старых девах,— сказала Айна.

— Не желаю отвечать тебе на грубость,— сказала Рита.

И долго еще дулась на подругу. Даже не хотела идти к Айне на свадьбу. Эрика уговорила ее — пошла. Обняла, нежно расцеловала невесту. А жениха холодно поздравила, сдержанно.

Диплом с отличием давал всем троим право на свободное распределение. Айна, только что вышедшая замуж, осталась в Риге. Эрика взяла направление врачом в санаторий «Болдонэ». Рита — в сельскую больницу под Даугавпилсом.

Мама была огорчена. Она всю жизнь тревожилась за Риту. Помните, беспокоилась, что у девочки кривые ножки?.. А после смерти старшего сына ее каждодневная тревога за дочь стала просто болезненной. Эдвин погиб вскоре после войны. Студент университета, первокурсник, он пошел как-то к приятелю готовиться к очередному зачету. И там на квартире был арестован вместе с другом, будто они участники молодежной контрреволюционной организации. Он не дожил до суда, умер в тюремной больнице. И матери выдали его тело... Она ужасно тряслась с тех пор за каждый Ритин шаг. Боялась, что дочь утонет, попадет под машину, подхватит неизлечимую болезнь. Когда Рита приходила домой и мамы не было, на столе непременно лежала какая-нибудь предостерегающая записка: «Риточка, будь осторожней на кухне, я наточила топор...», «Если пойдешь в сапожную на Таллинской, внимательней переходи там улицу через трамвайные рельсы...»

И вот дочь уехала. Одна. За двести километров.

Эту страничку из жизни Риты Термане заполнит врач Бирута Альбертовна Пуриня, работавшая с ней в Гривской районной больнице.

— Она приехала к нам вторым хирургом. Первым был мой муж Ильмар. Но мы уже сидели на чемоданах, собирались в отпуск. И она осталась за первого. Ильмар беспокоился, справится ли. И просил хирурга из соседней больницы время от времени наезжать в нашу. Тот написал, что «новенькая режет, как молодой бог, и в помощи не нуждается». Пока нас не было, у Риты — операция за операцией: гнойные аппендициты, грыжи, язвы желудка... Хороший джентльменский набор для начинающего хирурга. И ни одной, что называется, рекламации: все больные, побывавшие у нее под ножом, выздоровели. Так что она сразу же, с первых шагов твердо, по-мужски, если хотите, вошла в дело. И в наш маленький коллектив. Не шумлива, не очень разговорчива, всегда откровенна, без второго дна. Ясная, прямая программа: как можно больше знать, как можно больше уметь. Я гинеколог. Рита пришла и сказала: «Научи». Ильмар специализировался по нейрохирургии, и как только у него операция на черепе, Рита тут же. Не было у нас отоларинголога — заменила лора... Не каждый, знаете ли, взрослый откроет вам рот, когда вы лезете к нему с инструментом в горло. А ребенок? Сомкнет зубы — и баста. Силой раздирать? А у Риты было, наверно, какое-то заговорное слово, потому что детские губенки запросто раскрывались перед ней. Рукам ее, пальцам ребенок верил. Есть такое выражение: безотказный человек. Так можно и про Риту сказать. Но это будет только половина характеристики. Гуляли мы как-то на вечеринке. Я была с мужем, Рита была. Вдруг позвонили из больницы: на Сааленский фельдшерский пункт доставлен больной в тяжелом состоянии, видимо, прободная язва, везти к нам, за 50 километров, опасно. Ильмар мигом собрался—и в путь. Рита говорит: «Я с вами». Ильмар ей: «Ну зачем же вам ехать, на ночь глядя? Я справлюсь и один». «Нет,— сказала Рита.— Я с вами». Поехали. Утром вернулись. Ильмар рассказывает: «Труднейший случай. Сложно мне было бы без Риты. Очень помогла». Вот такая была она.

В Гривской больнице — три года. Рита подает в аспирантуру. Она еще в институте тянулась к науке, к исследовательской работе. Ребята с курса называли ее Академик. Она откликалась: «Не академик, а акомедик». В аспирантуру много заявлений. На кафедру детской хирургии, к профессору Биезиню,—десять. Двое — Ян Гауен и Рита Термане — сдали все экзамены отлично. А место одно. Кому отдать предпочтение? Врачебный стаж у них одинаковый, характеристики одинаково хороши. Профессор ходатайствует об увеличении вакансий. Принимают обоих. И Рита Термане, бывшая когда-то, двадцать лет назад, крошечной пациенткой у Александра Петровича Биезиня, становится его аспиранткой. Тема будущей диссертации—«Функциональные нарушения при травмах черепа в детском возрасте». База для исследований—республиканская больница, отделение неотложной хирургии. Каждый день в палате, в операционной. Дежурит, ведет больных, оперирует.

Все ближе, ближе та последняя, печальная страница, которую я уже назвал в начале своего рассказа.

В Риге случай полиомиелита. Ребенка привезли в больницу, в инфекционное отделение. Звонок оттуда к хирургам:

— Трахеотомия!

Это как «SOS» в море. Это значит — задыхается ребенок. Паралич дыхательных мышц, диафрагмы. Немедленно трахеотомию — операцию на горле. Чтобы вставить канюлю — серебряную трубочку. И подключить аппарат искусственного дыхания.

Так было в тот апрельский полдень.

— Трахеотомия!

— Иду! — крикнул в телефонную трубку доктор Якобсон, дежуривший в хирургии.

Рита услышала это, зайдя случайно в ординаторскую. Она не была дежурной. Закончила утренний обход своих больных. Собиралась в библиотеку. Уже сняла халат.

— Вас куда, Эрик Янович? — спросила она Якобсона, повесившего трубку.

— В пятое отделение. Срочная трахеотомия.

— Я с вами,— сказала Рита, надевая халат.

— Ну зачем же? Я попрошу ассистировать там кого-нибудь из невропатологов.

— Я бы хотела прооперировать...

— Считаете, что я не справлюсь? — пошутил Якобсон.

— Эрик Янович, я еще ни разу не делала трахеотомии...

— Тем более,— снова пошутил Якобсон.

— ...и значит не имею просто права упустить такой возможности. Очень вас прошу!

— Риточка, сейчас идут больные полиомиелитом с очень высокой вирулентностью. Не следует рисковать...

— А вам инфекция не страшна?

— Я дежурный.

— А я хирург с практикой отоларинголога...

В инфекционном на столе кроха. Мальчонка двухлетний. Зовут Дайнис. Привезли в ужасном состоянии: паралич ручек, ножек, не дышит почти. Синенький уже. Жить ему полчаса. Если не спасет хирург. И вот эта большая, похожая на холодильник машина, стоящая наготове. «Железные легкие». Удивительный аппарат, который, нагнетая воздух, заставит ритмично сокращаться, функционировать выключенные мозгом дыхательные мышцы.

Оперировать будет Рита. Якобсон ассистентом. Оба в специальных халатах и шапочках, в масках из многослойной марли. Соблюдены все правила хирургической асептики, активной защиты против инфекции... Операция сама по себе несложная. Но хирурги ее не любят: рядом щитовидка, обилие кровеносных сосудов... Вся операция — в темпе, семь минут. Скальпелем — разрез. Подошла к трахее, вскрыла ее, расширила. Отсосала слизь, выделения... Якобсон, следя за точно работающими пальцами Риты, говорит тихо: «Вы обманули меня, Риточка, это, конечно же, не первая ваша трахеотомия». «Первая»,— говорит Рита, перехватывая зажимом кровоточащий сосуд. Теперь канюля. Так. Трубочка стоит. Так. Надеваем резиновую подушечку, создаем герметичность. Аппарат готов? Подключаем. Так. Вдох. Выдох. Мальчонка на столе вздрогнул, дернулся. Закашлял. Кашляет, кашляет — хорошо! Летят брызги слюны, слизи — хорошо! Дышит, дышит. Кашляет. И хирургу нельзя сейчас ни отпрянуть, ни отодвинуться хотя бы на шаг, ни откинуть голову. Очень это ответственный момент—наладка подключенного аппарата. Все ниже и ниже склоняются над больным Рита и ее ассистент. Вдох, выдох, вдох, выдох... Работают «железные легкие», помогая человеческим. Кашляет мальчик, дышит, дышит. Будет жить!

Она оперировала за два дня до первомайского праздника. Рано утром перед демонстрацией она забежала в больницу. Маленький Дайнис, увидев Риту в дверях палаты, сразу узнал ее, заулыбался и, наверно, потянулся бы к ней ручонками, если б они у него двигались.

На демонстрацию она пошла с колонной трамвайно-троллейбусного управления. Янис там диспетчером. Кто такой Янис? Мы еще не назвали его в этом рассказе? Но он недавно и появился. Он жених Риты. Она уже представила его в этом качестве Айне и Эрике. Обе приезжали к ней с мужьями на день рождения, и там был Янис. Он им понравился, они были рады за подругу, и особенно Айна, предвещавшая ей когда-то судьбу старой девы.

С Айной они виделись или разговаривали по телефону почти каждый день. С Эрикой встречались реже, когда та появлялась в Риге по каким-нибудь своим санаторным делам. Вот и в первых числах мая она приехала и столкнулась с Ритой на улице. Рита спешила, но они все же поболтали немножко. Эрика похвалила новое пальто приятельницы, а сама Рита показалась ей уставшей, бледной.

— Ты здорова?

— Здорова. Мотаюсь с кандидатским минимумом. Сдала философию, детскую хирургию, остался английский.

— А сейчас ты куда бежишь?

— На курсы...

— На какие еще курсы? Преподаешь, что ли?

— Преподаю я в фельдшерской школе, микробиологию читаю. А на курсах учусь.

— На каких же?

Рита замялась.

— На курсах современного танца.

— Ты с ума сошла! Зачем тебе это?

— Сейчас много новых танцев. Не хочу, знаешь, отставать.

— Все ясно, Риточка. Когда свадьба-то? На Иванов день?

— Видимо...

— Ну беги, беги, танцорка!

Это было в среду. А в четверг к ней зашла Айна. Она позвонила Рите на кафедру, и ей ответили, что аспирантка Термане, почувствовав недомогание, ушла домой.

Дома Рита полулежала в кресле, укрывшись пледом.

— Гриппуешь?

— Кажется... Ты не подходи ко мне.

— Температура?

— Субфебрильная. Спина болит...

— Грелку поставь...

Это было в четверг. А в пятницу ее увезли в больницу.

Она уже догадывалась, что́ у нее.

Диагноз подтвердил: полиомиелит. Самая тяжелая форма, так называемый восходящий паралич, стремительный процесс.

В субботу операция, трахеотомия.

Оперировал Александр Петрович Биезинь, доктор, к которому привела ее когда-то за руку мама, профессор, учитель ее, шеф.

Он понимал, что спасения нет. Это была операция отчаяния с надеждой на чудо. Явления паралича нарастали. Мозг выключал рубильник за рубильником: гасла энергия, умирала.

Риту положили в палату рядом с маленьким Дайнисом. Она еще могла говорить, и она сказала шепотом:

— Здравствуй, Дайнис...

Мальчик жил, дышал, улыбался.

Ночью она умерла.

...Вот и перевернута последняя, завершающая жизнь врача страничка.

На могиле Риты — памятник: на черной плите белая роза, стебелек ее надломлен.

А на пригласительном билете Республиканского общества хирургов — лавровая ветвь. Каждый год здесь в мае — научное заседание, посвященное памяти заслуженного врача Латвийской ССР Риты Александровны Термане. Оно начинается всегда докладом «Жизнь врача-героя», с которым выступает профессор Биезинь. Потом — демонстрация больных, доклады и сообщения хирургов. В перечне выступлений я читаю: «Дети после острой черепно-мозговой травмы» (сообщение Б. А. Даневич). Этой темой занималась Рита, готовя свою кандидатскую диссертацию. Работа завершена ее коллегой Бирутой Даневич. Жизнь продолжается...

I

История, которую я собираюсь поведать, продолжалась ровно десять лет, а началась у истоков пятидесятых годов в Москве, в один, как говаривали в старину, прекрасный солнечный день. Я мог бы употребить такое выражение и без иронического оттенка, долженствующего указать на литературный штамп. Для Андрея тот день был действительно и прекрасным и солнечным. Если вам после долгих и многих лет ожиданий посчастливилось однажды получить ордер на совершенно отдельную двухкомнатную квартиру в совершенно удивительном районе столицы, вы легко поймете его. Поймете, если даже узнаете, что дом построен в эпоху архитектурных излишеств. По правде говоря, ни жена, ни сам Андрей, ни его соседи по третьему этажу как-то и не заметили этих излишеств. Разве что потолки и коридор. Потолки могли бы быть и пониже, а коридор поуже, по соображениям экономическим, конечно, а не каким-нибудь еще.

Почти весь день ушел у Андрея на хлопоты до того понятные, что на их описание не стоит тратить и слов. Приятные, скажем прямо, хлопоты, такие, какие бывают, может быть, еще у жениха и невесты в канун свадьбы. Или, лучше сказать, у плотника, когда он сделает последний удар топором и увидит, что вещь удалась на славу, и когда от доброго усердия все жилы и все мускулы в твоем теле натягиваются струной и поют. Тут не хочешь, а улыбнешься, не хочешь, а вымолвишь со сладостным придыханием: «Экая благодать!»

ОДНАЖДЫ СОЛГАВШИЙ

Рассказ

Михаил АЛЕКСЕЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Как только все было расставлено по своим местам, жена ушла к незнакомым еще соседям, неделею раньше справившим новоселье, чтобы получить у них сведения первейшей необходимости. Ее интересовал, конечно, продовольственный магазин, затем прачечная, затем химчистка, затем аптека, затем ателье, ну и прочее. Оказалось, что все это близко. Жена довольна. Соседи, как заключила жена за время своего десятиминутного знакомства,— люди ангельского характера. Чего ж еще желать! Теперь Андрей мог подумать и о себе. В первую очередь захотелось побриться. Приготовил было безопаску, но рука дрожала: сказывалось физическое перенапряжение. И он отправился на поиски парикмахерской — великолепный предлог совершить прогулку по новому району города.

Была середина апреля. Река только что вскрылась и несла на себе тяжкие глыбины льдин. Они с шумом протискивались меж каменных берегов, сердито урчали, теснясь и наползая одна на другую в более узких местах под мостом. На многих дрейфовали разные вещи, как-то: порванная труба от пылесоса, обломок лыжи, оконная рама от какого-то старого московского дома, прекратившего свое земное существование на радость таких же вот, как Андрей; на одной льдине, особенно бойкой и шустрой, лихо мчался вниз по реке плюшевый мишка с оторванным правым ухом; по соседству с ним, и из того же материала сотворенная, беспечно примостилась собачонка, лишенная хвоста и обеих задних ног,— хвост, впрочем, лежал тут же, неподалеку, на льдине. Были мореплаватели и живые. На одном из ледяных плотов суетилась черно-белая кошка, отчаянно мяукала, прося помощи; по берегам, по сю и ту сторону реки, бежали мальчишки, кричали, очевидно, подавая кошке разумные советы, которым она не внимала. На другом сидела ворона и терзала что-то, нимало не терзаясь за свое ближайшее по крайней мере будущее: угрюмой этой вещунье ничто не мешало вспорхнуть, когда ей заблагорассудится. Так же хорошо чувствовала себя тихая парочка, умостившаяся на крохотной льдинке, вертевшейся волчком среди громадин, готовых растереть ее в порошок,— парочкой этой были утка и селезень, прилетевшие на реку с искусственных водоемов при зоопарке и теперь направлявшиеся бог весть в какие края, может быть, к большим морям и озерам, где родились их вольные предки. Садились на плывущие льдины и чайки, но они были непоседы, то и дело снимались и кружились над кипевшим водоворотом со своим резким, гортанным криком, от которого почему-то даже в городе, среди многолюдья, тебе делается зябко и одиноко, хочется поскорее куда-то бежать, пожаловаться кому-то на что-то неясное, но остро саднящее.

Во всяком случае, Андрею более уже не хотелось стоять у набережной, и он поспешил вверх по узкой улочке, выходящей на большую, широкую улицу, начинающуюся у Крымского моста. Там-то и отыскалась парикмахерская. В маленькой прихожей в два-три квадратных метра—теперь владелец двухкомнатной сорокаметровой квартиры, Андрей быстро научился по первому же беглому взгляду определять количество этих самых метров,— в маленькой, значит, прихожей такой же маленький старичок гардеробщик помог Андрею снять пальто, улыбнулся при этом дружески, хорошо как-то улыбнулся и неожиданно спросил:

— Как ваш сынок?

Вопрос застал Андрея врасплох и задан был с таким трогательным участием и с такою добротою, что Андрей на какую-то долю минуты растерялся. Ему бы сказать милому старичку, что тот ошибся, что у него, Андрея, нет и никогда не было сына, что вообще нет детей, и все бы обошлось как надо: вежливый гардеробщик, сославшись на слабеющую к старости память, извинился бы, и Андрей, в свою очередь, охотно извинил бы его. И делу конец. И все бы пошло своим чередом, и не было бы истории, о которой помянуто в начале нашего повествования. Но Андрей не сделал того естественного, что надо было бы сделать. Потому ли, что не хотелось разочаровывать старика, вводить его в смущение, или потому, что в тот день вообще надо было всем людям говорить только приятное, только то, что им хотелось бы слышать,— в общем, не знаю почему, но на вопрос старика Андрей так же вежливо ответил:

— Благодарю вас, дедушка. Сынок растет. Осенью в школу.

— Ну и слава богу. В первый, стало быть, класс?

— В первый,— подтвердил Андрей и только сейчас почувствовал, что уши начинают гореть, а глаза наполняются теплой влагой. «Да что же это такое? Зачем я лгу?»— подумал он в ужасе, не зная, как выпутаться из западни, которую сам же для себя и расставил.

Старик между тем продолжал:

— В какую ж думаете определить? Я б советовал в пятьсот тринадцатую. Учителя, вишь, больно хороши.

— Да вот и мы хотели...

Однажды солгавши, Андрей продолжал лгать и далее, нетерпеливо поглядывая на мастера, который ранее других освободится и примется за него. Теперь Андрей уже боялся, что старик в конце концов назовет его чьим-то чужим именем, и Андрею ничего не оставалось бы, как присвоить это имя себе. К счастью, кресло освободилось, и наш клиент скорехонько угнездился в нем, все еще испытывая легкое раскаяние, как испытывает его человек, совершивший хоть и небольшой, но все же грех. На одевание, думал он, уйдет не более полминуты, а за полминуты не разговоришься. А ежели он опять заговорит, то непременно скажу... скажу, ежели он даже и не заговорит... скажу, что он ошибается, что нету у меня никакого сына. Бритье окончилось скорее, чем хотелось Андрею. Старик со своей располагающей, предупредительной и предобродушной улыбкой остановил его у выхода и, прежде чем подать пальто, большой, слегка замасленной щеткой начал тщательно смахивать разные пылинки да волосинки с пиджака Андрея и, разумеется, делал это не молча.

— Зовут-то как вашего сынка?

— Ванюшкой,— почему-то немедленно ответил Андрей, забыв о принятом решении сказать старику правду.

— Иван, стало быть? Славное имя...

Старик внезапно осекся, тяжелая щетка вырвалась из его рук и громко стукнулась об пол деревянною своей частью. Старик нагнулся, чтобы поднять ее, а когда разогнулся, Андрей не узнал его лица. Морщинистое и прежде, теперь оно сморщилось еще больше, странно изменившись, и по этим морщинам, особенно частым у глаз, точно по желобкам из невидимого родничка, во все стороны покатились, теряясь где-то в густых зарослях седой бороды, торопливые слезы. Пряча их от Андрея и от тех, кто ожидал своей очереди в узкой прихожей, старик подал пальто вместе с шапкой, чего ни один гардеробщик никогда не делает, и отвернулся.

Андрей вышел, решив про себя, что больше никогда не придет в эту парикмахерскую, а будет бриться дома или уходить куда-нибудь подальше, на другую улицу.

II

Сдержанный в отношениях к жене, в тот день Андрей был необычайно ласков с Анной Антиповной. Таким он бывал всякий раз, когда малость провинится перед ней — тем, например, что еще за много дней до получки явится однажды под сильным хмельком. Сейчас вина его — и это он хорошо чувствовал — была большей, словно бы он изменил ей. Вот бы взять да и сказать тому старому чудаку, что никакого Ванюшки у нас с Анной Антиповной нету. Однако не сказал. Теперь терзайся, прячь глаза, хитри...

Брился Андрей через день и через день пошел не куда-нибудь еще, а в ту самую задрипанную парикмахерскую. В этот раз он твердо решил снять неприятный груз со своей души. Денек был теплый, и дверь в парикмахерской была раскрыта настежь. Старичок стоял прямо на улице и улыбался всякому, кто оказывал малейшее намерение заглянуть в его заведение. Андрея он встретил, как старого знакомого. Засветился весь и поздоровался прежде, чем Андрей подошел к нему. Вешая фуражку — Андрей первый раз этой весною вышел на улицу без пальто,— дедушка сообщил как нечто очень важное теперь для них обоих:

— Вчера в ЦУМе видал хорошенькое пальтецо. Прямо на вашего Ванюшку. И не особенно дорого. Ежели вам неколи, я сам схожу и куплю. Работаю я через день. Завтра слободный. Делов у меня все равно никаких нету. Так что могу...

— Зачем же, дедушка? Не беспокойтесь, пожалуйста.

— Какое тут беспокойство? Я с моим великим удовольствием.

— Нет, не надо. Благодарю.

— Может, деньжонок нету? Так я на свои. А потом отдадите.

Андрей сконфузился и вдруг спросил:

— Сколько же стоит?

— Сущий пустяк. Пять сотенных.

— Ну что ж. Послезавтра я сам схожу туда.

— Нет уж, вы там ничего без меня не найдете. Пойдемте вместе. И не послезавтра, а завтра. Федосей Осипович не любит откладывать такие дела,— сказал он с очевидной целью сообщить Андрею свое имя и тем самым сделать на пути их знакомства еще один шаг. Андрею ничего не оставалось, как согласиться с Федосеем Осиповичем, а заодно таким же, не прямым способом назвать и себя.

С этой минуты их было уже трое: Федосей Осипович, Андрей и Ванюшка. На следующий день, в шестом часу вечера, старик и новый его знакомый отправились в ЦУМ. На Крымской площади спустились в метро, а на Пушкинской улице вышли из него. Мимо Большого театра — к магазину. Расстояние тут совсем малое. Три-четыре минуты, ну, может, пять, учитывая московскую толкотню,— и вот он, ЦУМ. Федосей Осипович успел, однако ж, заметить, что на месте, где еще несколько дней тому назад орудовал своими щетками старый айсор-чистильщик, появился книжный киоск; на углу Кузнецкого моста и Петровки достраивается новое кафе; и еще кое-что там приметил Федосей Осипович. Пальто, которое они купили за пять сотенных, тоже было новшество. Месяц назад не было ни такого фасону, ни такого материалу.

Распрощавшись со стариком и поблагодарив его, Андрей сел на такси и помчался прямо к своему приятелю, у которого был сын Санька — к счастью, пальтецо парнишке очень показалось. Отец счастливца приобрел его уже не за пять, а только за четыре сотенных: как-никак, а вещь побывала в других руках, и Андрей не решился назвать подлинную ее цену.

III

Теперь Андрей уже и сам понимал, что странная эта игра зашла слишком далеко, чтобы можно было остановить ее. С помощью Федосея Осиповича он раздобыл все учебники для первого класса, старик позаботился и о тетрадках, и о карандашах, и о пенале, и о непроливной чернильнице, чтобы Ванюшка не мог испачкать форменного костюмчика, тоже приобретенного не без содействия Федосея Осиповича. Учебники, тетрадки, пенал, карандаши, портфель и форменку пришлось сбыть тому же Саньке и опять понести на этой операции хоть и малый, но все же материальный ущерб.

Федосей Осипович уже несколько раз приглашал Андрея к себе в гости. «Хорошо бы вместе с супругой и сынком»,— добавлял он к своему приглашению, но Андрей под разными предлогами отказывался. То у Ванюшки грипп, то он, Андрей, занят, то школьное родительское собрание, то собрание на службе, то еще чего-нибудь. Между тем Андрею очень хотелось побывать у старика и поглядеть, как он живет-может. И все-таки Андрей отказывался. Он не отказался бы и не придумывал бы разные причины своих отказов, но понимал, что в таком случае ему и самому пришлось бы пригласить старика к себе в гости. А это означало бы конец всей истории, конец Ванюшки, в которого Андрей начинал уж верить, точнее, не верить, а для него стал уже необходим, потребен этот сладкий обман. Он мог бы, конечно, предупредить жену, рассказать ей всю историю, но, во-первых, она могла бы обидеться, в душе-то она давно считает, что не дала мужу того, чего он ждал от нее более всего на свете, то есть детей, и от этого сама потихоньку страдала. Андрей все видел, все понимал и теперь не хотел, чтобы она страдала еще больше; во-вторых же, и это самое главное, он не хотел вовлекать в эту мистификацию еще и жену.

IV

Ванюшка между тем рос. Пошел он и в первый, и во второй, и в пятый, и в шестой, и в седьмой класс. Андрей же, приходя в парикмахерскую, делал для Федосея Осиповича подробнейшие отчеты о поведении Ванюшки, о его отметках, обо всех его детских радостях и печалях. По случаю принятия Ванюшки в пионеры у Андрея и Федосея Осиповича было даже маленькое тайное пиршество — они выпили по бокалу шампанского в гастрономе напротив парикмахерской. Охмелев, старик опять звал к себе в гости, просил привести завтра же Ванюшку к нему, чтобы он, Федосей Осипович, мог самолично убедиться, что с Ванюшкой все в порядке. Пришлось опять выкручиваться, а старик морщился, и по морщинам его, как тогда, в первый день их знакомства, катились и прятались в бороде слезы.

Ванюшка рос. Росла и Москва. Однажды Федосей Осипович с величайшей торжественностью объявил Андрею, что на Лубянке — раньше это слово он произносил с совсем иной интонацией — открыт «Детский мир», преогромнейший универсальный магазин исключительно для детей. На следующий день — он был воскресным — они отправились в этот самый «Мир» и прошлялись там до закрытия магазина. Для Ванюшки — фактически же для Саньки — были приобретены великолепные штуки: лыжи с необыкновенным креплением и большой набор под названием «Конструктор», а также готовальня. Вырос спортивный массив в Лужниках. В летнюю пору по набережной, звонко цокая об асфальт, скакали милицейские эскадроны—это на тот случай, ежели болельщические страсти окажутся несамоуправляемыми. Все чаще и с каким-то особым оттенком стало произноситься слово «Черемушки», появились и другие слова, вроде: «микрорайон», «воздушный лайнер», «фестиваль», «форум» — в последнее время, надо сказать, слову этому особенно повезло. Соберутся ли ученые, писатели, артисты, врачи — все это форум. Повара соберутся — тоже форум, торговые люди — опять же форум торговых людей. Звучит и солидно и многозначительно: не собрание, не заседание, не съезд даже, а форум! На какое-то время все эти громкие слова были начисто заглушены тоненьким писком, долетевшим откуда-то с немыслимых высот. Миллионы людей, набожных и безбожников, в трогательном единении вздели очи небесам, чтобы хоть на одну минуту увидеть маленький золотистый шарик, о котором Федосей Осипович сказал:

— Это не шар там, а мысля человеческая витает!

V

Весною и небольшие-то события кажутся важными до чрезвычайности. А тут — Гагарин. О его полете Андрей узнал в одиннадцать часов дня, а вечером собирался пойти в парикмахерскую и послушать, что думает по поводу полета Федосей Осипович. Люди часто стараются проверить свои впечатления впечатлениями других и как бы заново пережить уже пережитое. К тому же Федосей Осипович умел встречать любое событие как-то по-своему, по-особому. Увидел старика у своего дома, на Фрунзенской набережной. Он неловко улыбнулся, стараясь и не находя возможности спрятать большую коробку, перевязанную крест-накрест голубой лентой. Андрей все понял и почувствовал, как по всему телу пробежала дрожь, а к глазам подступило что-то горячее. Ведь Федосей Осипович ждет. Ванюшку ждет с подарком. Разведал адрес, старый, и вот теперь караулит. Мальчишки все пришли из школы, а какой из них Ванюшка?

— Зачем... как ты тут, Федосей Осипыч?

— Да праздник-то какой! Разве ж усидишь дома! Вот Ванюшке твоему «Спутника» принес. В новом магазине, на Комсомольском проспекте, нашел. «Космосом» зовут тот магазин. Дома, что ли, Ванюшка-то?

— Да нет еще, дедушка.

— Можа, обождем маненько, а?

— Да к бабушке его мать повезла. Завтра только будут,— сказал Андрей и покраснел.

— Ну так передай ему вот это.

— Спасибо. Передам. Может, отметим?

— Отчего ж не отметить?— грустно сказал Федосей Осипович. — Пойдем, Андрюша, пока не закрыли.

И они отправились в большой гастроном, куда стали захаживать все чаще и чаще, потому как все больше и больше причин находилось у них для такого захаживания: у Ванюшки дела шли хорошо, дневник выглядел как нельзя лучше, одна только тройка, да и та случайная, да и та по второстепенному предмету. Зато по физике и химии отлично. (Дневник этот завел Андрей специально, чтобы радовать им Федосея Осиповича. Для того, чтобы все выглядело натурально, правдиво, он изредка вписывал в него посредственные оценки, не делал Ванюшку круглым отличником,— в это не мог бы поверить даже Федосей Осипович, что-то отличники в последние годы сильно поредели.) Были причины и другого характера. Справила новоселье и старенькая парикмахерская, где служил Федосей Осипович, Андрея уже несколько раз в течение этих лет повышали в должности. А тут спутники, а тут Гагарин — мало ли еще каких больших дел сделано в последние годы. Причин было также уж много, что посещение винного погребка в одном из отдаленных уголков гастронома стало для Андрея и Федосея Осиповича почти что регулярным. Нельзя сказать, чтобы это особенно радовало Анну Антиповну, но и пьянством такое не назовешь. Мужички брали на душу по одному лишь бокальчику и строго придерживались раз навсегда определенной нормы. Нарушили ее только по случаю Гагарина, да кто не нарушал ее в тот день! Невозможно все же утверждать, не рискуя погрешить против истины, что поводом для посещения погребка были только события радостные и торжественные. Один раз в году — а именно 17 сентября — они шли туда и неизменно по инициативе Федосея Осиповича по какому-то печальному для старика поводу.

По какому, Федосей Осипович не уточнял, а Андрей почему-то не решался расспросить, что же такое случилось в жизни Федосея Осиповича 17 сентября. Умер ли кто из близких, обидел ли кто так, что и во веки веков не забудешь, жизнь ли круто переломилась на том рубеже? Не расспрашивал, а Федосей Осипович молчал. Когда наполнялись бокалы, он первым подымал один из них неуверенною рукой и, осторожно коснувшись им бокала Андреева, печально, тихо и загадочно возглашал:

— Ну, да бог с ними. Выпьем, Андрюша.

Молча выпивали, молча уходили по домам.

Однажды Андрею пришлось взять на себя инициативу, был он в тот вечер как оглушенный. Отвечал на вопросы Федосея Осиповича невпопад, нес какую-то околесину, жаловался на что-то, а на что, толком и не поймешь. Все какие-то намеки, какие-то угрозы, а кому — опять же понять было нелегко. А дело самое простое: приревновал Анну Антиповну к своему же сослуживцу на новогоднем празднике. Ну, потанцевал бы тот с ней раз-другой, так нет же: весь вечер, как прилепился, так уж и не отлеплялся от нее. И это еще было бы полбеды. Хуже другое. Хуже то, что Анне Антиповне это определенно нравилось. Глаза ее светились влажным блеском, и была она вроде бы уж более гибкой и красивой какою-то, неприятною для Андрея красотой. В тот час он противно и гадко почувствовал в себе медленно и угрюмо просыпающегося зверя, пальцы на руках уже знобко вздрагивали, мускулы напружинивались, к лицу неровными толчками подступала кровь. Надо было уходить и уходить немедленно, не то беды не миновать. Незаметно выскользнул на улицу и не помнил, как добрался до своей квартиры. Десятью минутами позже прибежала и она, тормошила его, уткнувшегося лицом в подушку, умоляла сказать, в чем дело, хотя отлично знала, в чем, но ведь иногда хитрят и очень честные люди. Не отрываясь от подушки, он так злобно ворохнул лопатками, что она испуганно отпрянула и сейчас же прибегнула к извечному бабьему средству, то есть разревелась. Внутри у Андрея все похолодело: слез жены он не выносил. Теперь они поменялись ролями. Уже Андрей спрашивал Анну Антиповну, что с нею, отчего разревелась, так же зная точно, отчего. Помирились только к утру, но не все еще вошло в прежние берега, что-то было замутненным, замусоренным, как в тихой и светлой речке после неожиданного паводка. Пока был дома, все как будто устроилось, установилось на душе, а на службе, стоило появиться тому и поздороваться с Андреем с какой-то торопливой и подчеркнутой предупредительностью, зверь сызнова поднялся на дыбы, и Андрею стоило невероятных усилий загнать его в клетку, то есть в самого себя, и держать там до конца рабочего времени. Прямо со службы он направился в парикмахерскую, к Федосею Осиповичу. Часом позже их можно было уже видеть в погребке. Андрей во второй раз попытался было увеличить толику, но старик решительно пресек такую попытку, сказав:

— Будя. Пошли домой.

— А-а...

— Что а? Ты мне эти шутки брось. Глупости все это. Ясно?

— И все-таки я ему морду побью,— сказал Андрей вдруг совершенно спокойно.

— Ну и побей, коли заслужил,— так же спокойно одобрил Федосей Осипович. Однако добавил:— Только ведь и сдачи могут дать, опять же пятнадцать суток. А ведь у тебя жена, сын Ванюшка. Как он будет товарищам в глаза глядеть? Батька посажен за хулиганство. Нет, уж ты охолонь маленько, Андрюша. Накрутил ты себе семь верст до небес.

— И все-таки побью.

— Тебе видней,— как бы уж и благословил Федосей Осипович.

На том и закончили.

Были горькие минуты не только у них, но и у страны и у всех добрых и честных людей других стран. Федосей Осипович узнавал о них прежде, потому как маленькая коробочка, притулившаяся под самым потолком гардеробной, не выключалась ни на минуту и сообщала все новости — радостные и печальные. Федосей Осипович знал по имени и по голосу всех дикторов Всесоюзного радио и по тону этого голоса заранее определял, какою будет новость — плохой ли, хорошей. С Юрием Левитаном у Федосея Осиповича как бы сами собой установились дружеские отношения. Нередко старик в мыслях своих приятельски разговаривал с ним: «Что-то ты, Юрий, нонче не того, не в духе будто. Голосу твоему не хватает чегой-то. Можа, простуда?» Юрий Левитан доводил до сведения Федосея Осиповича, как правило, события чрезвычайной важности и потому пользовался особым благорасположением старика. «Человек государственного ума, ежели доверили такое дело!» — думал он про знаменитого диктора. «Советский человек в космосе!» — на весь свет возгласил о Гагарине Левитан, а у Федосея Осиповича захолонуло под ложечкой, и до сей поры, как только вспомнит про тот час, испытывает сызнова радостную дрожь во всем теле.

Диктору не раз приходилось сообщать Федосею Осиповичу о событиях вовсе уж не радостных. В далекой Африке какие-то злыдни убили Патриса Лумумбу. «Как же это можно, как могли допустить?!» — в страшном гневе говорил Андрею старик. А тот, чтобы хоть чуточку успокоить друга, сказал ему, что Ванюшка просит взять маленького Патриса, одного из сыновей погибшего. Мысль эта принадлежала Анне Антиповне, но Андрей приписал ее Ванюшке, чему был до крайности рад Федосей Осипович. Он дал Андрею много разумных советов относительно того, как и к кому надо обращаться с этакими делами. «Лучше и вернее всего в Мирный Совет, там свяжутся по радио или еще как, с кем надо, похлопочут, и у Ванюшки будет приемный брат. Это уж точно!» Не откладывая дела в долгий ящик, они в тот же день сочинили длиннейшее письмо и около месяца находились в состоянии напряженного ожидания. Из Комитета солидарности со странами Азии и Африки, куда было переслано их письмо, пришел наконец ответ грустного для них содержания. Ценим, мол, ваши интернациональные чувства, дорогие товарищи, но мать Патриса хочет вырастить своего сына на родной ему, африканской земле, чтобы он жил среди своего народа и был таким же мужественным его защитником, каким был его отец. «Так, видно, надо, Андрюша»,— рассудил все понимающий Федосей Осипович, однако за упокой души великого африканца и за здоровье маленького Патриса они все же выпили.

VI

Временами Андрей испытывал мучительное угрызение совести. Как там ни говори, а ложь есть ложь, рано или поздно, но за нее придется держать ответ. Были дни, когда он ходил, как побитый, глаз не смел поднять на жену. Сознание того, что втайне изменил ей, нафантазировав какого-то Ванюшку, с годами обострялось, становясь невыносимым. Много раз он подходил к парикмахерской с железной внутренней установкой рассеять этот туман, отбросить прочь призрачную завесу, но, слабый человек, не прошагав и десяти шагов от своего дома, Андрей понимал, что не сможет сделать этого. Достаточно было хоть на одну минуту представить, как встретил бы его признание Федосей Осипович, чтобы тотчас же

отказаться от вроде бы и благого намерения. И сладкая ложь продолжалась. Продолжалась бы она бог весть сколько еще годов, не случись беды.

Андрея послали в командировку на полтора месяца. По правде сказать, он сам напросился в эту командировку: встречаться с Федосеем Осиповичем было все труднее, а не встречаться вовсе Андрей не мог: они были сообщниками в деле, которое касалось только их двоих и никого более. К тому же старик, встревожившись долгим отсутствием Андрея, непременно попытался бы отыскать его квартиру — дом был ему уже известен,— и тогда разоблачение было бы неизбежным, а о последствиях и подумать страшно. Поэтому Андрей прежде всего предупредил Федосея Осиповича, что уезжает в Сибирь... он сказал не на полтора, а на два месяца, для чего-то приберег пятнадцать дней. Федосей Осипович грустно поморщился, вздохнул как-то по-детски судорожно.

— Коли надо, что ж, поезжай, Андрюша. Не простудись, сынок. Холода там, вишь, страшенные. Ну, а каковы дела у Ванюшки?

— Спасибо. Хорошо. Осенью — в десятый класс.

— Ишь ты! В десятый?! Времечко-то как бежит.

— Бежит, Федосей Осипович.

Они обнялись и расцеловались на прощание.

Вернувшись из поездки, Андрей первым долгом побежал в парикмахерскую. Только далеко от Москвы, в командировке, он по-настоящему понял, кем для него стал Федосей Осипович...

В прихожей, у гардеробной, стоял другой человек, еще не старый, с одной левой рукой. Андрей никогда его не видал, но он и не приходил в парикмахерскую, когда там не было Федосея Осиповича. Брился и стригся только в дни его дежурств. Значит, решил Андрей, сегодня не его время. Приду завтра. Но и назавтра Федосея Осиповича не оказалось на привычном месте. Не оказалось его и на третий и на четвертый день. И теперь уж Андрей, схваченный за сердце недобрым предчувствием, решил спросить у однорукого, а где ж его напарник, почему не приходит, не рассчитали ли за какую-нибудь промашку.

— Нет, не рассчитали... Помер Федосей Осипович, в одночасье помер. Стоял вот тут, ничего, бодрый, даже шутил. А потом как-то тихо присел на пол, прислонился к стене, глядь — он уже не дышит... А что с вами, гражданин? Он что, отец ваш?

Но Андрей был уже на улице.

Лишь на пятый день после приезда, узнав адрес у заведующего парикмахерской, отправился на квартиру Федосея Осиповича. Отыскал на Плющихе деревянный домик, один из тех, что покорно и безропотно ждут своей очереди на слом. В единственном подъезде первая дверь направо вела в комнатушку Федосея Осиповича. Ключ был у соседей. Андрей объяснил им, кто он и почему пришел. Открыли. Из старенького репродуктора, притулившегося в углу, по соседству с Николой-угодником, слышался голос Левитана — сообщались последние известия. Железная кровать стояла прямо у двери, какой-то старый зеленый сундучок, перехваченный со всех сторон ржавыми железными ремнями, кастрюля, закопченная на плите в голландке, посудная полка с двумя тарелками и одной деревянной ложкой, малость выщербленной. Вот и вся Федосеева утварь. На стене — единственная фотография в самодельной раме. Молодая женщина в темном платке, широколикая и большеглазая, со строго поджатыми губами. На руках у нее дитя. Должно быть, фотографию часто сымали со стены, потому как рама была сильно и свежо захватана.

— Он что же, коренной был москвич? — спросил Андрей.

— Да нет. В войну приехал. Откуда-то из-под Брянска. Больше мы ничего не знаем о нем. Старик не любил, когда его расспрашивали.

Андрей поблагодарил соседей и вышел, захватив зачем-то фотографию. От Плющихи спустился к набережной. Было ветрено, в левую щеку сыпал косой холодный дождик, капли его попадали за воротник. Над рекой носилась чайка, оглашая окрестность пронзительным, режущим прямо по сердцу криком.

К 60-ЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ НА БРОНЕНОСЦЕ «ПОТЕМКИН»

Письмо из Монреаля

Сотрудница Саратовского областного архива М. А. Дворцова недавно обнаружила письмо, автором которого был житель Монреаля (Канада) Иван Лычев. На письме дата: 17 ноября 1910 года. Оно было адресовано в небольшое приволжское село Обшаровку. Почему же царская охранка перехватила это письмо?

Сохранилось донесение одного жандармского офицера начальнику Саратовского губернского жандармского управления. Под грифом «совершенно секретно» всего несколько слов: «Автор письма Иван Лычев — бывший матрос броненосца «Потемкин».

Ниже мы публикуем текст этого письма с некоторыми сокращениями.

...Здравствуйте, дорогие родители Корнил Федорович и Наталья Филипьевна. Посылаем Вам свое глубочайшее почтение и с любовью по низкому поклону и желаем мы вам всего наилучшего на свете.

...Слышно из газет, что в 1913 году будет амнистия по случаю трехсотлетия царствования дома Романовых, авось и я подойду под эту амнистию, тогда вернусь на родину и там уже займусь чем-нибудь, а пока здесь буду работать на фабрике... Я работаю слесарем по ремонту машин и получаю 4 рубля 80 коп. в день за десятичасовой рабочий день... Но здесь и расходы совсем другие, жить самое скупо выходит у нас на харчи, квартиру с отоплением 60 рублей в месяц, а как только захочешь что-нибудь получше, то и 80 руб. не хватит... Правду сказать, что здесь за 1300 рублей купить ничего нельзя, ибо все так дорого, что не приступишься. Самый плохой домишко за городом... нужно заплатить не меньше двух тысяч рублей и больше. Но мы решили пока не покупать ничего, а подкопить денег и, может, придется вернуться. Но вы пишете, что в России порядок совсем старый, то рассчитывать приходится очень плохо, но все же мы надеемся когда-нибудь вернуться на родину.

Теперь скажу о чернорабочих здесь... Работу можно всегда достать на железной дороге, то есть на постройке железных дорог... Только одно плохо: жить приходится в степи, далеко от сел или городов, в бараках... Каждый, кто едет сюда, должен иметь в кармане 100 рублей, иначе не пропустят,— вот какие трудности для русского мужика пробраться в Америку. Ну, довольно об этом, никто не собирается ехать сюда... Нужно работать, а не мечтать о легком труде.

...Напрасно мамочка так плачет и убивается. Разве легче было бы матери видеть меня в тюрьме или на каторге, где люди страдают день и ночь под гнетом правительства, когда мы читаем здесь каждый день об избиении в тюрьмах, людей мучат хуже, чем животных, и что пережила бы ты, дорогая мама, тогда, когда слышала бы мой стон или пришли бы проститься со мной, когда повели бы меня на виселицу.

Ну, довольно об этом. Еще шлем свой привет и почтение Марье Лукьяновне с супругом Игнатием Алексеевичем и Графене Лукьяновне с супругом Никитой Васильевичем и с дочкой Лизой и всем знакомым и родным.

Будьте здоровы и пишите о всех новостях и переменах в жизни. Очень печально, что все идет у нас по-старому, ничего нового нет, и, пожалуй, напрасно я рассчитываю на скорое возвращение, ибо при старых порядках мне вернуться невозможно...

Ну будьте все здоровы. Передайте мой привет моим сестрицам с супругами и детками. Искренне любящие Вас ваши дети Ваня и Зина и ваши внучки Женя и Рая.

Поздравляем Вас с Новым годом. Желаем всем всего наилучшего на свете.

Иван Лычев».

Меня заинтересовала судьба автора этих строк. Много лет пролежало письмо в архиве царской охранки. Что же сталось за это время с Иваном Лычевым? Из Саратова я позвонил в Москву в Музей Революции СССР. Заместитель директора музея М. С. Рутес сказал:

— Иван Акимович Лычев сейчас находится в Москве.

— Поезжайте быстрей в Москву,— посоветовали мне саратовцы.

Я застал Лычева, когда он укладывал чемоданы, собираясь в дорогу. Лычева пригласили в Одессу на открытие памятника потемкинцам. Он высок, широкоплеч, не по летам энергичен, сохранил военную выправку. Не верится, что ему за восемьдесят.

Я протянул потемкинцу старое письмо, и он сразу воскликнул:

— Мое! Я писал отчиму и матери!..

С волнением прочитал письмо, потом долго перечитывал его снова и снова. Все время повторял:

— Да! Да! Было такое!

Затем, немного успокоившись, сказал:

— Письму этому, считай, 55 годков. Писал я его совсем молодым, из Монреаля. Ох, как тянуло меня из той Канады на родину! Это трудно передать... Такое понять надо. Но в ту пору возвращаться в Россию мне нельзя было. Никак нельзя. Меня ж приговорили к смертной казни. Я был членом судовой комиссии на «Потемкине». Это было доподлинно известно жандармам... Много пришлось пережить на чужбине, но больше всего я беспокоился за своих родителей, за матушку... Боялся, что не удастся свидеться. Но все же надеялся... Да, на чужбине самая распрекрасная мечта — мечта о родине своей...

Как же крестьянин из поволжского села Обшаровки попал в Америку?

В 1902 году Ивана Лычева взяли на военную службу, стал он матросом-новобранцем. Он служил на Черноморском флоте, в команде броненосца «Князь Потемкин-Таврический». Лычев познакомился с большевиком Вакулинчуком и его товарищами, стал читать большевистские газеты, журналы, услыхал о Ленине. В 1904 году он вступает в ряды РСДРП, а когда на «Потемкине» вспыхнуло восстание, становится одним из его активных участников.

Матросы избрали Лычева членом революционного комитета на корабле — судовой комиссии. Ему поручили управлять всем боевым оборудованием броненосца — минными аппаратами и динамо-машинами. Вместе с другими моряками Лычев содержал мятежный корабль в образцовом порядке.

Впоследствии, когда потемкинцам пришлось уйти в Румынию, Иван Акимович поступил на нефтеперегонный завод в городе Кымпина. Но там он пробыл недолго. За участие в рабочем движении Румынии ему грозили тюрьмой, и по указанию ЦК РСДРП Лычев и другие члены судовой комиссии выехали из страны. Двенадцать лет скитался Лычев по Канаде и США, испытал много мытарств, невзгод.

— Узнал я, что такое американская свобода, американский «рай». Лишь в 17-м году я вернулся в родное село Обшаровку. Можете представить, как меня встретила матушка, односельчане избрали председателем волостного Совета, потом я был делегатом самарского губернского съезда.

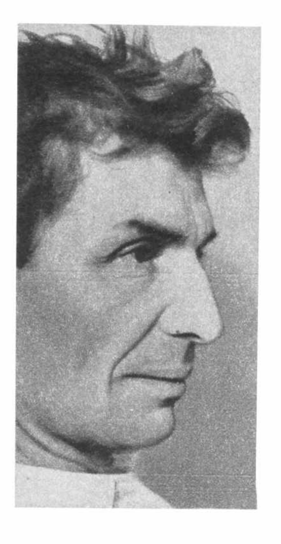
Иван Акимович участвовал в гражданской войне. Ему посчастливилось встречаться с В. И. Лениным, Я. М. Свердловым, В. В. Куйбышевым. Впоследствии он был избран секретарем Самарского губкома партии. С 1925 года Лычев живет в Москве, он долгое время работал на руководящей партийной и хозяйственной работе. Он написал книгу о потемкинцах, которая издавалась и переиздавалась много раз: в Москве, Куйбышеве, Владивостоке.

Ныне Лычев — персональный пенсионер. Он награжден двумя орденами Красного Знамени: Боевого и Трудового. Старый моряк часто встречается с молодежью.

А как же сложилась судьба его детей Жени и Раи, про которых он писал в письме?

Раиса Ивановна Лычева (она гордится фамилией отца, не хочет ее менять) закончила в свое время Высшее техническое училище имени Баумана, работает инженером. На пенсию перешла другая дочь потемкинца — Евгения Ивановна.

Ю. ПЕСИКОВ

Первая книга стихов Дмитрия Михайловича Ковалева «Далекие берега», изданная в 1947 году, была написана поэтом в годы войны, когда он служил на Северном флоте. А потом один сборник стихов следовал за другим. «Мы не расстаемся», «О мальчике Женьке из села Нижние Деревеньки», «Рябиновые ночи», «Тишина», «Тихая молния» — вот далеко не полный перечень книг, вышедших из-под его пера.

Поэт пишет о путях и судьбах своего поколения, о неброской, но щемящей душу красоте родной природы, о глубинных, сокровенных человеческих чувствах.

Здесь публикуются новые стихи Дмитрия Ковалева, которыми поэт встретил свое пятидесятилетие.

Дмитрий КОВАЛЕВ

Я вас люблю

* * *

Я вас люблю.
Обид своих не помню.
И этим через край душевность полню.
И это бережно несу,
чтоб не пролить,
чтоб эту бережность во сне продлить.

Прильну к душе душой —
и боязно горжусь:
как во вселенную вдруг погружусь.
Под сердцем замирает высота.
Под высотою глубина таится.
И жадность узнаванья не сыта.
И радостно, что ей не утолиться.

И знать я не хочу,
что все узна́ю,
что жить устану
и любить устану,
привыкну,
нежеланным стану.

И радость свежая — как рань лесная.
И пробуждения желаю, а не сна я.
И в тучах зелень — как в саду калитка.
И синь за облаками — как моря.
И первый луч — как взгляд твой, жизнь моя.
И первый листик — как твоя открытка.

ЛЕБЕДИ

Брату Мише.

Все вижу замок с галками на башне,
как в сумерках, в деревьях, на горе.
Вдали — закат запекшийся на пашне,
как на сосновой дымчатой коре.
Не нагляжусь, как сахарно чиста
зубцов корона за листвою в лепете.
Не надивлюсь с висячего моста,
как плавают невозмутимо лебеди:
то траурный в сверканьях дня,
то подвенечная в мерцаньях ночи...
И летось, как впервые тут, и нонче —
мои наставники, мои друзья...
А птицы всё плывут, плывут...
И так до самой песни лебединой.
А песня та и после будет тут,
не там — в забытости той нелюдимой.
В ней будет бор за Сожем, как дымок.
И пароход в лугах с закатом в стеклах.
Гудок его разливистый.
У бакенов домок.
И холодок песка на мелях теплых...
И вы,
не вышедшие из войны...
Ров крепостной с водой,
живой, как око.
И черный месяц среди бела дня.
И солнечный озноб со дна истока.

* * *

Хмурь.
Водянистость зелени в подсвете,
и в просветленности —
избытка плеск.
А в яблоневых пузырьках соцветий
малиновая снежность,
влажный блеск.
И, раскрывая золотинкой лютик,
стоит теплынь воды на мураве...
И сказка о летающих есть людях
и о пешком идущем муравье.
И о любви,
несбыточной навеки,
когда сбывается все на глазах.
И что молочные бывают реки,
когда сады в цвету
и свет в лесах...
Из свежести,
как озими гребенка,
весь мир,
весь путь,
что звезды замели,
от родинки на личике ребенка
до многих родин на лице Земли.
И только знаю,
что ложится семя
в сырую землю на полях атак.
И только помню,
что недолго время...
И потому все драгоценно так.

Я ВЫШЕЛ СНОВА

Я вышел снова на твои дороги.
И дышится всей грудью широко.
И в поле месяц высится двурогий.
И спелые хлеба — как молоко.
Вся вот она:
от низочки рубинной
до клеточки от шин грузовика,
с иглою колокольни,
и с рябиной,
и с чернью от дождя-грозовика.
Как я неотрешенно это вижу,
какой всегда непосторонний здесь...
Колосья с клювиками зерен,
вы же
на ощупь все, на вес,
я в этом весь...
И потому мне хлеб святей святыни,
и так луга туманны за рекой,
и так потребно мне в жары и в стыни
потрогать святость собственной рукой,
и чтобы ты всегда перед глазами,
из этого озноба ночи вся,
и чтобы я от бережности замер,
как будто на руках тебя неся.
Передо мной любви моей держава —
хоть с будущим свиданье назначай.
Проглядывает солнечность шершаво
сквозь нежность шеи, льнущей невзначай.
И невместимость волшебства в рассудке.
И та непостижимость — вот она,
во времени, размеренном на сутки,
окрашенном в летучие тона.
Его рассветность в сумеречном поле...
Неразделенность разделить явись.
Сама явись. Как хлеб. Как воздух полый,
разлившийся и затопивший высь.

* * *

Человек...
Он так легко раним.
Верит сердцем,
вещим,
но не зрячим...
Мы всегда
потом себя браним,
на миру браним.
И слез не прячем.

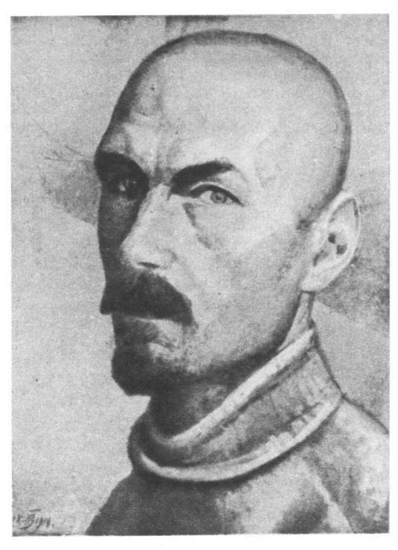
* * *

Антоновками пахнут ночи темные,
хоть ветреная пустота в саду.
И холодно глядеть вам в высоту,
ключи криниц, лозою оплетенные.
Как жутко далеко глаза ночами в небе видят,
пока не заорал будильник прошлого — петух...
Недальновидный день, дверями скрипнув,
выйдет —
и проясненный мрак, глядишь, потух.
Заря, что по весне свое отпела,
за будкой, не забывшей о щенке,—
как яблоко салатно-белое,
с морозовостью яркой на щеке.

БЫТЬ ИСКОРКОЙ

Перед рубиновым огромным солнцем ранним
песочно-дымные стволы в бору...
С тобой — ни забытья, ни умиранья.
Все предвещания твои — к добру.
Русь,
нареченная когда-то Белой,
с Великой Русью
ты слилась во мне,
как две любви
во ржи заголубелой
с одною правдой
в мире и в войне.
Хочу погожим эхом оставаться
в твоих грибных и ягодных лесах.
За правду рисковать и не сдаваться,
у совести своей быть на часах.
Закон:
неси земле хотя бы лучик.
Завет:
живи — душою не криви.
Быть искоркой твоей —
чего же лучше?—
быть искоркой сознания в крови.

К. Петров-Водкин.
Автопортрет. 1918 г.

Его продуманное мастерство

Ю. ОСМОЛОВСКИЙ

В небольшом тихом городке Хвалынске, что стоит на Волге, есть картинная галерея, носящая имя одного из крупнейших русских советских художников, Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина.

Чтобы глубже понять творчество художника, необходимо побывать на его родине. Хвалынск расположен на крутых холмах и летом весь утопает в яблоневых садах. Анис алый, анис бархатный, антоновка — знаменитые хвалынские яблоки, мы видим их в превосходных, удивительно мастерски сработанных натюрмортах художника.

Детские и юношеские впечатления, наиболее яркие и свежие в сознании и душе художника, оказали влияние на формирование крепкого, жизнеутверждающего искусства Петрова-Водкина.

Кузьма Сергеевич Петров-Водкин родился в 1878 году в семье сапожника. Одиннадцати лет он был отдан в четырехклассную городскую школу. Там вскоре проявились у него способности к рисованию. Как-то на уроке он изобразил почти иллюзорно, буквально до зрительного обмана, надорванный и чуть отогнутый листок тетради. Рисунок произвел большое впечатление на учителя и одноклассников, его оставили в архиве школы, автор же стал первым учеником по рисованию.

Получив первоначальные навыки в живописи у хвалынских мастеров-иконописцев, а потом в Самаре в классах живописи и рисования, которыми руководил Ф. Буров, Петров-Водкин в 1895 году приезжает в Петербург и поступает в школу технического рисования барона Штиглица. Занятия в школе, где подготавливали главным образом специалистов декоративно-прикладного искусства, не удовлетворили молодого художника. Значительную роль в его творческой судьбе сыграло Московское училище живописи, ваяния и зодчества; здесь он учился у В. А. Серова, его однокурсниками и товарищами были П. Кузнецов, М. Сарьян...

На всю жизнь сохранил Кузьма Сергеевич, как и все художники, учившиеся у Серова, самые лучшие воспоминания о своем наставнике.

В книге «Пространство Эвклида» он писал:

«Гордо носил Серов профессию живописца не по тщеславию, а по глубокому убеждению в ответственности этого дела. Ни разу не слышал я от него дурного отзыва о любом, самом слабом, живописце. И когда мы набрасывались на кого-либо из них, он говорил:

— Живопись—трудное дело для всех, и неожиданностей в ней много. Вот вы ругаетесь, а он возьмет вдруг да и напишет очень хорошую картину! — и улыбался нашей горячности».

Большой, разносторонний талант был отпущен природой Петрову-Водкину. Приехав из провинции, где получил скудное образование, он серьезно занялся не только живописью, но и музыкой и через несколько лет уже играл на скрипке сложные вещи, импровизировал.

Увлекала его и литературная деятельность: в годы занятий в московском училище он написал более двадцати рассказов, три большие повести, двенадцать пьес. Одна из пьес, «Жертвенные», была поставлена в 1906 году передвижным театром П. Гайдебурова.

Вторично Петров-Водкин обратился к литературному творчеству в 20-х годах, когда, заболев туберкулезом, был вынужден оставить живопись. По совету К. Федина, В. Шишкова, О. Форш он пишет книги о своем детстве и юности. «Хлыновск» и «Пространство Эвклида» не только автобиографичны, в них в увлекательной и своеобразной форме автор живо нарисовал эпоху и характеры.

Были у Петрова-Водкина и другие, самые неожиданные увлечения: в 1901 году он вместе с товарищами совершает рискованную поездку на велосипедах за границу. Фотография, сохранившаяся в архиве художника, запечатлела момент старта: Москва, Серпуховская застава, болельщики и репортеры, несмотря на дождливый день, провожают велосипедистов.

В 1907 году, во время пребывания в Париже, художник внезапно уезжает в Алжир, окунуться в иную природу. Об этом путешествии, полном необыкновенных приключений, он написал увлекательную книгу.

В своих письмах, беседах, воспоминаниях художник говорит о том, что порой не знал, чему отдать предпочтение: литературе или живописи. И все же призвание живописца победило.

«Замечательное дарование К. С. Петрова-Водкина занимает большое место в русском искусстве,— писал народный художник СССР К. Ф. Юон в статье, посвященной его персональной выставке (1937 год).— Его продуманное мастерство, его большая композиционная искушенность базируются на основательном изучении классического наследства Европы, лучших заветов древнего русского искусства и на новейших достижениях французской живописи. Его знания получили в его искусстве высококультурное отражение, переработавшись в своеобразную художественную методику. Вместе с этим произведения Петрова-Водкина дают и немалый дискуссионный материал».

Творчество Петрова-Водкина формировалось в начале XX века, когда в русском искусстве был период бурного, противоречивого развития, и в ранних работах художник отдает дань моде, дань времени, но даже в них уже виден большой мастер, блестяще владеющий всем арсеналом живописных средств.

Картина Петрова-Водкина «Сон» (1910), в которой налет декаданса очевиден, получила довольно печальную известность. Автора критиковали и с позиций реализма и с крайне «левых», но та и другая сторона признавала его самобытность и мастерство.

Постоянно ищущий, настойчивый в достижении поставленной цели художник тем временем продолжал углубленно работать, отыскивая новые образы, новые средства выражения.

Одним из значительных, монументальных полотен, написанных им в предреволюционный период, стало «Купание красного коня» (1912). В центре композиции героический огненно-красный конь, символически как бы воплотивший в себе тревожное предчувствие надвигающихся грозных событий. Когда началась первая мировая

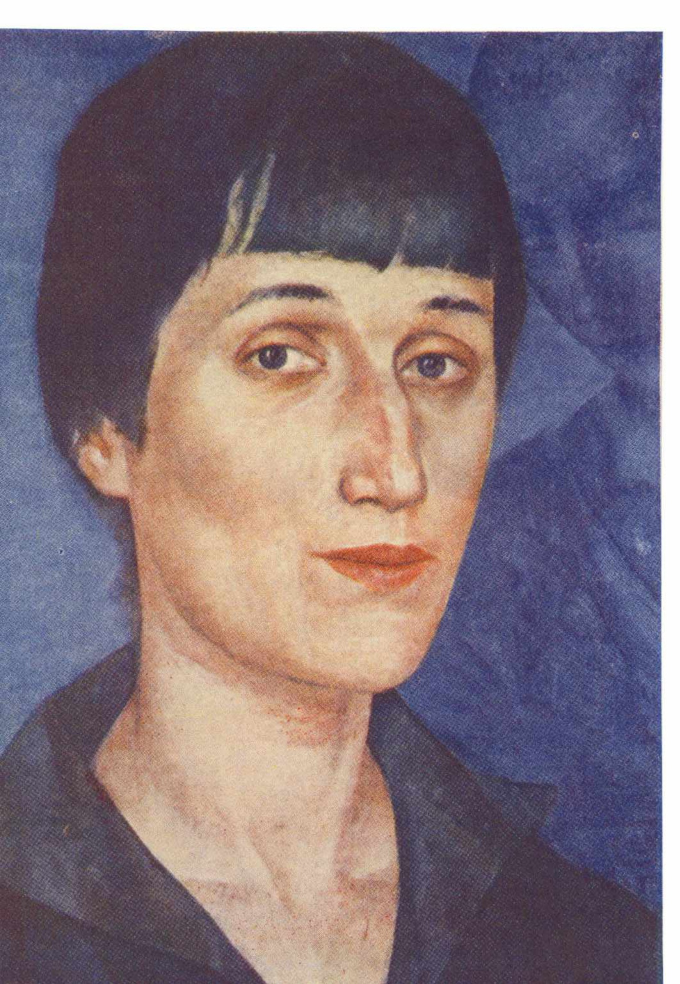
К. Петров-Водкин. **ДЕВУШКА В САРАФАНЕ. 1928.**

Государственный Русский музей.

К. Петров-Водкин. ПЕРВАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ 1927.

Центральный музей Вооруженных Сил СССР.

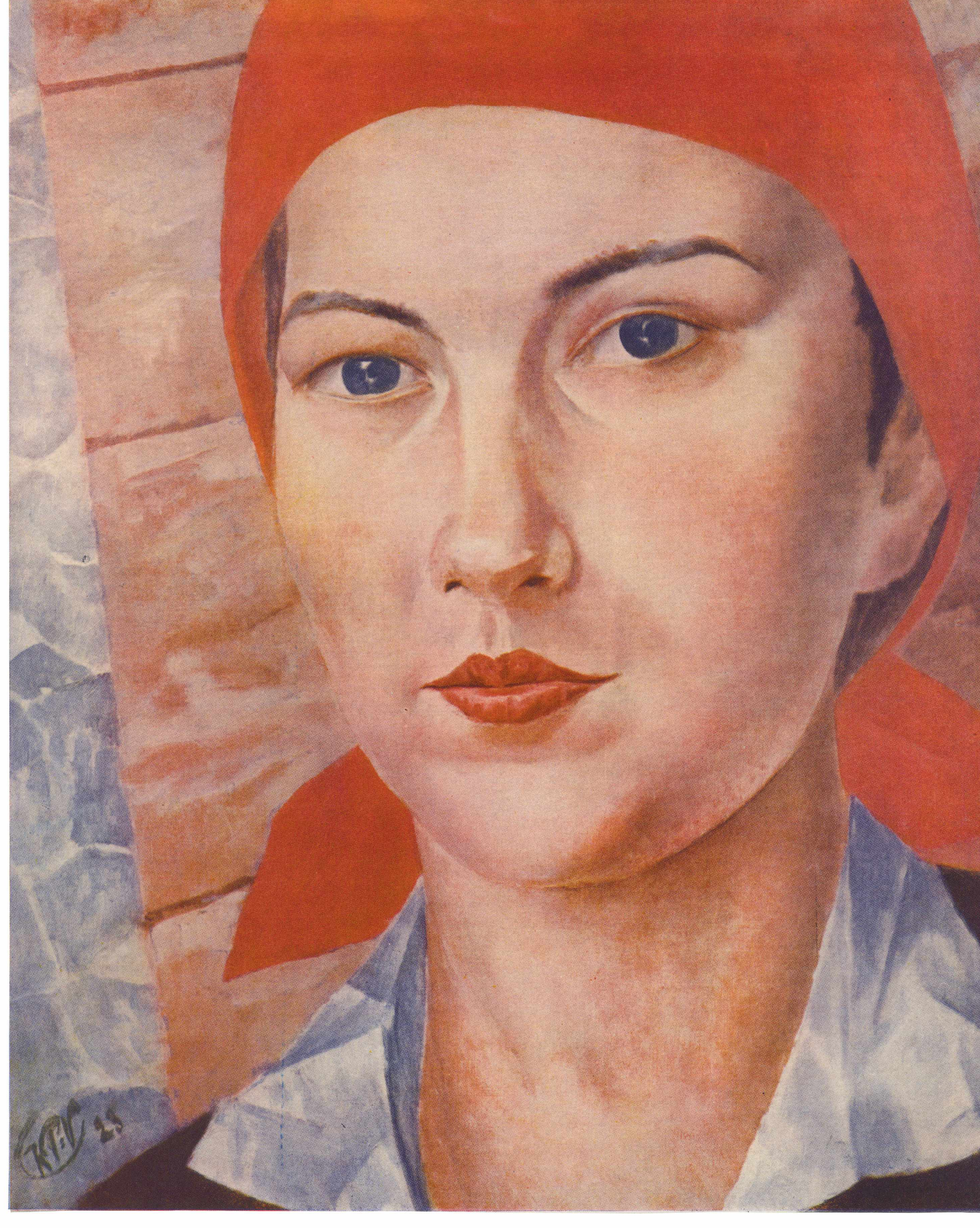
ПОРТРЕТ АННЫ АХМАТОВОЙ. 1922.

Государственный Русский музей.

ПОСЛЕ БОЯ. 1923.

Центральный музей Вооруженных Сил СССР.

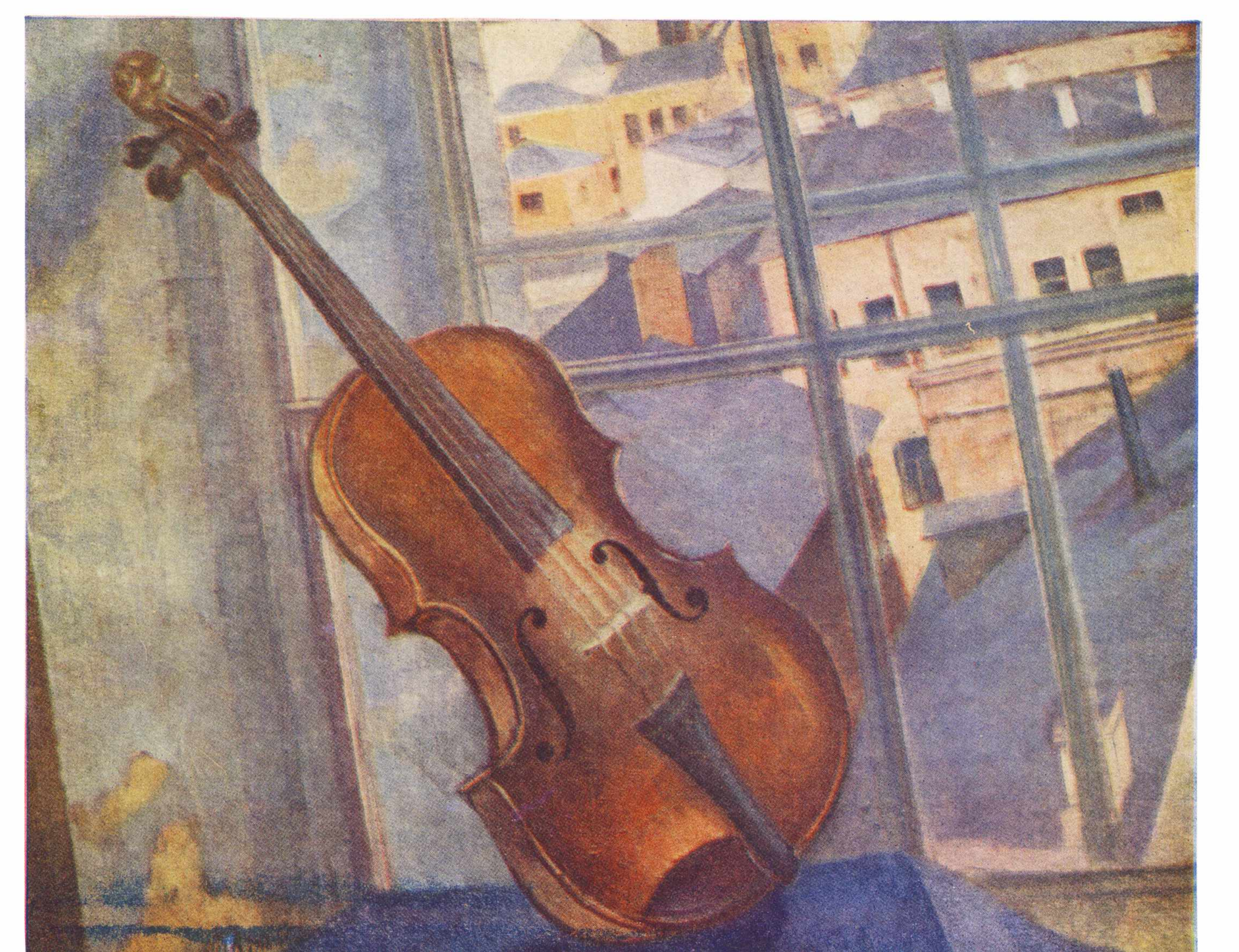

К. Петров-Водкин. 1878—1939. РАБОТНИЦА. 1926. Из частного собрания.

К. Петров-Водкин. КУПАНИЕ КРАСНОГО КОНЯ. 1912. Государственная Третьяковская галерея.

СКРИПКА. 1918.

«Огонек». 1965.

война, Петров-Водкин говорил: «Так вот почему я написал купание красного коня».

Любопытна судьба этого произведения. В 1914 году картина была направлена на Балтийскую выставку в шведский город Мальмё, где получила медаль и диплом. Началась война, а затем Октябрьская революция — и картина осталась в Швеции. Только в 1950 году ее отыскали и вернули на родину. Вскоре она попала в собрание К. К. Басевич, которая в 1962 году преподнесла ее в дар Государственной Третьяковской галерее.

Художественный язык произведений Петрова-Водкина предреволюционного времени весьма условен, но он настойчиво шел к созданию содержательной картины, выступая «против бесформенных дерзаний творчества, забывшего законы культурной преемственности».

Уже в это время отличительная и главная особенность его искусства — демократическая направленность. В картине «Девушки на Волге» (1915) и ряде других произведений он создает образы русских женщин, стремится к поэтизации народной жизни.

После Октябрьской революции Петров-Водкин ведет большую преподавательскую и общественную работу, участвует в оформлении Петрограда к революционным праздникам. В первую годовщину Октября он вместе со своими учениками оформляет площадь перед театром оперы и балета.

«Первым, чем я участвую в революции,— писал художник,— это «Степан Разин» (большое панно, входившее в проект оформления площади)... Я ощутил, что значит живая картина, когда на ней изображены не манекены, а живые люди».

Он остро сознавал необходимость решения современной темы, воплощение которой было невозможно в символической, отвлеченной форме, присущей его ранним работам. Не случайно в первые послереволюционные годы он обращается к натюрморту, как бы оттачивая на нем свое мастерство на подступах к картине большого содержания. «Натюрморты,— говорил Петров-Водкин,— это скрипичные этюды, которые я должен делать раньше, чем приступлю к концерту».

Серия превосходных натюрмортов— «Скрипка», «Розовый натюрморт», «Утренний натюрморт»— является классическим образцом натюрморта в советском искусстве. При некоторой спорности пластическо-пространственных решений их отличает удивительная ясность мысли, тонкий колорит, умение прочувствовать и выявить изображаемый предмет. К. Федин говорил, что, рассматривая натюрморты Петрова-Водкина, чувствуешь почти физическое наслаждение, облегчение, подъем, радость.

В эти годы художник создает и ряд портретов. Портрет Анны Ахматовой (1922) выделяется среди них глубиной психологического раскрытия образа, передачей внутренней одухотворенности поэтессы.

Большой перелом, происшедший в творчестве Петрова-Водкина, знаменовал собой обращение художника к современности, к созданию положительного образа, утверждению красоты жизни.

Одна из первых картин —«1918 год в Петрограде» (1920), где художник изобразил простую женщину с ребенком на фоне улицы,— говорится о том, что новая тема становится в его искусстве ведущей. В этом полотне еще чувствуется образный строй его прежних работ, но ведь освоение революционной действительности не шло у художника быстро и гладко, без всяких противоречий; процесс был сложным и длительным.

В беседе с молодыми художниками Петров-Водкин говорил, что к красногвардейцам и красноармейцам он питал всегда какую-то внутреннюю нежность и изображать их было для него истинным блаженством. Эти чувства нашли свое выражение в картине «После боя» (1923). Трое боевых товарищей, сидя за столом, вспоминают о героически погибшем друге. Он изображен на фоне картины одним синим цветом. Художник четко обрисовал разные характеры людей, объединив их общей печалью.

Это полотно, экспонировавшееся в 1926 году на Венецианской международной выставке, произвело сенсацию; оно способствовало разоблачению клеветы на советских солдат, которых западная пресса изображала кровожадными, звероподобными людьми. Посетители выставки увидели большую человечность и правду, воплощенную в картине.

«Смерть комиссара» (1927—1928)— одно из самых значительных произведений Петрова-Водкина — было написано к десятилетнему юбилею со дня образования Красной Армии. Взяв трагический сюжет, художник раскрыл в нем мужество и беспредельный героизм красноармейцев. Боец поддерживает упавшего, смертельно раненного комиссара, но отряд не останавливается, он идет вперед, на бой с врагом.

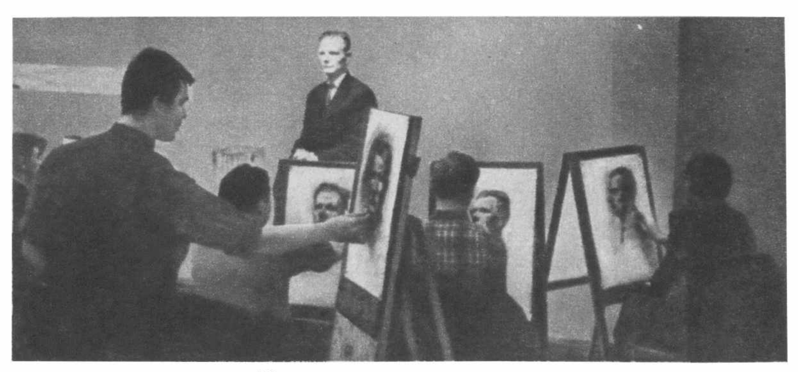
Увлекла художника тема жизни рабочих. «Первая демонстрация» (1927), тепло рассказывающая о праздновании Первого мая в рабочей семье, была написана по заказу Совнаркома к десятилетию Октября. В картине «1919 год. Тревога» (1934—1935) передана напряженная атмосфера, царившая в Петрограде в дни наступления Юденича. Цветовой строй полотна передает тревогу и напряженность.

Произведения Петрова-Водкина 20—30-х годов убедительно показывают, насколько глубоко вошел художник в новую жизнь, получившую яркое и образное раскрытие в его творчестве.

А. В. Луначарский в статье «Искусство в Москве» в 1922 году отмечает и в своем роде замечательного Петрова-Водкина.

В 1930 году К. С. Петрову-Водкину было присвоено почетное звание заслуженного деятеля искусств РСФСР. В течение ряда лет он возглавлял Ленинградский союз советских художников, был представителем художников Ленинграда в Ленсовете. На протяжении шестнадцати лет (с 1918 года) состоял профессором Академии художеств.

Недавно в Центральном доме литераторов была организована выставка картин Петрова-Водкина. Мы увидели яркого, глубокого, индивидуального художника, тончайшего колориста, великолепно владеющего красотой локального цвета, ритмом, напевной мелодией линии, своеобразным пространственным мышлением.

НЕБОЛЬШОЙ ДОМИК НА СРЕТЕНКЕ

1925 год. По предложению А. В. Луначарского в Москве, в небольшом доме на Сретенке, открылся техникум изо.

Со всех концов шли и ехали сюда первые, пока немногочисленные ученики — дети крестьян и рабочих, бывшие беспризорники и вчерашние солдаты. Ехали, чтобы стать художниками Страны Советов, своими руками создавать новое народное искусство...

Задача не простая. Время тогда было трудное: в искусстве неразбериха. Формалисты и «левые» претендуют на привилегированное положение — мы-де создаем пролетарское искусство. Традиции, реализм, правда — в их лексиконе почти бранные слова...

И вот в эту переходную в нашем искусстве пору новорожденный изотехникум, вскоре переименованный в Художественное училище памяти 1905 года, стал островком, где реализм набирал силы для борьбы, для жизни.

Вожди формализма сюда не заглядывают: не на столбовой дороге искусства. Зато приходят Крымов, Бакшеев, Петровичев, Фортунатов, принося с собой традиции передвижников, традиции русской реалистической художественной школы. Крымов учит молодежь «передавать на полотне подлинную жизнь».

— Пришел Крымов, и все стало на свое место,— вспоминает С. Викторов, окончивший училище в тридцатых годах.— «Творцы» и «гении» обратились в робких и трудолюбивых школяров, которые внимательно, робея и затаив дыхание, слушали слова своего учителя. Живопись стала для нас работой, хотя и очень трудной, но конкретной и понятной по своим задачам.

Для Василия Николаевича Бакшеева, страстно влюбленного в родную природу, правда эта была в том, чтобы «быть попросту ближе, возможно ближе к природе, соприкасаться с ней чаще и непосредственней... Природу надо видеть своими глазами, а не под влиянием другого художника. Природа так многогранна, что всегда найдется, что о ней сказать, еще никем не сказанное». И он не устает повторять это своим ученикам. В 1958 году, в год своей смерти, девяностошестилетний художник, обращаясь к молодежи, посвятившей себя искусству, завещает ей следовать словам Репина:

— Помните же, искусство бесконечно, и чем дальше, тем оно сложней, и чем больше работаешь, тем трудней становятся задачи искусства.

Вот на каких традициях растило училище своих питомцев, шлифуя их мастерство, формируя отношение к искусству, взгляды на жизнь. И хотя официально училище памяти 1905 года числится средним художественным учебным заведением, правы его воспитанники, с гордостью утверждающие: по составу преподавателей у нас самый настоящий вуз!

За сорок лет из его стен вышло две тысячи художников. Среди них и рядовые художнической армии — школьные преподаватели рисования, оформители, декораторы, прикладники и живописцы С. Викторов, В. Басов, Ф. Глебов, В. Киселев, Ю. Кугач, П. Малышев, Н. Соломин, скульптор В. Цигаль и многие другие. Оттого юбилейная выставка, что была в залах ЦДРИ, получилась такой яркой, праздничной, содержательной.

С трибуны выступали выпускники — первенцы училища, которым теперь под шестьдесят, его ровесники, воевавшие в Великую Отечественную, и те, кто только родился в сорок пятом.

Вспоминали былое, мечтали о будущем. О новых, еще более широких, уже традиционных ежегодных выставках училища. О новом, еще не построенном, но давно существующем в мечтах каждого воспитанника здании училища, со светлыми аудиториями, удобными мастерскими, широкими коридорами, нарядным актовым залом. А уж украшать его будет кому!

Эльвира ПОПОВА

ВЫШЛИ В МАЕ

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

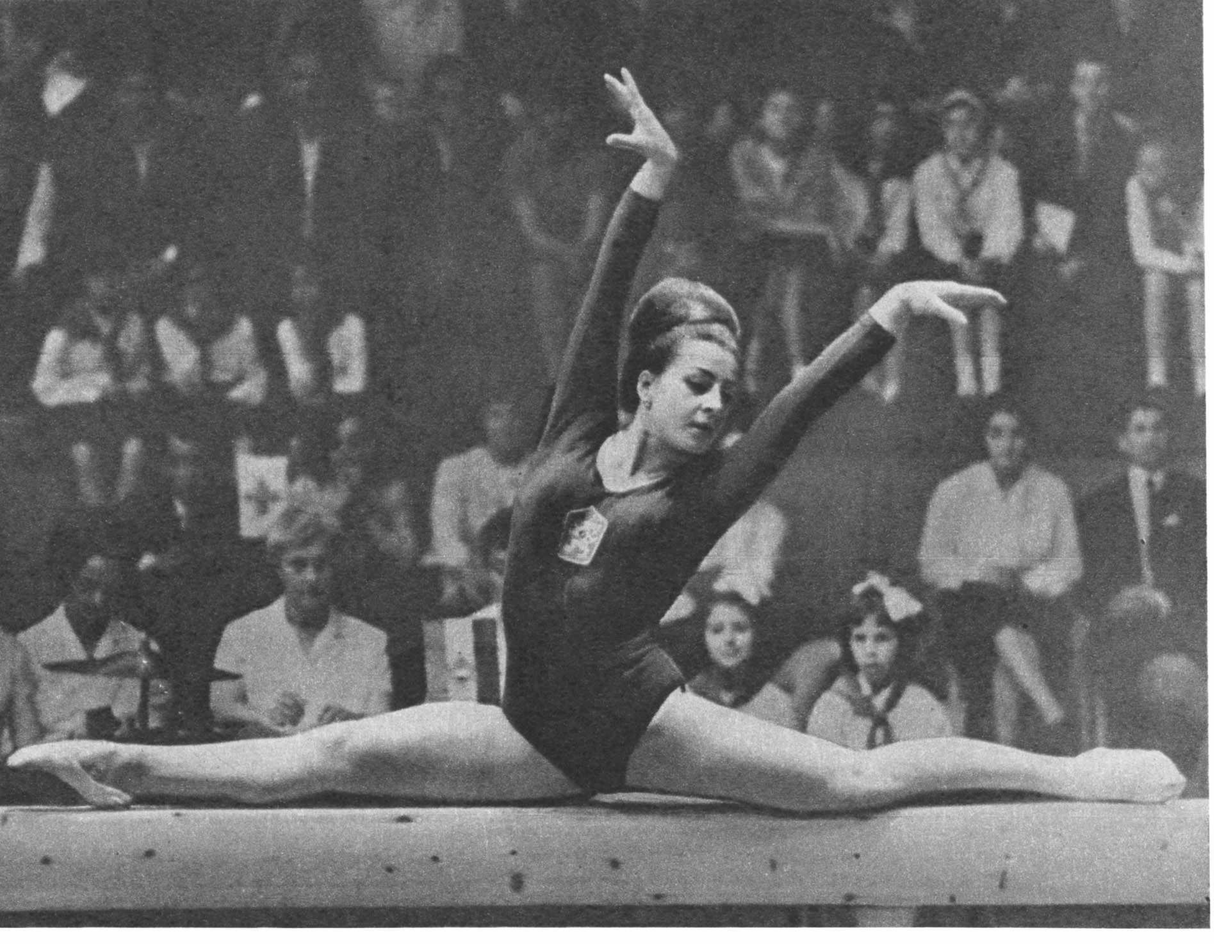
И. Мотяшов. Михаил Пришвин. Критико-биографический очерк.
О великолепном мастере русской речи, певце родной природы М. М. Пришвине рассказывает книга И. Мотяшова. Автор анализирует творчество Пришвина в тесном единстве с его биографией, раскрывает глубинный смысл и идейное богатство пришвинских произведений.

И. Гольдберг. Поэма о фарфоровой чашке. Роман. Повести. Рассказы.
Произведения сибирского писателя Гольдберга, несправедливо оклеветанного в годы культа личности, давно не переиздавались. В эту книгу вошли роман «Поэма о фарфоровой чашке» — о молодых людях, работавших на фарфорово-фаянсовой фабрике в первые годы Советской власти, и рассказы, посвященные революции, гражданской войне и социалистической перестройке хозяйства нашей страны.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

А. Грачев. Первая просека. Роман.
Один из первых строителей Комсомольска-на-Амуре, дальневосточный писатель Александр Грачев рассказывает в своем романе о том, как в героическом труде среди болот, тайги, в трудных условиях жизни, в борьбе с враждебными силами окреп комсомол 30-х годов. Роман написан на фактическом материале, острый сюжет и яркие образы делают его увлекательным.

Р. Эзера. Их было три. Роман. Перевод с латышского.
Роман латышской писательницы рассказывает о судьбе девушки — нашей современницы. Героиня романа семнадцатилетняя Гундега после смерти бабушки попадает в деревню, к родственникам. Ее пытаются заманить в «лоно церкви», но жизнь, кипящая вокруг, со всеми ее радостями, волнениями, трудом, властно проникает за высокий забор, которым хотят отгородить девушку от окружающего мира.

Вера Чаславска выступает в Софии на первенстве Европы. Замечательная гимнастка завоевала там первенство.

Дорогая редакция!
Очень прошу вас опубликовать в журнале «Огонек» очерк сильнейшей гимнастки мира Ларисы Латыниной. И пусть она сама расскажет о себе. Как достигла таких результатов? И с каких лет начала заниматься гимнастикой? Ответьте, пожалуйста, на все эти вопросы.
Решила написать потому, что я начала ходить на гимнастику. И хочу стать такой же, как Лариса Латынина, хочу научиться у нее.
Не откажите, пожалуйста, в моей просьбе.

Ученица 8-го класса
Римма Исхакова

Златоуст.

Куда идет

За что я люблю гимнастику?

Вопрос этот для меня обычен, так же, впрочем, как обычна сама гимнастика в моей жизни. И все же мне кажется, что найти точный ответ никогда не удавалось. Здесь своя логика и своя алогичность, ибо любовь во всех ее проявлениях необъяснима.

Уже двенадцать лет выступаю я в составе сборной команды советских гимнасток на всех крупнейших международных соревнованиях. Время принесло мне не только многие награды, многие радости и разочарования, но и прибавило к моему имени отнюдь не лестное для спортсменки слово — «ветеран».

В декабре прошлого года, на последнем первенстве страны, я проиграла юной витебской гимнастке Ларисе Петрик. Пятнадцатилетняя девочка, впервые участвовавшая в столь крупных соревнованиях, получила звание чемпионки. Я стояла ступенькой ниже. Глупо ссылаться на якобы неблагоприятно сложившиеся обстоятельства, объяснять неожиданность случайностью. Истина всегда требует честности.

Процесс омоложения и смены поколений в спорте неизбежен. В нем — один из главных законов развития, один из стимулов роста. Спортивная слава — довольно жестокая штука: к ней легко привыкнуть, но расставаться всегда трудно и болезненно. После олимпиады в Токио, где советские гимнастки впервые уступили победу в личном первенстве, не было недостатка в упреках в наш адрес. Руководство сборной обвиняли в консерватизме, в недоверии к молодежи. Конечно, я понимала, что многое из того, что говорилось или писалось после олимпиады, касается непосредственно меня. И естественно, это не раз заставляло меня задумываться. В частности, над своим путем в большую гимнастику.

В спорте есть одно качество, без которого, вероятно, он не был бы столь притягательным: чувство собственной силы, окрашивающее радостью спортивную победу, добытую в азартной и трудной борьбе.

Мое детство было коротким: началась война. Мне вовсе не хочется подчеркивать исключительность собственного положения, но самостоятельность стала частью многих биографий нашего поколения. Гимнастика как раз и была одним из первых моих самостоятельных решений.

Почему именно гимнастика? Я мечтала стать балериной. Мечтала танцевать, хотя никогда не видела балета. Когда я пришла впервые в школьный гимнастический зал, где худенькие девчонки в черных трико разучивали под музыку вольные упражнения, зыбкая цепочка ассоциаций связала фантазию и действительность, и я поняла, что это по мне, что мое умение должно быть выше других, что я должна побеждать.

Не сомневаюсь, что почти точно так думали многие девочки. Однако в спорте есть и другая особенность: он требует очень много труда, воли, упрямства, многих жертв. Быть может, именно потому, что я быстро усвоила эти истины, я и стала в конце концов гимнасткой. И, наверное, потому, что я помню о ней всегда, гимнастика остается со мной до сих пор, стала для меня частицей жизни, ее огорчений и радостей, поисков и споров.

Помню ту робость, какую испытывала я, попав в сборную команду страны. Это было в 1953 году, когда о советской гимнастической школе уже говорили во всем мире, а ее первые громкие успехи на международной арене не оставляли сомнений в будущих победах. Кстати, тренеры не скрывали от нас, молодых гимнасток, что будущее это связывается с нашими именами, что мастерство требует времени и в сборной мы должны чувствовать себя на положении учеников. Правильность подобного воспитания смены проверена годами.

Мне нравится сравнивать гимнастику с искусством, находить у них точки соприкосновения, какие-то близкие черты. Одна из них, несомненно, в преемственности традиций. Я твердо уверена, что слишком поспешное, авральное омолаживание вредно. Оно может исказить почерк, до неузнаваемости изменить лицо команды. Не думайте, что я пытаюсь обеспечить себе тылы. Не думайте, что я хочу оправдать свое долгое, может быть, даже слишком долгое пребывание в сборной. И не стоит усматривать в этом скрытое нежелание уступить свое место молодежи, боязнь ее. Я очень благодарна своим тренерам — Михаилу Сотниченко, работавшему со мной в Херсоне, и Александру Мишакову, у которого я занимаюсь вот уже одиннадцать лет в Киеве,— за то, что они не только сделали из меня гимнастку, но и развили во мне постоянную потребность учиться у других: у старших подруг, у соперниц — у всех, с кем довелось мне встречаться на гимнастическом помосте. Именно этому обязана я всеми успехами. И, думаю, это дает мне право поделиться своим опытом с молодежью, с теми, кто уже пришел в большую гимнастику или же только мечтает о ней.

Не скрою: нам было легче начинать свой спортивный путь. На своих плечах мы не чувствовали такой ответственности за командный исход поединков; ведь советские гимнастки во главе с Марией Гороховской не знали равных во всем мире. Частые победы воспитывали в нас спокойствие, уверенность в собственных силах.

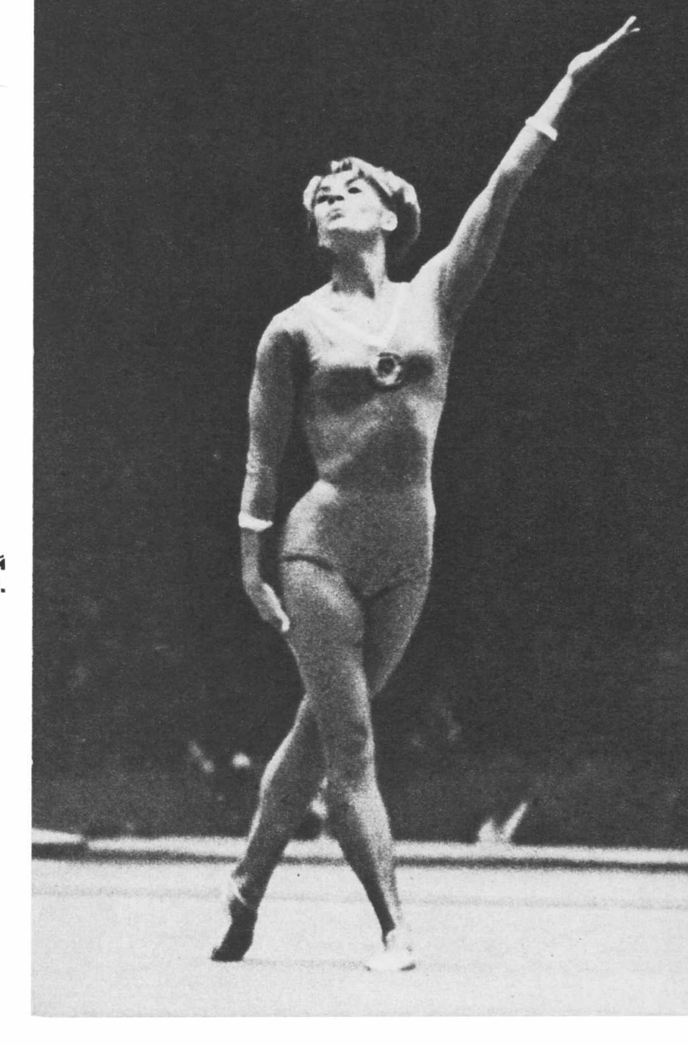
Сегодня побеждать в гимнастике стало во сто крат труднее. Не потому, что мы разучились побеждать. Эволюция в спорте привела к изменению его канонов, а значительный рост зарубежных команд — к вполне естественному в таких случаях обострению конкуренции. Выигрывать сегодня стало труднее, но зато и почетнее. Мне кажется, что те, кто видит гимнастику лишь в сравнительном балансе последних олимпиад, забывают об этом. И подобная однобокость в оценках может принести ощутимый вред.

В Токио мы впервые за двенадцатилетнюю историю проиграли личное абсолютное первенство. Чемпионкой стала молодая чехословацкая гимнастка Вера Чаславска. Что ж, спорт есть спорт, и нужно иметь в себе мужество признавать поражения. Однако на помосте токийского Джимназиума шла борьба не только сильнейших гимнасток мира, но и различных гимнастических школ, ибо время остро поставило вопрос о путях развития, о будущем. Полюсами этого спора были, на мой взгляд, советская и чехословацкая команды. Мы победили своих соперниц из ЧССР в командном зачете, но все же разрешить спор олимпиада так и не смогла.

В Риме выступления нашей команды в вольных упражнениях многие сравнивали с концертом. Это — приятное сравнение. Хороший вкус, выразительность, культура движений — все это действительно отличало программы советских спортсменок. Однако после соревнований в Японии я бы не

Лариса Латынина раскрывает секреты мастерства молодым чемпионкам Ларисе Петрик и Наталии Кучинской.

Вольные движения — главный козырь Ларисы Латыниной.

Лариса ЛАТЫНИНА,
заслуженный мастер спорта

гимнастика?

решилась на такое сравнение. Почему? Вроде бы все осталось: и музыка, и грациозность, и обаяние. И тренеры оставались те же. Изменилось лишь одно — гимнастика. Я не могу сказать, что мы не заметили этого, что мы оказались неподготовленными к ее растущей сложности. Нет. Мы освоили эту сложность, разработали комбинации более трудные и более современные. Однако вложены они были в старый переплет. Особенно касается это комбинаций на бревне, брусьях, прыжков. В Японии мы пытались работать абсолютно в том же ключе, что и на Олимпийских играх в Риме. Но на сей раз неверно найденная форма исказила рисунок выступлений советских гимнасток. Причина здесь в неправильно использованной хореографии, пользу которой мы так рьяно пропагандировали на протяжении многих лет.

Современная гимнастика без хореографии существовать не может. Еще перед олимпиадой я узнала о том, что многие зарубежные спортсмены включили по нашему примеру чисто балетные уроки в свою подготовку. На соревнованиях в Токио мы увидели первые плоды такой перестройки. Они явственно чувствовались в выступлениях гимнасток США и особенно шведок. Не беда, что окончательные результаты этих команд сегодня выглядят скромно,— путь, избранный ими, кажется мне очень привлекательным и перспективным.

Я уверена, что у каждой спортсменки должно быть свое яркое лицо, свое амплуа. Гимнастика умрет, если будет слепо подражать моде, если под одну гребенку будет стричь всех. И вот поэтому я не хочу принимать всерьез все многочисленные аргументы в пользу той или иной гимнастической школы, которые в последние месяцы буквально захлестнули зарубежную да и советскую спортивную печать. Суть их сводится в общем-то к следующему: что победит — атлетизм и трюкачество или женственность и пластичность? Для меня подобного вопроса не существует вообще. Я всегда считала и считаю основным мерилом гимнастики красоту. И очень хочется верить в вечность этого критерия.

Не случайно вольные упражнения в женской гимнастике идут под музыку. Она должна дополнять их, должна помогать залу чувствовать ритмику и выразительность движений спортсменки. Я всегда поражаюсь музыкальности выступлений моей подруги по команде Тамары Маниной. Она, как никто другой, умеет перекладывать мастерство на музыку. Бьюсь об заклад, что зритель, наблюдая ее работу, не думает о сложности произвольной программы Тамары. Зритель видит, как оживают ноты на прямоугольнике гимнастического ковра, видит очарование пластики. И потому последний аккорд, застывший в милом реверансе, долго еще не может умереть, подхваченный аплодисментами.

Но ведь Астахова совсем непохожа на меня, а Манину никогда не спутаешь с Астаховой. Они различны своей неповторимостью и красотой. И в этом прелесть гимнастики.

В Японии мы выиграли вольные упражнения у чехословацких гимнасток. Выиграли уверенно и вполне убедительно, потому что сумели показать судьям и зрителям многообразие и безграничность красоты. Обозреватель немецкого гимнастического журнала написал после наших выступлений с произвольными программами, что они напомнили ему великолепные постановки Большого театра в Москве.

Итак, хореография по-прежнему осталась нашим союзником в гимнастике. Взаимопонимание с ней не было нарушено у большинства спортсменок, главным образом старшего поколения. Традиции и опыт помогли им найти разумные сочетания элементов комбинаций и выразительно преподнести их залу. Молодежи было труднее. Наблюдая за выступлениями, я часто, слишком часто подмечала именно хореографические огрехи в ее программах: им как бы не хватало изюминки красоты.

Намечающаяся смена поколений в советской сборной заставляет меня говорить сегодня об этом. Нельзя забывать, что гимнастика, сколь сложна бы она ни была, немыслима без хореографии, без хорошего вкуса и женственности.

После олимпиады Вера Чаславска, абсолютная чемпионка токийских игр, сказала в одном из интервью, что она видит будущее гимнастики в дальнейшем ее усложнении, в приближении по трудности к мужской гимнастике.

«Я не хочу хвалиться,— говорила Вера,— но ту комбинацию, которую я выполнила на брусьях, советские гимнастки никогда не решились бы выполнить. Я придерживаюсь принципа: риск необходим, так как осторожностью ничего не добьешься».

Действительно, на брусьях Чаславска показала интересную и очень сложную комбинацию. Но как раз стремление к головоломным трюкам, желание поразить судей и сослужили ей плохую службу: Вера сорвалась и лишилась медали на этом снаряде. Вообще выступления многих поклонниц новой волны в гимнастике не были свободны от накладок и срывов. Эти, хотя и естественные, последствия погони за архисложностью оставляли у зрителя чувство досады и разочарования. Мое убеждение: в женской гимнастике, как ни в одном другом виде спорта, сложность не должна превалировать, не должна переходить грани разумного, идти в ущерб красоте.

Последнее первенство СССР оказалось очень щедрым на сюрпризы: советская гимнастика открыла новые имена, подметила новые таланты. Особенно много комплиментов выпало на долю двух пятнадцатилетних девочек — Ларисы Петрик, сегодняшней чемпионки страны, и Наташи Кучинской. Без сомнения, их появление на гимнастическом небосклоне очень радостно. Обе дебютантки показали свежую и интересную работу на снарядах, показали, что вполне серьезно смотрят в свое спортивное будущее. И мне очень хочется предостеречь их от торопливости, от слишком уж поспешного форсирования этого будущего.

Тренеры и специалисты должны проявить особую бережливость, особую чуткость и осмотрительность. Иначе бурные ростки окажутся на проверку пустоцветом. После Римской олимпиады в нашей гимнастике уже был такой печальный прецедент: непродуманные высокие нагрузки, частые соревнования и жесткий тренировочный график сломали целую группу талантливых молодых спортсменок.

Вот почему я считала своим первейшим долгом на чемпионате Европы в Софии стремиться не только к своему личному успеху, но помогать, чем возможно, Ларисе Петрик. Да, мы вдвоем защищали честь советской гимнастики, вели спортивный спор с Верой Чаславской. Замечательная чехословацкая спортсменка оказалась не слабее, чем в Токио, и я очень рада, что Лариса Петрик имела возможность увидеть ее рядом. Молодым советским гимнасткам предстоит продолжить наше дело, они поднимутся на новые гимнастические высоты. Я верю в их силы.

Порт Хе

Лилиан РОСС

Эрнест Хемингуэй и его жена Мэри рассматривают подарок из Советского Союза. Куба. 1960.

Его открытый портфель лежал на стуле у письменного стола, и из него торчали листы рукописи; казалось, кто-то небрежно засунул их туда. Хемингуэй сказал, что он сокращал рукопись.

— Книгу можно проверить по тому, сколько удачных мест автор может из нее выбросить,— сказал он.— Когда я пишу, я горд, как лев, черт побери. Я пользуюсь самыми старыми словами английского языка. Люди думают, что я безграмотный дурак, который даже избитых слов не знает. Я их знаю, но есть слова старее и лучше, они остаются надолго, если их правильно расставить. Запомни: тот, кто щеголяет эрудицией или ученостью, не имеет ни того, ни другого. А еще запомни, дочка, что я перестал укладывать с собой в кроватку плюшевого медведя, когда мне исполнилось четыре года. Нынче даже семидесятивосьмилетние бабки норовят найти для себя лазейку в законе о правах военнослужащих, по которому матери павших солдат, награжденные золотой звездой, могут получать бесплатное образование. Я уже подумывал о том, чтобы учредить стипендию и послать самого себя в Гарвардский университет, потому что моя тетя Арабелла очень страдала от того, что я единственный из Хемингуэев, который никогда не учился в колледже. Но я был настолько занят, что мне было не до этого. Я окончил среднюю школу и два года проучился на ускоренных военных курсах и никогда не занимался французским языком. Я начал учиться читать по-французски по сообщениям «Ассошиэйтед пресс», перепечатанным во французских газетах после того, как я уже прочитал их в американских. В конце концов я научился читать репортажи о событиях, свидетелем которых был сам, а также les evenements sportifs[1] и les crimes[2].

После такой практики господин де Мопассан уже не был для меня труден, ибо он писал о вещах мне знакомых и понятных. Кого бы я ни читал — Дюма, Доде, Стендаля,— я знал, что именно так хочется писать и мне. Господин Флобер всегда подавал мячи абсолютно точно, сильно и высоко. Затем последовал господин Бодлер, у которого я научился подавать особенно трудные мячи, и господин Рембо, который никогда в своей жизни не сделал ни одного хорошего мяча. У господина Андре Жида и господина Валери я ничему не мог научиться. Я думаю, что господин Валери был слишком для меня изящен. Так же, как Джек Бриттон и Бенни Леонард.

— Джек Бриттон,— добавил Хемингуэй,—был боксером, и я им восхищался.

— Джек Бриттон всегда был начеку. Непрерывно двигаясь по рингу, он никогда не позволял нанести себе сильный удар. Я тоже всегда начеку и никогда не дам нанести себе сильный удар. Никогда не лезь на рожон, если не можешь побить противника. Загони в угол боксера...— Хемингуэй принял боксерскую стойку и поднес к груди правую руку с зажатым в ней бокалом шампанского. Левой рукой он нанес несколько сильных ударов невидимому противнику.— Запомни. Уклоняйся от свинга. Блокируй хук. И что есть силы отбивай прямые.

Он выпрямился, задумчиво посмотрел на бокал, потом сказал: — Как-то я спросил Джека, обсуждая его бой с Бенни Леонардом: «Как тебе удалось так быстро расправиться с Бенни, Джек?» «Эрни,— ответил он,— Бенни очень опытный боксер. Он не перестает думать во время боя. А пока он думал, я его бил».— Хемингуэй хрипло засмеялся, словно сам услышал эту историю впервые.— Джек двигался по рингу с геометрической точностью, ни на миллиметр в сторону. Никто не мог нанести ему сильный удар. У него не было противника, которого он не мог бы ударить, когда хотел.— Он снова засмеялся.— «Пока он думал, я бил его».

Хемингуэй сказал мне, что этот случай был описан им в начальном варианте рассказа «Пятьдесят тысяч», но Скотт Фитцджеральд уговорил его выбросить этот кусок.

— Скотт думал, что все знают об этой истории, хотя знали только Джек Бриттон и я. Джек рассказал ее только мне. Вот Скотт и уговорил меня выбросить этот кусок. Мне не хотелось этого делать. Но Скотт был знаменитый писатель, которого я уважал, и я послушался его совета.

Хемингуэй сел на кушетку и несколько раз кивнул мне, привлекая мое внимание.

— Когда становишься старше, труднее иметь героев, но это необходимо,— сказал он.— У меня есть кот по имени Буаз, который хочет быть человеком,— продолжал он медленно, снижая голос почти до шепота.— Буаз ест все, что едят люди. Он жует таблетки витамина В, горькие, как алоэ. Он думает, что я жадничаю, когда не даю ему таблеток для понижения давления, а перед сном не позволяю ему принимать снотворное.— Он засмеялся коротким, раскатистым смехом.— Я чудной старик,— сказал он.— Ну, что вы скажете, джентльмены?

Пятьдесят,— сказал Хемингуэй, помолчав.— Пятьдесят — это еще не старость. Даже приятно, что в пятьдесят ты чувствуешь, что снова можешь защитить свой титул,— сказал он.— Я завоевал его в двадцатых годах, защищал в тридцатых и сороковых и готов защитить его и в пятидесятых.

В комнату вошла миссис Хемингуэй. На ней были серые флане-

Окончание. См. «Огонек» № 25.

[1] Спортивные новости (фр.)
[2] Уголовная хроника (фр.)

рет мингуэя

левые брюки и белая кофточка. Она сказала, что чувствует себя великолепно — сегодня впервые за шесть месяцев приняла горячую ванну. Она собирается пойти по делам и советует Хемингуэю одеться и тоже идти по своим делам. Он сказал, что уже время обеда и если они уйдут в город, то каждому придется зайти куда-нибудь поесть, а если заказать обед в номер, это сэкономит время. Миссис Хемингуэй сказала, что закажет обед, пока он будет одеваться. Все еще держа в руке бокал, он неохотно поднялся с кушетки, допил шампанское и пошел в спальню. К тому времени, когда он вышел, одетый так же, как и вчера, только рубашка была синяя, с отложным воротничком и на пуговичках, официант накрыл на стол. Хемингуэй сказал, что они не могут обедать без бутылки «тавеля», и мы ждали, пока официант не принесет вино.

Хемингуэй начал с устриц. Каждую он тщательно пережевывал.

— Хорошо прожуешь, хорошо пройдет,— сказал он нам.

— Папа, пожалуйста, почини очки,— сказала миссис Хемингуэй.

Он кивнул. Затем он несколько раз кивнул мне.

— Когда я состарюсь, я хотел бы быть мудрым, но не нудным стариком.— Он замолчал, пока официант ставил перед ним тарелку со спаржей и артишоками и наливал «тавель». Хемингуэй попробовал вино и одобрительно кивнул официанту.— Я бы хотел видеть всех новых боксеров, скаковых лошадей, балеты, велосипедные гонки, тореадоров, художников, видеть самолеты, всяких сукиных сынов — завсегдатаев кафе, международных проституток, бывать в ресторанах, пробовать старые вина, читать газетные сообщения и никогда не писать обо всем этом ни строчки. Я бы хотел писать множество писем друзьям и получать от них ответы. Хотел бы быть мужчиной до восьмидесяти пяти лет, как это удавалось Клемансо. И не хотел бы быть Берни Барухом. Я бы не сидел на скамейках в парке, а ходил бы по парку и иногда кормил голубей; и не отращивал бы себе длинную бороду, чтобы в мире был хоть один старик, не похожий на Бернарда Шоу.

Он замолчал, провел тыльной стороной руки по бороде и задумчиво оглядел комнату.

— Никогда не встречался с мистером Шоу,— продолжал он.— И никогда не был на Ниагарском водопаде. Но с удовольствием снова начал бы играть на бегах. Бега начинаешь понимать по-настоящему, когда тебе стукнет семьдесят пять. Потом я нашел бы себе бейсбольный клуб, состоящий из молодых игроков. Только я не стану подавать им знаки программкой, чтобы изменить ход игры. Я еще не придумал, чем буду подавать знаки. А когда все это кончится, из меня выйдет отличный труп, лучший со времен красавчика Флойда. Только сосунки заботятся о спасении души. Кто, черт побери, заботится о спасении души, когда все дело заключается в том, чтобы по-умному с ней расстаться, так же, как, сдавая позицию, которую нельзя удержать, надо продать ее как можно дороже. Умереть нетрудно.

Он открыл рот и засмеялся сперва беззвучно, а потом громко.

— С меня хватит забот,— сказал он.

Он подцепил длинный стебель спаржи пальцами и безразлично посмотрел на него.

— Только очень сильный человек, умирая, может сохранить ясность мысли,— сказал он.

Миссис Хемингуэй покончила с едой и быстро допила вино. Хемингуэй допил свое не торопясь. Я посмотрела на часы. Было почти три. Официант начал убирать со стола, и мы встали. Хемингуэй стоял, с огорчением глядя на недопитую бутылку шампанского. Миссис Хемингуэй надела шубу. Я тоже оделась.

— Недопитая бутылка шампанского — враг рода человеческого,— сказал Хемингуэй. Мы снова сели.

— Когда у меня бывают деньги, я не вижу лучшего способа их тратить, чем покупать шампанское,— сказал Хемингуэй, наполняя бокал.

Когда шампанское было выпито, мы вышли из номера. Внизу миссис Хемингуэй еще раз попросила нас починить очки и исчезла.

Некоторое время Хемингуэй нерешительно топтался у входа. Стоял холодный, облачный день.

— Не очень-то хорошая погода, чтобы разгуливать по улице,— сказал он мрачно и добавил, что у него, кажется, болит горло.

Я спросила, не хочет ли он показаться доктору. Он ответил, что нет.

— Я никогда не доверял докторам, которым надо платить,— сказал он, когда мы переходили на другую сторону Пятой авеню.

Взлетела стая голубей. Он остановился, посмотрел вверх, прицелился в них из воображаемого ружья и нажал курок. На лице его отразилось разочарование.

— Очень трудный выстрел,— сказал он и, быстро повернувшись, снова как бы вскинул ружье.— А вот легкий выстрел,— сказал он.— Посмотрите!

Он указал на пятно на тротуаре. Казалось, что ему стало легче.

Я спросила его, не хочет ли он сперва зайти в оптический магазин. Он ответил, что нет. Тогда я напомнила о плаще. Он пожал плечами. Миссис Хемингуэй советовала поискать плащ в магазине «Аберкромби и Фитч». Поэтому я и упомянула «Аберкромби и Фитч». Он снова пожал плечами и медленно зашагал к такси. Мы ехали по Пятой авеню в послеобеденном потоке машин. На углу 54-й улицы машина затормозила по сигналу полицейского. Хемингуэй заворчал.

— Люблю смотреть на ирландца-полицейского, когда ему холодно,— сказал он.— Ставлю восемь против одного, что во время войны он служил в военной полиции. Очень искусный полицейский. Ловко орудует жезлом. Настоящие полицейские вовсе не похожи на тех, кого мы привыкли видеть в фильмах Хэллинджера. Разве что некоторые.

Мы поехали дальше, и он показал мне место, где однажды переходил Пятую авеню со Скоттом Фитцджеральдом.

— Скотт уже больше не был в Принстоне, но он все еще говорил о футболе,— сказал Хемингуэй равнодушно.— Он не мыслил своей жизни без футбола. Я сказал: «Скотт, почему ты не бросишь футбол?» Он сказал: «Ты с ума сошел, парень». Вот и вся история. Если ты не можешь перейти улицу, как же ты надеешься прорваться через оборону в футболе? Впрочем, я не Томас Манн,— добавил Хемингуэй.— У меня свое мнение.

К тому времени, как мы добрались до магазина «Аберкромби», Хемингуэй опять помрачнел. Он неохотно вылез из такси и так же неохотно вошел в магазин. Я спросила у него, что он хочет прежде всего посмотреть, плащ или что-нибудь еще.

— Плащ,— сказал он упавшим голосом.

В лифте Хемингуэй выглядел еще массивней, чем был на самом деле, а на лице у него было выражение человека, которого подвергают пытке. Стоявшая рядом с ним женщина средних лет с тревогой и неодобрением уставилась на его нечесаную седую бороду.

— Боже мой! — произнес внезапно Хемингуэй, нарушая тишину, царившую в лифте.

Женщина стала разглядывать свои туфли.

Дверь открылась на нужном нам этаже, мы вышли из лифта и направились в отдел плащей. Высокий лощеный продавец двинулся нам навстречу, а Хемингуэй, засунув руки в карманы брюк, пошел на него.

— Надеюсь, что в этой лавке я еще пользуюсь кредитом? — сказал он продавцу.

— Да, сэр,— сказал продавец, кашлянув.

— Хочу плащ,— сказал Хемингуэй угрожающе.

— Конечно, сэр,— сказал продавец.— Какой именно плащ вы бы хотели посмотреть, сэр?

— Вон тот.

Он ткнул в висевший на плечиках коричневый габардиновый плащ без пояса, похожий на мешок. Продавец подал ему плащ и бережно подвел его к большому зеркалу.

— Похож на саван,— сказал Хемингуэй, срывая с себя плащ.— На мою фигуру не годится. Других плащей у вас нет? — спросил он в надежде, что ответ будет отрицательным. И нетерпеливо направился к лифту.

— Посмотрите вот этот, сэр, с пристежной подкладкой, сэр,— сказал продавец. Этот плащ был с поясом. Хемингуэй примерил его, поглядел на себя в зеркале и поднял руки, как бы вскидывая ружье.

— Вы собираетесь ходить в нем на охоту, сэр? — спросил продавец.

Хемингуэй хмыкнул и сказал, что берет плащ. Он назвал продавцу свое имя, и продавец щелкнул пальцами.
— Разумеется! — воскликнул он.— Ну как же...
Хемингуэй выглядел смущенным. Он сказал, чтобы плащ прислали в отель «Шерри-Недерлэнд», и попросил показать ему ремни.
— Какой ремень вы желаете, мистер Хемингуэй? — спросил продавец.
— Коричневый, наверно,— сказал Хемингуэй.
Мы прошли к прилавку, где торговали ремнями, и к нам подошел другой продавец.
— Покажите мистеру Хемингуэю ремень,— сказал первый продавец и, отступив назад, стал внимательно наблюдать.
Второй продавец вынул из кармана сантиметр и сказал, что Хемингуэю, наверно, нужен 46-й или 44-й размер.
— Хотите пари? — спросил Хемингуэй. Он взял продавца за руку и сильно ударил ею себя в живот.
— Вот это да! Как сталь! — сказал продавец и измерил талию Хемингуэя.
— Тридцать восемь! — сообщил он.— Тонкая талия для вашего телосложения. Вы, наверно, много занимаетесь спортом?
Хемингуэй снова смутился, замахал руками, засмеялся и впервые после того, как мы вышли из отеля, выглядел довольным. Теперь он сам стукнул себя кулаком в живот.
— Куда вы едете, снова в Испанию? — спросил продавец.
— В Италию,— сказал Хемингуэй, снова ударяя себя в живот.
После того, как Хемингуэй выбрал коричневый кожаный ремень, продавец спросил, не нужен ли ему пояс для денег. Хемингуэй сказал, что нет: деньги он держит в банке.
Мы еще задержались в обувном отделе, где Хемингуэй попросил показать ему мягкие ночные туфли.
— Туфли для вагона,— сказал продавец.— Какой размер?
— Одиннадцатый [1],— сказал Хемингуэй застенчиво.
Взглянув на туфли, он сказал продавцу, что берет их.
— Я положу их в карман,— сказал он.— Только дайте мне чек, чтобы не подумали, что я их украл.
— Вы даже не представляете себе, как много у нас крадут, — сказал маленький старый продавец.— Представьте, вчера утром какой-то тип унес с первого этажа большое колесо для рулетки. Просто поднял его и...
Хемингуэй не слушал.
— Вулфи! — вдруг заорал он стоящему к нам спиной здоровенному детине.
Человек обернулся. У него было большое квадратное красное лицо, при виде Хемингуэя оно озарилось радостью.
— Папа! — закричал он.
Детина и Хемингуэй обнимались и хлопали друг друга по спине довольно долго. Это был Уинстон Гэст [2]. Он сказал нам, что идет наверх покупать ружье, и предложил пойти с ним. Хемингуэй спросил, какое ружье, и Гэст ответил, что винчестер десятого калибра.
— Отличное ружье,— сказал Хемингуэй, беря свои ночные туфли от продавца и запихивая их в карман.
В лифте Хемингуэй и Гэст расспрашивали друг друга, на сколько каждый похудел. Гэст сказал, что сейчас он весит сто десять килограммов, и то после того, как много ездил верхом и играл в конное поло. Хемингуэй сказал, что после охоты на уток на Кубе и работы над книгой он весит девяносто семь килограммов.
— А как книга, Папа? — спросил Гэст, когда мы выходили из лифта.
Хемингуэй засмеялся, поднеся кулак ко рту, и сказал, что он намерен еще не раз защищать свой титул.
— Вулфи, я вдруг понял: вместо того, чтобы кусать ногти, я снова прекрасно могу писать,— сказал он медленно. — Наверно, потребовалось какое-то время, чтобы у меня в голове все перестроилось. Для этого вовсе не обязательно раскроить писателю череп, или устраивать ему семь раз сотрясение мозга, или же ломать ему шесть ребер, когда ему всего лишь сорок семь лет, или протыкать голову кронштейном от автомобильного зеркала, да еще так, что чуть не задет гипофиз, или, скажем, много раз в него стрелять. С другой стороны, Вулфи, стоит только как следует цыкнуть на этих сукиных сынов, и они, поджав хвост, попрячутся по своим норам.— Он разразился смехом.
Огромное тело Гэста сотрясалось от безудержного хохота.
— Боже, Папа! — сказал он.— Ведь у меня на острове до сих пор хранится твоя охотничья одежда. Когда мы снова поедем на охоту, Папа?
Хемингуэй опять засмеялся и хлопнул его по спине.
— Вулфи, до чего же ты громадный! — сказал он.
Гэст договорился с продавцом, чтобы ему прислали ружье, и мы снова вошли в лифт. Они заговорили о человеке, который поймал в прошлом году черного марлиня весом около полутонны.
— Ну, что вы скажете, джентльмены? — воскликнул Хемингуэй.
— Ах, боже мой, Папа! — сказал Гэст.
На первом этаже Гэст указал на голову слона, висевшую на стене.
— Это же не слон, а пигмей, Папа,— сказал он.
— Разве это слон! — подтвердил Хемингуэй.
Обняв друг друга, они вышли на улицу. Я сказала, что должна уходить, и Хемингуэй попросил меня непременно быть завтра утром пораньше, чтобы пойти с ним и Патриком в Метрополитэн-музей. Уходя, я услышала, как Гэст сказал:
— Слава богу, Папа! Мне краснеть в жизни не за что.
— Как ни странно, мне тоже,— сказал Хемингуэй.
Я обернулась. Они хлопали друг друга по животу и оглушительно хохотали.

На следующее утро дверь открыл Патрик, застенчивый молодой человек среднего роста, с большими глазами и нервным лицом. На нем были серые фланелевые брюки, белая рубашка с открытым воротником, шерстяные носки и мокасины. Миссис Хемингуэй писала письмо.
Когда я вошла, она подняла голову и сказала:
— Как только Папа кончит одеваться, мы пойдем смотреть картины,— и снова принялась за письмо.
Патрик сказал мне, что он с удовольствием смотрел бы картины целый день и что он сам немного рисует.
— Папа должен быть к обеду, он пригласил мистера Скрибнера [3],— сказал Патрик и добавил, что сам он собирается пробыть в городе до завтрашнего утра, чтобы проводить отца.
Зазвонил телефон, и он снял трубку.
— Папа, это, кажется, Жижи! — крикнул он в открытую дверь спальни.
Хемингуэй вышел без пиджака и направился к телефону.
— Как поживаешь, малыш? — сказал он и пригласил Жижи приехать на каникулы к ним на ферму Финка.
— Ты там всегда желанный гость, Жижи,— сказал он.— Помнишь своего любимого кота? Того, которого ты назвал Ароматом? Мы переименовали его в Экстаза. Каждый из наших котов знает свое имя.
Положив трубку, он сказал мне, что Жижи — прекрасный стрелок и, когда ему было одиннадцать лет, он занял второе место на стрелковых соревнованиях на Кубе.
— «Точная ведка», Мышонок? — спросил он.
— Да, Папа,— сказал Патрик.
Я спросила, что значит «точная ведка». Хемингуэй объяснил, что это английский слэнг, означающий информацию,— «ведка» происходит от слова «разведка».
— Оно разделяется на три класса: просто «ведка», «точная ведка», когда информация не вызывает сомнения, «абсолютно точная ведка», на основе которой можно уже действовать.
Он посмотрел на зеленые орхидеи.
— Мне мать цветов никогда не присылала,— сказал он.
Я узнала, что матери Хемингуэя около восьмидесяти и живет она в местечке Ривер Форест в штате Иллинойс. Его отец был врачом и умер много лет назад: он застрелился, когда Эрнест еще был мальчиком.
— Надо идти, если мы хотим посмотреть картины,—сказал он.— Я попросил Чарли Скрибнера быть здесь в час. Извините, я умоюсь. В больших городах, наверно, нужно мыть шею.
Он ушел в спальню. Пока его не было, миссис Хемингуэй сказала, что Эрнест был вторым из шести детей: Марселина, затем Эрнест, Урсула, Мадлен, Кэрол и самый младший, его единственный брат, Лестер. Все сестры названы именами святых. Все дети женаты и замужем; Лестер живет в Боготе, в Колумбии, работает в американском посольстве.
Через некоторое время вышел Хемингуэй в новом плаще. Миссис Хемингуэй и Патрик надели пальто, и мы спустились вниз. Шел дождь, и мы поспешили взять такси. По пути в музей Хемингуэй говорил очень мало. Он что-то мурлыкал под нос и смотрел на улицу. Миссис Хемингуэй сказала мне, что он не любит такси, потому что не может сидеть рядом с шофером и наблюдать за дорогой.
Выглянув в окно, Хемингуэй показал на стаю пролетавших птиц.
— В этом городе птицы летают, но они не относятся к этому серьезно,—сказал он.— Нью-йоркские птицы не парят.
Когда мы остановились у входа в музей, туда медленно входила группа школьников. Хемингуэй нетерпеливо провел нас мимо них. В вестибюле он остановился, вытащил из кармана плаща серебряную фляжку, отвинтил крышку и сделал большой глоток. Положив фляжку обратно, он спросил миссис Хемингуэй, что она хочет посмотреть сначала: Гойю или Брейгеля. Она сказала, что Брейгеля.
— Я учился писать, рассматривая картины в Люксембургском музее в Париже,— сказал он.— Института я не кончал. Когда у тебя в животе пусто, а вход в музей бесплатный, ты идешь в музей. Смотрите,— сказал он, останавливаясь перед «Портретом мужчины», который приписывают и Тициану и Джорджоне,— эти работы тоже из старой Венеции.
— А мне нравится вот эта, Папа,— сказал Патрик, и Хемингуэй подошел к «Портрету Федериго Гонзаго» (1500—1540) Франческо Франчиа. На полотне на фоне ландшафта был изображен маленький мальчик с длинными волосами, в плаще.
— Когда мы пишем, Мышонок, мы именно это пытаемся изобразить,— сказал Хемингуэй, указывая на деревья в глубине картины.— Когда пишешь, без них не обойтись.
Нас окликнула миссис Хемингуэй. Она стояла перед «Портретом художника» Ван-Дейка. Хемингуэй взглянул на него, одобрительно кивнул и сказал:
— В Испании у нас был летчик-истребитель по имени Уитти Дал. Однажды Уитти приходит ко мне и спрашивает: «Мистер Хемингуэй, Ван-Дейк — хороший художник?» Я отвечаю: «Да, хороший». Он говорит: «Что же, я очень рад, потому что в комнате,

[1] Соответствует нашим 43—44-му размерам.
[2] Один из друзей Хемингуэя, с которым он часто охотился.
[3] Издатель Хемингуэя.

где я живу, висит его картина, и она мне очень нравится. Я рад, что он хороший художник, потому что он мне нравится». На следующий день Уитти погиб...

Мы подошли к картине Рубенса «Торжество Христа над Грехом и Смертью». На ней Христос изображен среди змей и ангелов, а из облаков за ним наблюдает какая-то фигура. Миссис Хемингуэй и Патрик сказали, что эта картина не похожа на обычного Рубенса.

— И тем не менее это написал он,— авторитетно сказал Хемингуэй.— Подлинник узнаешь так же, как охотничья собака чует дичь. По запаху. Или если ты научился этому у очень бедных, но очень хороших художников.

Это разрешило спор, и мы отправились к комнате, где висят полотна Брейгеля. Дверь была закрыта. На ней висела надпись: «Закрыто на ремонт».

— Что ж, простим им,— сказал Хемингуэй и снова отхлебнул из фляжки.

— А мне все-таки не хватает хорошего Брейгеля,— сказал он, когда мы пошли дальше.— Он величайший из всех сельских пейзажистов. В жатве у него участвует много людей. А он так точно, прямо геометрически, располагает колосья и создает настолько сильное впечатление, что меня это потрясает до глубины души.

Мы подошли к «Виду Толедо» Эль Греко, написанному в зеленых тонах, и довольно долго любовались картиной.

— По-моему, это лучшая картина во всем музее, а здесь немало хороших картин,— сказал Хемингуэй.

Патрик приходил в восторг от некоторых картин, которые Хемингуэй не одобрял. Каждый раз, когда это случалось, Хемингуэй вступал с сыном в сложный технический спор. Патрик только тряс головой, смеялся и говорил, что уважает мнение Хемингуэя. Он старался не спорить.

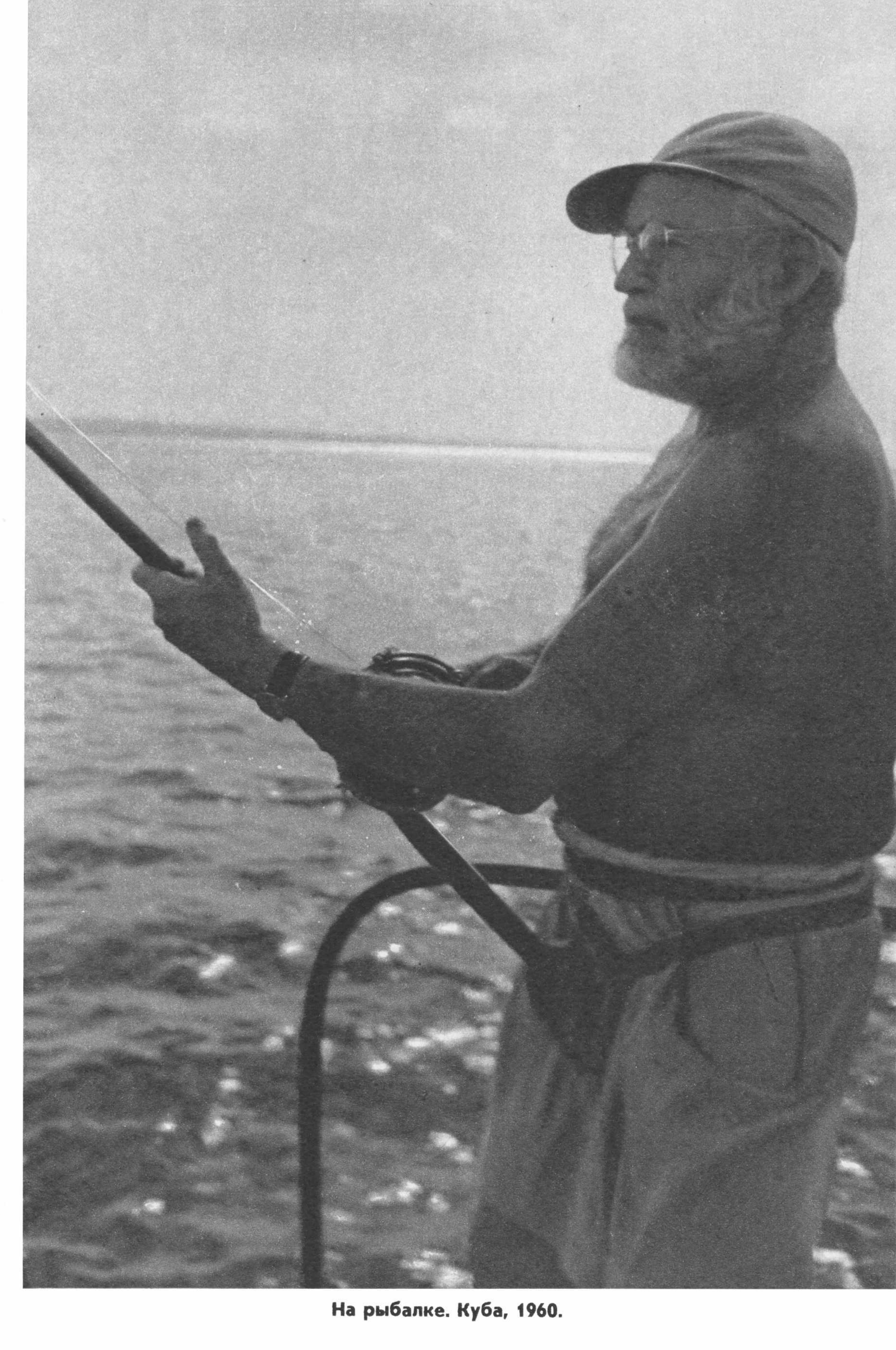
— Какого черта! — внезапно сказал Хемингуэй.— Я не хочу быть художественным критиком. Я просто хочу смотреть картины, и получать от них удовольствие, и учиться на них. Вот эта картина, по-моему, чертовски хороша.— Он отступил назад и, прищурившись, посмотрел на картину Рейнольдса «Полковник Георг Кусмакер», на которой этот военачальник был изображен верхом на лошади, прислонившимся спиной к дереву, с поводьями в руках.

— Так вот, полковник этот — сукин сын. Он готов был заплатить деньги лучшему портретисту того времени только за то, чтобы он его написал,— сказал Хемингуэй и засмеялся.— Посмотрите, какой у него высокомерный вид, поглядите на мышцы шеи его лошади и на то, как болтаются его ноги. Он настолько высокомерен, что может позволить себе, сидя в седле, опереться на дерево.

На некоторое время мы разбрелись по залу, и каждый смотрел картины в одиночестве. А потом Хемингуэй позвал нас и указал на картину, под которой большими буквами было написано: «Катарина Лориллард Вулф», а маленькими буквами: «Художник Кабанель».

— С такой картиной я попал впросак еще мальчишкой в Чикаго,— сказал он.— Своими любимыми художниками я долгое время считал Бунте и Райерсона, а это фамилии двух крупнейших и богатейших семей в Чикаго. Я тогда считал, что слова, написанные под картинами крупными буквами,— это имена художников.

Мы подошли к Сезанну, Дега и другим импрессионистам. Хемингуэй возбуждался все больше и больше. Он рассуждал на тему о том, чего и как мог достичь каждый художник и что они получали друг от друга. Патрик слушал его с уважением и, казалось, больше не решался говорить о технике живописи. Несколько минут Хемингуэй смотрел на картину Сезанна «Скалы — лес в Фонтенбло».

На рыбалке. Куба, 1960.

— Вот чего мы стараемся достигнуть, когда пишем. Вот они, деревья, вот скалы, по которым мы должны карабкаться,— говорил он.— После старых мастеров я больше всего люблю Сезанна. Удивительный, удивительный художник! Дега — еще один удивительный художник. Я не видал ни одной плохой картины у Дега. Вы знаете, что он делал с плохими картинами? Он их сжигал.

Хемингуэй снова сделал большой глоток из фляжки. Мы подошли к портрету мадемуазель Вальтес де ля Бинь, написанному Мане пастелью. Это был портрет молодой блондинки с очень высокой прической. Хемингуэй несколько секунд молчал, потом повернулся и сказал:

— Мане умел передавать душевный расцвет юности, еще не успевшей разочароваться.

Некоторое время мы шли с ним вдвоем. Хемингуэй сказал мне:

— Я могу написать пейзаж, похожий на пейзаж Поля Сезанна. У него я учился писать пейзажи, когда тысячу раз бродил с пустым брюхом по Люксембургскому музею. И я абсолютно уверен, что если бы господин Поль был жив, ему бы понравилось, как я пишу пейзажи, и он был бы рад, что этому я научился у него.

Хемингуэй добавил, что многому научился также у Иоганна Себастьяна Баха.

— В первых абзацах «Прощай, оружие» я умышленно много раз повторял союз «и» — так же, как Иоганн Себастьян Бах повторяет одну ноту, когда подчеркивает контрапункт. Я иногда могу писать почти так же, как господин Иоганн, или, во всяком случае, так, как ему бы понравилось. С этими людьми очень легко иметь дело, потому что всегда знаешь, что надо у них учиться.

— Папа, погляди,— сказал Патрик. Он смотрел на картину «Раздумья о страсти» Карпаччо. Патрик сказал, что для религиозной картины в ней слишком много экзотических животных.

— Угу,— сказал Хемингуэй.— Эти художники всегда перено-

сят священные сюжеты в ту часть Италии, которая им больше всего нравится, или же где родились они или их возлюбленные. Они делают мадонн из своих возлюбленных. Похоже, что это Палестина. А Палестина, думал художник, очень далеко. Вот он и сует туда красного попугая, оленя и леопарда. А потом прикидывает: это же далекий Восток — и сует туда мавров, старинных врагов венецианцев.

Он замолчал и стал смотреть, что еще художник напихал в картину.

— Потом художник почувствовал голод и пририсовал кроликов,— сказал он.— Черт побери, Мышонок, мы посмотрели массу хороших картин. Мышонок, ты не думаешь, что смотреть два часа картины — это слишком много?

Все согласились, что два часа для картин — более чем достаточно. Хемингуэй сказал, что Гойю мы сегодня смотреть не будем, а что мы снова пойдем в музей, когда они с женой вернутся из Европы.

Мы вышли из музея. Не переставая, шел дождь.

— Черт бы его побрал, не люблю выходить на улицу в дождь,— сказал Хемингуэй.— Терпеть не могу быть мокрым.

* * *

Чарльз Скрибнер ждал в вестибюле отеля.

— Эрнест,— сказал он, тряся руку Хемингуэя.

Это был почтенный, какой-то торжественный джентльмен с седыми волосами и размеренной речью.

— Мы смотрели картины, Чарли,— сказал Хемингуэй, когда мы вошли в лифт.— Там есть очень хорошие картины, Чарли.

Скрибнер кивнул и промычал:

— Угу, угу.

— Большое удовольствие для такого провинциала, как я,— сказал Хемингуэй.

— Угу, угу.

Мы вошли в номер и сняли пальто, и Хемингуэй сказал, что обедать мы будем прямо здесь. Он позвонил в ресторан, а миссис Хемингуэй села за письменный стол кончать письмо. Хемингуэй уселся на диван вместе с мистером Скрибнером и стал жаловаться ему, что во время работы над книгой ему пришлось нажимать, как гонщику на шестидневной гонке. Патрик сидел молча в углу и смотрел на отца.

Пришел официант и принес меню. Скрибнер сказал, что он сейчас закажет самые дорогие блюда — раз уж за обед платит Хемингуэй. Он засмеялся. Патрик засмеялся вместе с ним. Официант ушел выполнять заказ, а Скрибнер и Хемингуэй некоторое время говорили о делах. Скрибнер поинтересовался, не захватил ли с собой Хемингуэй письма, которые он ему написал.

Хемингуэй сказал:

— Я вожу их с собой повсюду, Чарли, вместе с книжкой стихов Роберта Браунинга.

Скрибнер кивнул и достал из внутреннего кармана пиджака какие-то бумаги, как он сказал, экземпляры договора на новую книгу. В договоре предусматривался аванс в сумме двадцати пяти тысяч долларов.

Хемингуэй подписал договор и поднялся с дивана. Затем он сказал:

— Никогда не считал себя гением, но буду по-прежнему отстаивать свой титул перед всеми хорошими писателями из молодых.— Он пригнул голову, выдвинул вперед левую ногу и несколько раз имитировал удар слева и справа.— Никогда не позволяй нанести тебе сильный удар,— сказал он.

Скрибнер поинтересовался, где можно будет найти Хемингуэя в Европе. Хемингуэй ответил, что легче всего через парижское отделение компании «Гаранти траст».

— Когда мы брали Париж, я попытался захватить этот банк, но получил хороший отпор,— сказал он и неловко улыбнулся.— А было бы очень здорово, если бы мне удалось иметь свой собственный банк.

— Угу, угу,— пробурчал Скрибнер.— А что вы собираетесь делать в Италии, Эрнест?

Хемингуэй сказал, что часть дня будет работать и встречаться со своими итальянскими друзьями, а по утрам охотиться на уток.

— Однажды утром мы вшестером набили триста тридцать одну утку,— сказал он.— Мэри тоже хорошо стреляла.

Миссис Хемингуэй подняла голову.

— Каждая женщина, которая выходит замуж за Папу, должна научиться владеть ружьем,— сказала она и снова углубилась в свое письмо.

— Я только однажды охотился, это было в Суффолке, в Англии,— заговорил Скрибнер. Все вежливо замолчали, ожидая продолжения его рассказа.— Я помню, что в Суффолке мне на завтрак подали гусиные яйца. Затем мы поехали на охоту. Я даже не знал, как спускают курок.

— Охота — часть хорошей жизни,— сказал Хемингуэй.— Лучше, чем Вест-порт или же Бронксвилл.

— После того, как я научился спускать курок, я ни во что не мог попасть,— сказал Скрибнер.

— Я бы хотел успеть на большие стрельбы в Монте-Карло и на первенство мира в Сан-Ремо,— сказал Хемингуэй.— Я в хорошей форме и могу участвовать в любом из этих состязаний. Этот спорт не для зрителей, он захватывает, и приятно, когда можешь с ним справиться. Однажды на больших стрельбах я даже победил Вулфи. А он великий стрелок. Победить его было все равно, что усмирить необъезженную лошадь.

— И наконец я подстрелил одного...— закончил Скрибнер робко.

— Подстрелил кого? — переспросил Хемингуэй.

— Кролика,— сказал Скрибнер.— Я подстрелил кролика.

— В Монте-Карло не проводили больших стрельб с 1939 года,— сказал Хемингуэй.— Только два американца выиграли их за семьдесят четыре года. Стрельба создает у меня хорошее настроение. Во многом это зависит от того, что на стрельбах ты вместе с людьми, которые относятся к тебе хорошо, а в других местах все ненавидят тебя и желают тебе зла. Это быстрая игра, быстрее, чем бейсбол, и после первого промаха ты уже выбываешь из игры.

Зазвонил телефон. Хемингуэй снял трубку, послушал, проговорил несколько слов и затем, повернувшись к нам, сказал, что какая-то рекламная контора под названием «Эндорсментс инкорпорейтед» предлагает ему четыре тысячи долларов за разрешение использовать его имя в рекламе напитков.

— Я сказал им, что не стану пить их бурду даже за четыре тысячи долларов,— сказал он.— Я сказал им, что я любитель шампанского. Я стараюсь быть покладистым, но это очень трудно. То, что выигрываешь в Бостоне, проигрываешь в Чикаго.

Перевели с английского
М. БРУК и Л. ПЕТРОВ.

Спектакль - праздник

Много лет прошло с тех пор, как К. С. Станиславский посоветовал для детей... играть так же, как для взрослых, только еще лучше. Эти слова Станиславского все знают, да только не всегда им следуют; то ли забывают, а может, и не получается...

А в Малом театре получилось. Бесспорно, получилось. И спектакль «Умные вещи», сказка для детей, стал одним из интереснейших явлений театрального сезона и смотрится с удовольствием каждым зрителем без ограничения лет.

Шумит, поет, гудит веселая ярмарка; словно на карусели, мчится яркая, нарядная толпа. А толпа эта необычная — вятские игрушки ожили на сцене и танцуют, и поют, и товары продают...

Так начинается спектакль. Ребята словно сами гуляют на чудесной ярмарке, заходят в балаган, что стоит посреди сцены: на его подмостках и разыгрывается представление. И поэтому в спектакле этом все не всамделишное, а лубочное, театральное, озорное, в духе народной буффонады: и декорации (художник Б. Волков), и костюмы, и сами герои...

Камера узника напоминает висячий замо́к; скатерть-самобранка опускается с колосников прямо на помост балагана, и все гости садятся пировать вокруг. Принц со свитой едет в гости на игрушечных картонных лошадях; министры, приступая к служебным обязанностям, нацепляют спереди, словно вывеску, мундир с эполетами, лентами, орденами, продолжая сзади сверкать веселеньким рисунком бумазейных рубах. Здесь махонький царь в больших сапогах (его зло и очень смешно играет артист А. Грузинский), залезая на трон, подкладывает под себя подушки, но соскальзывает с них и судорожно цепляется за престол, стремясь во что бы то ни стало удержаться на нем...

«Умные вещи» — настоящая сказка; написал ее С. Я. Маршак. В ней есть и чудеса и превращения, добрый волшебник и мудрый сказочник, злой барин и глупый царь, есть тут и добрый молодец — Музыкант и краса-девица — его Невеста. Не обошлось, конечно, и без веселых затейников, друзей-портных,— их с большим юмором играют М. Новохижин и Б. Попов,— они и пляшут, и поют, и сказочку расскажут, и хорошего человека из беды вызволят.

«Умные вещи» — настоящая комедия, веселая, яркая, праздничная, остроумная и музыкальная. Поставил ее режиссер Е. Р. Симонов.

Весь спектакль пронизан музыкой. Она новая большая удача Тихона Хренникова в драматическом театре. Песни, хоры, куплеты, дуэты, блестящие музыкальные характеристики героев и, наконец, плясовая, под которую так и ждешь, что вместе с актерами весь зрительный зал ударится в пляс.

Не удивительно, что после такого спектакля, который надолго запоминается ребятам, они не забудут то главное, во имя чего он поставлен, его заветов: «Пусть добрым будет ум у вас, а сердце умным будет».

И. ВЕРШИНИНА

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

В руках этих людей умные вещи не удержатся.

Словно ожили вятские игрушки.

Царское семейство.

Веселые портные — артисты М. Новохижин и Б. Попов.

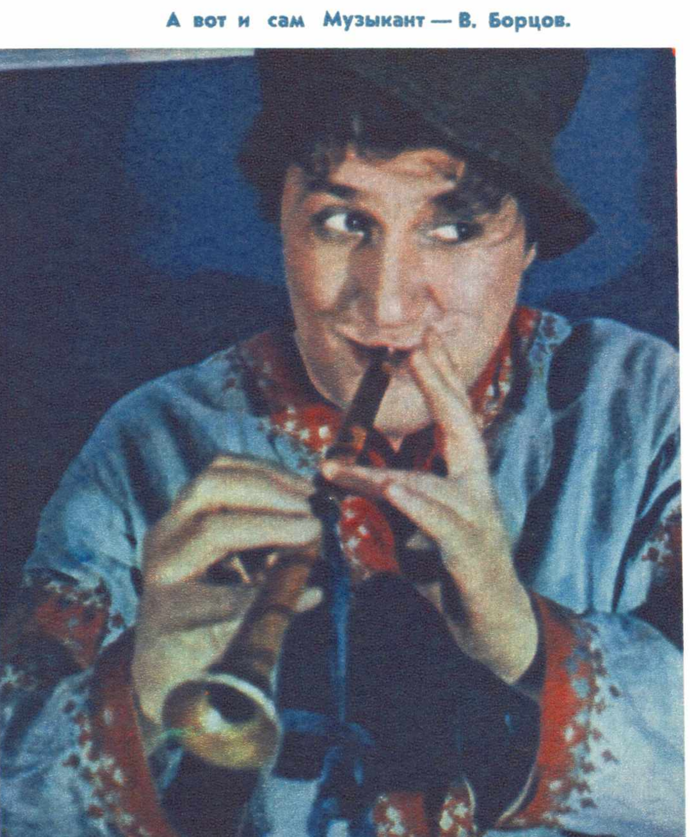

Книгоноша здесь желанный гость.

Невеста Музыканта — Л. Пирогова, бабушка — Е. Кузнецова.

А вот и сам Музыкант — В. Борцов.

Наследник — Ю. Васильев, дочка барина — М. Фомина.

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

1. ЧЕГО ЕЩЕ ТЫ ХОЧЕШЬ?

Твое господство признаю. Чего еще ты хочешь?
Когда пою — тебя пою. Чего еще ты хочешь?
На имя записал твое — и подпись я заверил —
И жизнь мою и смерть мою... Чего еще ты хочешь?
Тебе известно, что рабы всегда восстать готовы,
Сломать колодки, и сорвать в тюрьме свои оковы,
И вырваться, кипя, шумя, из тесного ущелья,
Как вольнодышащий поток, на путь широкий, новый.
А я — тот раб, который рад своей нелегкой доле.
Чем жить на воле без тебя, мне лучше жить в неволе.
Захочешь — превращусь в ничто, захочешь — я прославлюсь.
К чему здоровье без тебя? Хочу страдать от боли.
Я верностью к тебе храним. Чего еще ты хочешь?
Я от тебя неотделим. Чего еще ты хочешь?
У всех по-разному любовь берет свое начало.
Я начал с именем твоим... Чего еще ты хочешь?

2. БЛИЗКАЯ ЗВЕЗДА

Чтобы найти тебя, единственную в мире,
Поднялся к небесам, увидел на Памире
Желанную луну, узнал твои черты —
И отнял я тебя у поднебесной шири.
Бежать ли от небес, от гулкой их погони?
Но свет затрепетал на гордом небосклоне,
И ринулась ко мне дрожащая звезда,
И ярко вспыхнула ты на моей ладони.
Услышал я: родник с горы отвесной мчится,
И сердце роднику отозвало́сь, как птица,
И я спросил тебя: «Не ты ли тот родник?»
А ты: «Испей воды, чтоб в этом убедиться!»
С Памиром я на ты, сын и певец Востока,
Я друг его луны и шумного потока,
И мне близка звезда, горящая над ним,
И только ты одна, ты — далеко-далёко.

3. ПЫЛЬ ДОРОГ

На ресницах твоих — пыль далеких дорог,
А в глазах — беспокойство и тяжесть тревог.
Утешенья ты ищешь в молчании долгом...
Иль в пути даже шутку сберечь ты не смог?
Разве радость работы не билась в груди?
Разве не было двери, сказавшей: «Войди»?!
Разве не был ты другом и спутником ветра?
Разве голос любви не звенел впереди?
Сколько ты прошагал, сколько прожил ты лет,
Чтоб оставить в сердцах человеческих след!
Сколько всходов навстречу тебе поднималось,
Сколько раз ты им кланялся низко в ответ!
Позади твои годы горят, как огни.
Отдохни и дорожную пыль отряхни.
Отдышись,— впереди возвышается счастье:
Путь к вершине, тревожные, трудные дни.

4. ЗЕМЛЯ

Я в небеса взмывал, но знал, где мой привал:
Ни разу от земли я глаз не отрывал.
Лишь запахом земли бывал я опьянен,
Хотя со звездами нередко пировал.
Здесь, на моей земле, я понял в первый раз,
Что надо верить в жизнь и что́ земля — для нас.
Дорогою надежд пошел я по земле
И взял с собою хлеб и слово про запас.
Я с теми был, кто свет зажгли для всей земли
И песнями сердца людские потрясли.
Открыли заново мы предков имена,
Приветствуя детей, что в новый мир пришли.
Да буду я всегда теплом земли согрет,
Влюбленный в запахи ее, в плоды и цвет!
Я для того живу, чтобы на всей земле
Сиял и ликовал зажженный нами свет.

5. РОДИНА

И снова год прошел... И вновь, как на картине,
Вся прожитая жизнь рисуется мне ныне.
Я связан с родиной моей, как ноготь с мясом,
Хотя пространствовал полжизни по чужбине.
Бывал я далеко, где песнь моя боролась,
Но родины моей я слышал каждый колос,
Перекрывая гул и грохот океана,
Мне в сердце проникал родной речушки голос.
О родина, когда летел к твоей границе,
Я чувствовал слезы дрожанье на реснице,
Когда я улетал,— с твоей взлетал я песней,
И эта песнь была подобна вещей птице.
Хотя я много раз бывал с тобой в разлуке,
В душе хранил твои поля, сады, излуки.
Где б ни был я,— всегда, всегда я был с тобою,
Меня везде твои благословляли руки.

Перевел С. ЛИПКИН.

ГУЛЬЧЕХРА

Бухара

Люблю тебя, родная Бухара!
Ты — книга, что сердечна и мудра,
Ты — верный друг мой до скончанья дней,
Ты — колыбель поэзии моей.

Основанная в древности седой,
Ты остаешься вечно молодой,
Ты в сердце, как целительный родник,
Звенишь, не иссякая ни на миг.

О Бухара, мне дорог облик твой —
Твои сады, шумящие листвой,
Твои цветы люблю я, Бухара,
Твои рассветы, полдни, вечера.

Оазис мой, тебе моя хвала!
Ты древние возносишь купола
В ночь звездную, в небесный синий свод,
Встречая утра светлого приход.

Тебе не только солнце светит — нет!
Тебя свободы озаряет свет,
Тебе и днем сияют и в ночи
Кремлевских звезд высокие лучи.

Люблю тебя, родная Бухара,
За то, что ты прекрасна и добра.
Горжусь твоей счастливою судьбой:
И юность и бессмертие — с тобой!

Перевел Вадим ШЕФНЕР.

Мумин КАНОАТОВ

Из лирической поэмы

„Днепровские волны"

Ой, Днипро, ты немало взрастил сыновей,
исполнявших, как надо, отцовский наказ.
Ой, Днипро, из большой колыбели твоей
вышел с грозною лирой великий Тарас.

От высот Бадахшана проложен мой путь
не затем, чтоб тобой любоваться зазря,
а затем, чтобы в очи твои заглянуть,
чтоб тебе поклониться, отец Кобзаря.

Я волнение встречи унять не могу,
дружелюбный посланец другой стороны.
Дай же мне посидеть на твоем берегу
и насытиться шумом днепровской волны.

Ты мне только позволь — разрешенья прошу —
это влажное пенье в душе уберечь
так же верно, как сызмала в сердце ношу
темноструйного Пянджа гремящую речь.

Не хочу уходить от твоих берегов,
мне уже отдаленно поэма видна,
и вливается медленно в строки стихов
за одною
волною
другая волна.

Перевел Я. СМЕЛЯКОВ.

Убайд РАДЖАБ

Мечтой о тебе, словно ветром подхвачен весенним,
Поднялся я в горы, бродил там по тропам оленьим,
Из первых цветов многоцветного отчего края
Букет для тебя — для любимой моей — собирая.

Из сердца земли, сквозь покрытые льдами граниты,
Цветы проросли, снеговою водою омыты.
Дар сердца земли я дарю и волненья не прячу.
Прими мой букет и бери мое сердце в придачу.

Перевел Вадим ШЕФНЕР.

Командир «М-81» Ф. А. Зубков среди своих матросов. 1941 год.

Говорит погибшая лодка

Алексей ГОЛИКОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

На причале порта в Таллине лежит ржавый, покрытый ракушками и разорванный надвое корпус подводной лодки. Это «М-81» — советская лодка-малютка. Она погибла 1 июля 1941 года. Недавно лодку подняли и доставили сюда.

Рассказ командира спасателей

— О месте нахождения «М-81» нам были известны только ориентировочные координаты и примерная глубина,— рассказывает командир аварийно-спасательного подразделения капитан второго ранга Адольф Семенович Румянцев.— И все же сравнительно быстро лодку удалось обнаружить. Сделал это наш опытный водолаз Леонид Полещук.

Когда буями отметили местонахождение «М-81», я пошел под воду. Дно песчаное, белое, и темный корпус лодки хорошо виден. Она лежала на правом борту, а оторванная носовая часть—на левом. Обе части соединялись между собой трубопроводами, жгутами кабелей — они не разорвались.

Осмотрел носовую часть лодки. Там торпедные аппараты. Крышка правого закрыта, и руками ее не открыть — все заржавело. А левый аппарат ушел в песок. Есть ли в них торпеды?

Под воду пошли водолазы Николай Ильенко и Алексей Поляков. Они вошли в лодку. От движения поднялся скопившийся за десятилетия ил и так замутил воду, что даже при свете сильных электрических фонарей ничего нельзя было разглядеть. Единственное, что удалось найти Алексею Полякову в четвертом отсеке,— это «летучку» — переносную лампу подводников.

Через пять дней кормовую часть лодки подняли и отбуксировали в Таллин. А когда стали работать с носовой частью, то обнаружили: торпедные аппараты заряжены. Решили их подорвать. Это выполнил водолаз-подрывник, главстаршина Владимир Кулачок. Носовую часть подводной лодки подняли и тоже доставили сюда.

Кто же был на борту «М-81»?

На этот вопрос ответил Центральный военно-морской архив: командир «М-81» капитан-лейтенант Федор Антонович Зубков, штурман-лейтенант Георгий Иванович Ильин, старший инженер-лейтенант Ракитин Борис Васильевич, старшина второй статьи Волков Павел Игнатьевич, ученик моториста Василий Тимофеевич Воробьев, моторист Борис Сергеевич Геворкьянц, ученик рулевого Евгений Павлович Долгов, боцман Андрей Ильич Ильин, старшина второй статьи Константин Андреевич Румянцев, старший гидроакустик Михаил Евсеевич Федулов, старшина второй статьи Алексей Михайлович Федосов, старшина второй статьи Николай Васильевич Белов, старшина-торпедист Ефим Степанович Крикливский, командир отделения рулевых Александр Леонтьевич Симонов, старшина группы мотористов Петр Сергеевич Семин, старший матрос Виктор Сергеевич Преображенский.

Удалось установить, что 22 июня 1941 года «Малютка» в составе отряда подводных лодок 24-го дивизиона заняла позицию около Мемеля. 26 июня был получен приказ идти в Либаву. Но Либава уже горела, и «М-81» приказали идти в Ригу. Через два дня лодка вместе с другими кораблями вышла из Риги в район Таллина. Фарватеры были уже забросаны минами, в небе то и дело появлялась фашистская авиация, кругом рыскали подводные лодки врага.

1 июля лодка шла надводным ходом, на ее мостике находились командир Федор Антонович Зубков и инженер Борис Васильевич Ракитин. Попросив разрешения, к ним поднялся покурить старшина первой статьи Петр Семин. В районе острова Вормси в 16 часов «М-81» взорвалась и, разломившись на две части, пошла ко дну. Всех, кто был на мостике, взрывом выбросило в море. Их подобрал советский корабль. Командир Зубков был мертв, инженер Ракитин тяжело ранен, старшина первой статьи Семин отделался легкой контузией. И тут совершилось чудо. На поверхность вынырнул старший матрос Виктор Преображенский. Как он рассказал, в момент взрыва он нес вахту в четвертом отсеке. Его отшвырнуло к задней перегородке. Погас свет, в отсек хлынула вода. Он понял, что лодка гибнет. Рванул на себя клапан воздуха высокого давления. Воздух наполнил отсек и преградил путь воде. Ощупью Виктор нашел выходной люк и открыл его замок. Сжатый воздух отбросил крышку люка и рванулся к поверхности, увлекая за собой матроса. Так он спасся. Потом воевал в морской пехоте под Ленинградом. Сейчас Виктор Сергеевич живет в Брянске, его дети учатся в школе: сын — в 10-м классе, а дочь — в 3-м. Работает бывший подводник директором хлебозавода.

Остался в живых и инженер Ракитин. Когда рана зажила, он снова вернулся в строй. Сейчас он служит в Ленинграде. А старшине Семину не довелось дожить до конца войны. Он погиб в 1943 году под станцией Мга.

Через мгновение — взрыв!

Есть ли живые свидетели трагической гибели «М-81»?

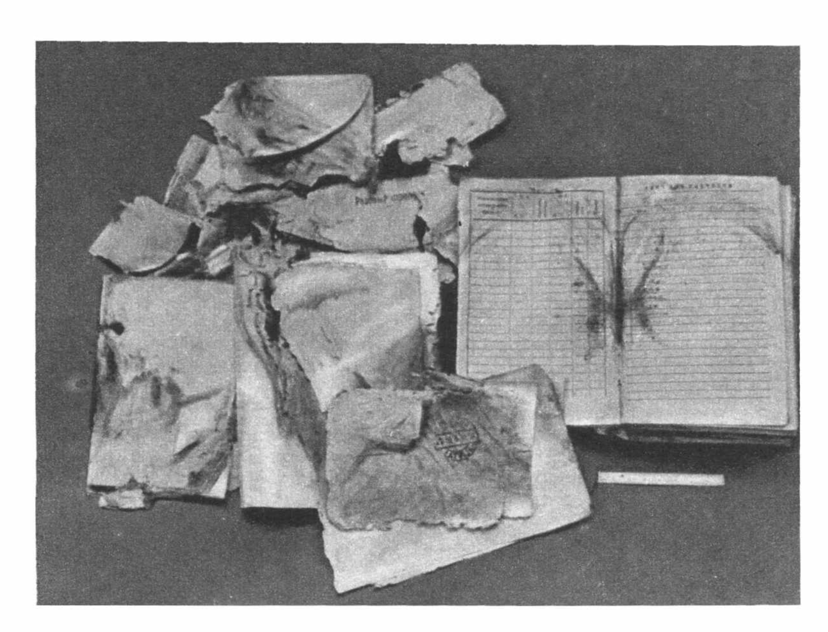
С этим вопросом я обратился к капитану третьего ранга Анатолию Михайловичу Галашкину, который посоветовал сходить на большой морозильный траулер «Сергей Есенин».

«Сергей Есенин» ремонтируется в сухом доке. Поднимаюсь на его палубу по временным деревянным мосткам и прохожу в каюту капитана-директора Эдуарда Яновича Залитиса.

— Я был командиром посыльного судна «Артиллерист»,— рассказывает Эдуард Янович.— Когда началась война, наше судно зачислили в эскадру для обслуживания крейсеров. Из Риги мы в составе других кораблей 28 июня 1941 года ушли в Моонзунд, в район Виртсу.

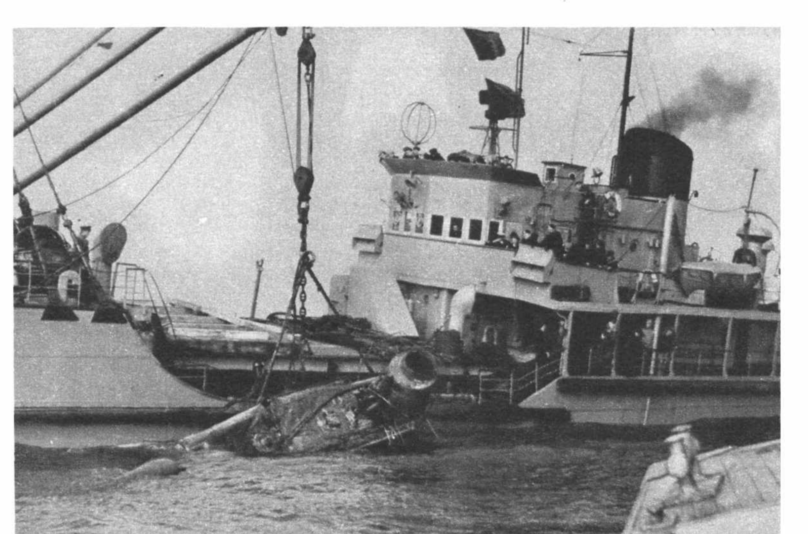
1 июля получил приказ отбуксировать катера и баркасы в Таллин. В районе острова Вормси нас обогнали боевые корабли. За ними шли военные транспорты, потом в кильватер — три подводных лодки. Первой была «М-81».

В 16 часов 10 минут сигнальщик «Артиллериста» старшина первой статьи Кузовлев крикнул: «Торпеда с левого борта!» Я увидел впереди нашего корабля след торпеды, идущей к «М-81». Через мгнове-

Дневник и письмо неизвестного подводника, найденные в «М-81».

Подъем подводной лодки «М-81». Фото Б. Авдюшева.

ние — взрыв! «М-81» исчезла под водой. Наш корабль подобрал троих с погибшей лодки, и тут всплыл четвертый, как я позже узнал, Виктор Преображенский.

Фашистской подводной лодке, которая потопила «М-81», не удалось уйти. По оставшемуся на гладкой поверхности следу торпеды я запеленговал ее местонахождение. Наши морские охотники стали преследовать фашистскую лодку, забросали ее глубинными бомбами и потопили у банки Лайне.

Говорит «Малютка»

...Дневник этот написан в офицерской служебной книге; одни ее страницы отведены для расчетов, а на других — наименование пеленгуемого предмета, курс корабля, поправка компаса, отсчет лага... Морская вода разъела бумагу, почти совсем смыла чернила, и записи невозможно было прочитать. В этой же книжке находилось вскрытое письмо с почтовым штемпелем города Горького на конверте.

За помощью я обратился в научно-технический отдел управления милиции Эстонии. Старший эксперт Михаил Иванович Дорохов и эксперт Филипп Пименович Самусенко взялись прочитать найденные документы. Это был кропотливый труд. Эксперты применяли различные светофильтры, фотографировали строки в ультрафиолетовых лучах кварцевой лампы.

Вот что удалось разобрать в дневнике: «День 22 июня был самым страшным в этом году. Начался он для меня... По сигналу «тревога» вскочили с коек, похватали противогазы и побежали на подводную лодку. Не успели принять боевой торпеды, как над гаванью появились три самолета, очень похожие на наши «СБ». Как одна из батарей открыла огонь по самолетам, мы недоумевали, почему. Потом решили, что это учения и зенитчики бьют с большим углом упреждения... Самолеты летали очень низко и спокойно.

Через час появилось около 20 самолетов над гаванью. Боевая тревога.

Мы были предупреждены, что самолеты немецкие.

Открыли огонь. Один самолет... с большим черным дымом отстал от остальных. Еще через час мы вышли в море.

23 июня 1941 года. Сегодня бомбят Либаву и порт... моряки с моря. Видны были только разрывы зенитных снарядов. Нас обнаружил немецкий... срочное погружение. Днем в перископ наблюдали пожары на нашем берегу...

В течение целого дня... от бомбежек... женщин и детей в военном городке Либавы. Все остро переживают. Но не показывают вида.

Остаемся в полной неизвестности относительно международного положения. Только ли с Германией воюем или со всей Европой?

24 июня 1941 года. Вчера, когда всплыли у берега, вспыхнуло огромное пламя. Какой-то корабль, очевидно, подорвался на мине и сгорел. Под водой сидели... часов. С величайшим наслаждением выкурили 2 папиросы. Замечательно! Сегодня ночью лопнула крышка у 7-го цилиндра... двигатель вышел из строя.

Трудно представить, какие для нас будут последствия этого... Батареи разряжены, воздуха почти нет. Хватит радиограмму... принимают их... неприятельские станции. Просили помощи. Сообщили свои координаты. Ждем под перископом, кто явится на зов — свои или враги, а они возле нас фашист...»

На этом записи в дневнике обрываются.

Кто автор дневника?

Поиски начинаю с офицеров. Ведь служебная книжка, в которой написан дневник, офицерская. Их было трое. Командир Зубков такой дневник вести не мог, инженер Ракитин сказал, что дневник не его. Остался штурман Ильин.

Однако его близкие родственники, прочитав дневник, утверждают, что почерк им незнаком. И потом слова: «По сигналу тревоги вскочили с коек, похватали противогазы и побежали на подводную лодку»—не мог написать офицер. Офицеры жили на частных квартирах, а не в казарме. Поэтому можно думать, что автор дневника — матрос срочной службы.

В Таллин на могилу мужа приехала Мария Сергеевна Ильина с сыном Евгением—вдова старшины второй статьи боцмана Андрея Ильина. Перед войной она жила в Либаве, в военном городке, и знала многих подводников из экипажа «М-81». Я показал ей дневник, попросил рассказать, что она помнит о лодке, о событиях тех дней.

— Мой муж,— говорит Мария Сергеевна,— на «Малютке» был самым старшим—ему тогда исполнилось 30 лет. И он дольше всех служил на «М-81». Воевал на ней еще в финскую войну. Помню, он говорил, что в 1941 году лодку поставят на капитальный ремонт, а ему отпуск предоставят. Мы тогда ребенка ждали. Да вот, как ночью 22 июня по тревоге убежал из дому, так больше и не виделись. Ну, а почерк этот мне незнаком.

Надежда найти автора дневника появилась, когда расшифровали письмо с почтовым штемпелем города Горького и страничку дневника с написанными адресами. Письмо начинается словами: «Здравствуй, Павлик, с приветом, Клава». Дальше Клава пишет, что, получив письмо, присланное ей Павликом, увидела: «знакомый почерк, вспомнила моряка... Павлик, вы пишете, что месяца через два будете в отпуске и если я захочу, то мы встретимся... До свидания, жду ответа... Адрес старый. 14/VI-41 г.».

В составе экипажа «М-81» был только один Павел — старшина второй статьи Волков, 1917 года рождения, секретарь комсомольской организации подводной лодки. А в дневнике есть адрес: «Горький, Сталинский район, улица Чкалова, дом 18, кв. 13, К. Булатова».

Можно думать, что К. Булатова — это та Клава, которая за несколько дней до начала войны послала письмо Павлику. Если это так, то тайна дневника подводника будет разгадана.

* * *

Давно отгремели жестокие бои Великой Отечественной войны, но советский народ не забывает своих сыновей, отдавших жизнь в этой героической борьбе.

Останки моряков-подводников, погибших на подводной лодке «М-81» 1 июля 1941 года, провожали в последний путь тысячи трудящихся эстонской столицы, воины таллинского гарнизона, родственники моряков.

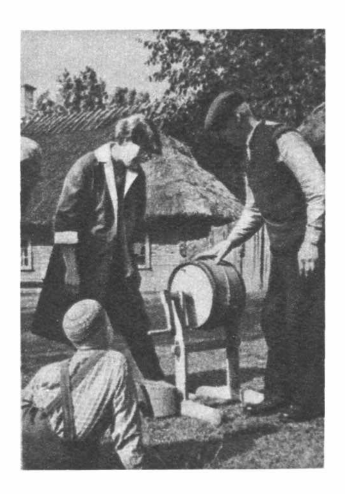
ПАРИКМАХЕРСКАЯ НА ВИНОГРАДНИКЕ

Около виноградника, где работала бригада Артеняна Андраника, остановился красивый зеленый автобус. В обеденный перерыв в совхоз № 3, Эчмиадзинского района, приехала из Еревана парикмахерская на колесах. Рабочие совхоза остались довольны работой мастеров Альберта Казаряна и Азада Хачояна. Хачоян и водитель автобуса. Такие передвижные парикмахерские обслуживают в республике совхозы, колхозы и туристские базы.

Фото Г. Копосова.

ХУТОР-МУЗЕЙ

На острове Саарема, за поселком Кихелконна, стоит старый хутор. Сто тридцать лет назад батрак Михкель арендовал клочок земли у помещика и начал возводить дом. Строитель он был первоклассный, и приземистая потемневшая изба под соломенной крышей, которая теперь кажется нам совсем примитивной, представлялась тогда жителям Кихелконна новаторским сооружением. У Михкеля сразу появились последователи, и со всего острова народ съезжался в Кихелконна полюбоваться постройками тамошних мастеров. И самое большое впечатление производил на всех хутор Михкеля, или, как говорят эстонцы, Михкли. И сам Михкель и его потомки тщательно сохраняли все предметы домашнего обихода, сделанные их руками. Благодаря этому обычаю хутор стал ныне филиалом Кингисеппского краеведческого музея. Заведует музеем потомок Михкеля — старый Якоб Рехт.

В избе сохранилось все, как было. Навеки прокопченная старая печь, у окна — скамья, вытесанная топором. У другого окна — ткацкий станок. По стенам развешаны березовые веники. На столе — двенадцать пивных кружек. Здесь же деревянные бидончики для молока и пива, ложки, чашки, блюдца. Есть кувшин с двойным дном, в котором гремят горошины шестидесятилетней давности. Есть деревянный замок, сделанный кем-то из хуторян. Тысяча экспонатов в этом своеобразном музее, и каждый из них — этнографическая ценность, произведение подлинно народного искусства.

Альфред УЙБУ

Матрёшка едет за океан

...Стоит домик. В нем живут веселая Матрешка, Пастушок, Собака, Цапля, Ежик, Ишак. Создали этих героев ташкентские школьники.

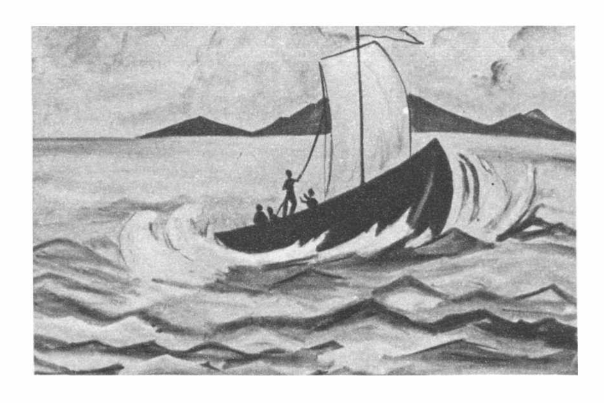
В дело пошло все: спички, земляной орех арахис, волокно, кенаф, кусочки материи, завалявшийся лоскут сукна, старая сумка, даже кусочек маминого воротника — для Ежиковых иголок.

А еще на выставке живут добродушный Верблюд, любопытный Жираф, безмятежный Слон. Плавают модели морского пассажирского катера и подводной лодки, гоняют мяч футболисты из цветной проволоки, играют всеми цветами радуги узбекские пиалы и касы, бисерные тюбетейки и платья из хан-атласа.

Это конкурс претендентов на участие во второй выставке «Художественное и техническое творчество детей Советского Союза». Она откроется в сентябре в США.

В. КАРПЕНКО

Рисуют дети Индии

На выставке рисунков индийских детей, размещенной в залах Музея искусств народов Востока,— рисунки пятнадцатилетних.

Фантазию юных романтиков — а их хочется назвать именно так — увлекает величественная природа их родины и человек, бросающий вызов стихиям.

...Застигнутые бурей, освещенные отблесками молний, идут по дороге женщина и ребенок. Женщина с улыбкой смотрит на перечеркнутое молниями небо. Так изображает грозу юная Шима Майта. Производит большое впечатление и рисунок четырнадцатилетнего Бахла. Он изобразил двух женщин с тяжелыми корзинами, идущих против ветра. Над их головами раскачиваются могучие деревья, ветер рвет их одежды, но они упрямо продвигаются вперед...

Рисунки детей захватывают нас своими напряженными ритмами. Что же до нескольких спокойных, умиротворенных пейзажей (среди них особенно запоминается прелестный рисунок Сингха Манджу), то они, по контрасту, еще более усиливают это общее настроение взвихренности и непокоя колорита и композиций.

Выставка, переданная правительством Индии в дар Советскому Союзу, пользуется у москвичей большим успехом.

Л. ВАСИЛЬЕВА

Случай на рельсах

Однажды старшина милиции Павел Калинин дежурил на железнодорожной станции.

В тот вечер рабочий Горчаков шел по краю перрона, поскользнулся и свалился на железнодорожный путь, ударившись головой о рельс.

К станции на большой скорости приближался грузовой поезд. Не медля ни секунды, Павел Иванович Калинин бросился на рельсы и попытался перетащить упавшего на другую сторону полотна, но тот оказался тяжеловат. Тогда Павел Иванович своим телом прижал его к стенке перрона. В нескольких сантиметрах загромыхал электровоз... А еще через несколько мгновений из-под перрона поднялись Павел Иванович Калинин и спасенный им рабочий.

...В милиции Павел Калинин начал работать после тяжелого ранения в годы войны. Военные врачи Казанского госпиталя объявили Калинину, что он подлежит снятию с военного учета «по чистой».

Возвратился он в недавно освобожденный Клин. Пустынные улицы, груды развалин и черные печные трубы — все, что осталось от родного города.

Горвоенкомат по настойчивой просьбе Калинина дает ему направление на работу в милицию.

— Какой же из вас, батенька, милиционер,— сказали Калинину,— ведь вы не сможете даже стрелять из пистолета, у вас не гнутся пальцы правой руки!

— Буду их развивать. Возьмете, не пожалеете,— твердо сказал Калинин.

И вот с декабря 1942 года он работник железнодорожной милиции станции Клин.

Много за эти двадцать два года было разных случаев в трудной, но почетной милицейской службе Павла Ивановича. Десятки благодарностей он получил от советских людей. И награжден пятью правительственными наградами.

Майор милиции
А. ЗАПЫЛАЕВ

Бабушка Циц

В районе Большого Сочи, неподалеку от Лазаревского, в Аше, живет Циц Хушт. Ей исполнилось уже сто двадцать лет. Болеет она очень редко. Впервые у врача побывала лишь на девяносто первом году жизни. Работает по дому и держится очень бодро. Когда в доме Хуштов появляется почетный гость, бабушка Циц, встречая его, подымается со стула и принимается ухаживать за гостем: держит перед ним полотенце, пока он помоет руки, помогает внучке накрывать на стол.

Она вспоминает: «Вот раньше мы понятия не имели об очках, и многие почтенные адыгейки, которым давно перешло за девяносто лет, отлично вышивали мелким стежком. А теперь молодые люди, которым всего лишь по шестьдесят — семьдесят лет, уже не видят без очков!»

Я спросил бабушку Циц, какой, по ее мнению, из обычаев ее народа следует в наши дни развивать у молодежи.

— Самое лучшее у адыгейского народа — это великое уважение молодости к старости, незнающих к знающим. А в делах — большое трудолюбие и добрый старый обычай: вырыть колодец или благоустроить придорожный горный источник для прохожих. Ты сделаешь добро для кого-то, а кто-то другой сделает добро для тебя! Так и должны жить люди на свете...

В. НАУМОВ

Циц Мустафовна Хушт.

Фото автора.

АРКТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

В Москве, в Политехническом музее, открыта выставка «Побежденная Арктика». Художник А. Меркулов и скульптор И. Маркелова показывают свои работы. Одновременно такие же выставки открыты в Севастополе, в матросском клубе, и в санатории Северного флота «Аврора».

Здесь, в Москве, представлены 40 цветных линогравюр и скульптурные портреты лучших людей Северного флота.

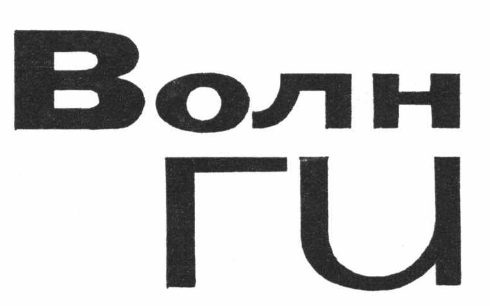
А. Меркулов более 30 лет посвятил Арктике. Первые зимовки на Шпицбергене и Новой Земле, первые корабли в Советском Заполярье. Художник ведет зрителя через события Великой Отечественной войны к сегодняшним дням.

В свое время поэт М. Светлов, посмотрев работы художника А. Меркулова, посвятил ему веселые строки:

«Ты маринист, об этом не жалей.
От льдов твоих становится теплей».

Р. ЛИХАЧ

В научных отчетах и газетных статьях все чаще встречаются сообщения о таинственных сигналах, идущих из космоса. Проблема общения с внеземными цивилизациями сегодня занимает не только воображение писателя-фантаста, но и мысли ученого.

ЭПСИЛОН ЭРИДАНА

В 1960 году директор радиоастрономической обсерватории в Грин-Бэнк Отто Струве и Франк Дрейк в своих сообщениях высказали глубокую уверенность, что вне нашей солнечной системы живут существа более совершенные, чем мы. Контакт с внеземными цивилизациями, заявил Ф. Дрейк, может произойти через сто лет или... через неделю.

Это сообщение наделало много шума.

22 апреля 1961 года группа ученых перехватила в Берлингтоне с помощью радиотелескопа заинтриговавшие всех таинственные звучания, аналогичные ритмичным радиосигналам, продолжавшиеся в течение трех минут. Об этих радиосигналах было доложено на радиоконгрессе в Дейтоне 7 мая. Франк Дрейк сообщил, что таинственные сигналы, очевидно, идут со стороны одной из планет звезды Эпсилон Эридана, удаленной от нас на расстояние 11 световых лет. На прослушивание этой звезды и была настроена аппаратура обсерватории в Грин-Бэнк.

Но прошел месяц, и работы по улавливанию радиосигналов Эпсилон Эридана неожиданно были прекращены якобы из-за отсутствия необходимых средств и оборудования, хотя доктор Дрейк незадолго до этого заверял, что необходимое оборудование имеется и нет необходимости в крупных ассигнованиях для выполнения поставленной задачи.

4 февраля 1962 года газета «Нью-Йорк таймс» в сенсационной заметке сообщила о том, что в ноябре в обсерватории Грин-Бэнк состоялось закрытое совещание крупных ученых и промышленников, организованное Академией наук. Дискуссия касалась возможности установления связи с представителями внеземных цивилизаций. На совещание были приглашены: от университета Корнелля доктор Филипп Моррисон, автор известных работ по данной проблеме, лауреат Нобелевской премии Мельвин Кельвин, директор Института связи доктор Джон Лилли, автор известной книги «Человек и дельфин». Д. Лилли, обнаружив способность дельфинов в некоторых случаях отвечать человеку, занимается изучением их языка. Его цель — найти опорные

уающая потеза

Н. ШУЛЬЦ,
член Международного общества биологических ритмов

пункты для понимания речи представителей иных миров, если с ними установится связь.

МНЕНИЕ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ

В 1964 году группа советских ученых под руководством Г. Б. Шоломицкого обнаружила переменность потока радиоизлучения от космического источника СТА-102. Успеху наблюдений способствовала специально разработанная приемная аппаратура с квантовым парамагнитным усилителем и антенна с большой эффективной площадью. Наблюдения показали, что поток излучения от источника СТА-102 регулярно меняется со временем по периодическому закону, причем период изменений потока близок к 100 дням. Если переменность периодического характера у источника СТА-102 подтвердится, это будет одним из крупнейших открытий в радиоастрономии.

По мнению московского радиоастронома Н. С. Кардашева, не исключается возможность, что радиосигналы СТА-102 принадлежат представителям далекой космической цивилизации.

На первой в нашей стране и второй в мире конференции, посвященной проблеме установления контактов с внеземными цивилизациями, профессор И. С. Шкловский сказал:

«Проблема множественности обитаемых миров и установления контактов между ними является одной из важнейших проблем, когда-либо стоявших перед человечеством. Сейчас она может быть поставлена на научную основу».

В Советском Союзе построены или строятся гигантские радиотелескопы, позволяющие принимать сигналы из отдаленнейших уголков Вселенной. Особого внимания заслуживает Серпуховский, величайший в мире радиотелескоп, с зеркалом размером в километр; Бюраканский и многие, многие другие.

Решающее слово принадлежит теперь эксперименту, строго поставленным научным наблюдениям.

ДОКЛАД В СОРБОННЕ

О таинственных радиосигналах мне написал известный парижский астрофизик профессор Герен. В свое время в Сорбонне состоялся знаменательный доклад Пьера Герена, о котором мне хочется рассказать.

Доклад проходил в научной ассоциации, возглавляемой академиком Жаком Адамаром (Франция), сменившим на этом посту покойного Жолио-Кюри, вице-президентом Всемирной федерации ученых А. И. Опариным (СССР), Джоном Берналом (Англия), Лайнусом Поллингом (США), Бертраном Расселом (Англия) и другими корифеями науки. Отсюда понятен тот интерес, который вызвал доклад профессора Герена.

— Попробуем представить себе,— сказал Пьер Герен,— нашу растерянность при виде прилетевших из других миров существ, с психикой более совершенной, чем наша. Некоторые стороны их мышления могли настолько превосходить наши, что понять их мы были бы не в состоянии, и только то, что соответствовало уровню нашего сознания, могло доходить до нас, все же остальное ускользало бы. И если эти существа, прилетевшие в созданной ими машине, позволили бы нам ознакомиться с нею, многие ее элементы могли остаться для нас непонятными. Возможно, что в конце концов мы поняли бы значение некоторых из них, но роль других так и осталась бы неразгаданной. И эти неразгаданные элементы мы, допуская возможность их существования, не могли бы ни представить себе, ни тем более описать. Мы могли глядеть на их машину, не видя самого главного, подобно тому, как животное, глядя на работающий электромотор, не может представить себе того, что приводит его в действие, поскольку оно не в состоянии понять, что такое электрический ток и магнитное поле. Короче говоря, эти существа могут обладать такими знаниями, придумать такие средства общения, которые сразу же поставят их выше нас. Подобная возможность отнюдь не указывает на то, что наша наука неточна или что наш разум несовершенен. Такая возможность только подтверждает, что Вселенная более сложна, чем мы ее себе представляем.

Поскольку в настоящее время признано, что Земля не является единственной планетой, где жизнь создала высшую психическую деятельность, трудно, не рискуя впасть в антропоцентризм, уйти от логического заключения о распространении этого явления во всей Вселенной.

Возрастная разница звезд, то есть солнечных систем, может быть очень значительна с точки зрения времени, необходимого для появления новых живых существ,— порядка сотен миллионов лет. С другой стороны, быстрота эволюции видов отнюдь не должна быть одинаковой на каждой планете. Отсюда следует, что уровень нашего умственного развития может быть превышен на многих планетах космоса.

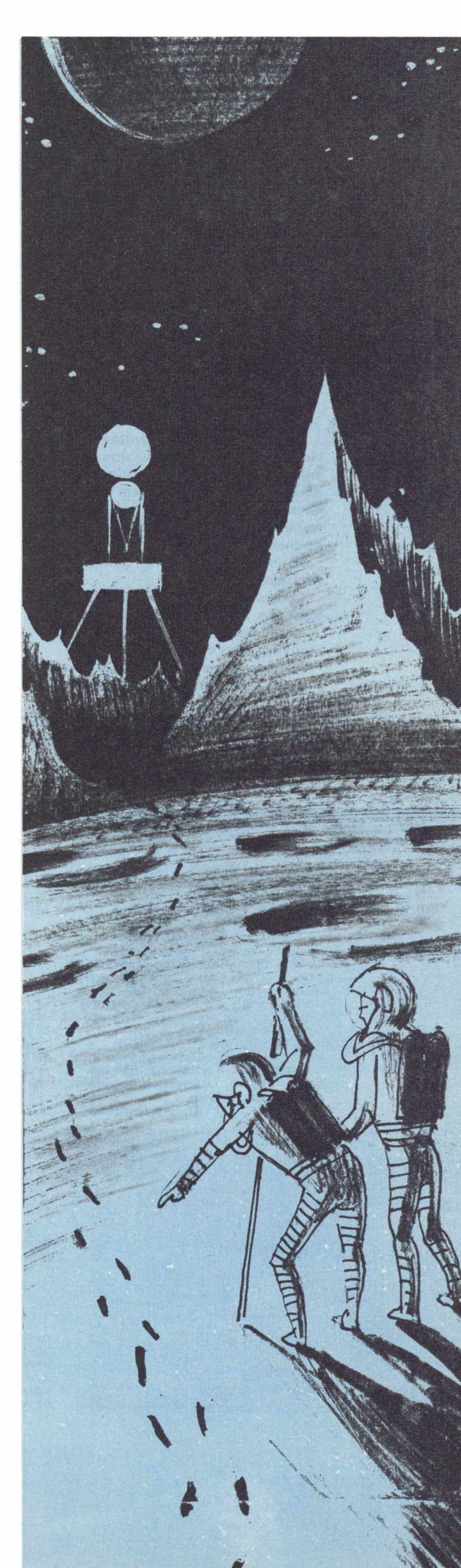
Если проект радиосвязи с внеземными цивилизациями не даст ожидаемых результатов, это будет свидетельствовать только о том, что в Галактике мало цивилизаций, в данный момент соответствующих по своему развитию нашему уровню.

На планетных системах, где живые существа умственно стоят намного выше нас и потому отличны от нас, естественно, технология дальней связи не может иметь ничего общего с нашей. Кто знает, спустя тысячу лет будем ли мы сами прибегать к радиотрансляциям? Если, что вполне вероятно, наш умственный уровень представляет исключение по сравнению с уровнем ближайших к Солнцу обитателей Галактики, мы не сможем установить радиосвязь с выше нас стоящими цивилизациями, даже если представители этих цивилизаций и будут настойчиво стремиться привлечь к себе наше внимание с целью узнать нас и изучить. Точно так же, как пчелы не знают о том, что мы внимательно их изучаем, вполне возможно, что более высоко развитые цивилизации с помощью каких-то физических методов, о которых мы узнаем позже, а может быть, и никогда не узнаем, внимательно изучают нас, хотя мы этого и не подозреваем. Здесь нет ничего сверхъестественного, это вполне закономерно, хотя и превосходит наши познавательные способности.

Такими замечаниями должно сопровождаться практическое значение радиосвязи с внеземными цивилизациями, и нельзя терять надежды, что она в конечном итоге будет осуществлена. Кто знает, не будет ли уже завтра установлен первый радиоконтакт с существами, не слишком отличными от нас по своему умственному развитию? Подобный контакт послужит началом величайшей революции в истории человечества.

Мое заключение о будущем человека и человеческого разума,— сказал в заключение П. Герен,— оптимистично. Даже несовершенный с точки зрения бесконечной сложности Вселенной наш разум не обманывает нас и не может завести в тупик при изучении Природы, с которой он знакомит нас соответственно уровню нашего восприятия. Не подумайте, что я указываю на возможность иными средствами воздействовать на наше сознание. Если существуют другие средства воздействия на понимание живых существ, наделенных высшей психической деятельностью, то мы не узнаем, в чем они заключаются, даже в момент нашего контакта с этими существами.

В данный момент существенно важно не допустить неправильного суждения о возможности подобного контакта. Маловероятно, чтобы эта возможность представилась в ближайшие два-три года. Тем не менее надо к ней подготовиться.

Скажите, пожалуйста!..

Фельетон

Варвара КАРБОВСКАЯ

Разве нельзя постоять просто так на углу кипучего перекрестка? Просто так, в спокойно-созерцательной позе? Позади оконченная работа. Но уже шевельнулась новая тема, значит, нужно ее бережно вынашивать, питаться только теми впечатлениями, которые пойдут ей на пользу, и ждать ревниво и нетерпеливо, когда же она, наконец, захочет появиться на белый свет, на белый лист.

Оказывается, стоять на перекрестке просто так нельзя.

— Гражданочка, скажите, пожалуйста, как пройти к ГУМу?

Сейчас отвечу. Только переживу это обращение — «гражданочка». Что творится с языком, гражданочки, гражданчики! Из хорошего слова сделали какое-то подобие гнусной дамочки или еще похлестче — мадамочки. Что это, ложная ласковость — «чка»? Или ложная стыдливость: гражданка — слишком резко, строго, по-милицейски: «Гражданка, платите штраф!» Женщина? Как можно, женщина? Принято: девушка,— но ведь нельзя же — все девушка и девушка, до шестидесяти! Значит, гражданочка? По тому же принципу не говорится — яйцо, а непременно — яичко. «Почем у вас яички?» — басом спрашивает здоровенный детина. Тогда уж надо отвечать в тон: «Яички, гражданчик, стоят рублик».

Впрочем, мужчины себя гражданчиками не называют, это только нас, женщин, гражданочками...

Я снова хочу принять устойчиво-созерцательную позу и мысленно вернуться к шевельнувшейся теме.

— Вы мне не подскажете, как подъехать к Белорусскому?

— ПОДскажу. Вас ПОДвезет троллейбус номер один. Или ПОДбросит маршрутное такси. И вы ПОДъедете прямо к вокзалу. Если вы к минскому поезду, то вам придется ПОДподождать.

— Спасибо большое.

Какое черное дело я сделала! Если не густо-черное, то во всяком случае темно-серое. А она, бедняжка, даже и не почувствовала. Может быть, догнать ее, извиниться и сказать:

«Транспорт я вам назвала правильно, но говорила с вами на ужасном языке. Нарочно. Передразнивала вас. Вы не почувствовали?»

Живем и пропускаем мимо ушей все эти «ПОД». «Я к вам ПОДъеду». Почему не приеду? Наверно, потому, что ПОДъеду — это деликатненько-культурненько, так, что ли? ПРИехать, по-вашему, это как бы в гости, надолго, боже сохрани, зачем беспокоить?! Я только ПОД... и сейчас же обратно. Или вот это самое ПОДскажите. Не просто — скажите, а опять-таки ПОД. Повелительное наклонение: скажите! — ни в коем случае. Ужасно грубо! А с приставкой ПОД получается вроде ужимочки и прыжка в сторону все той же культуры. Еще одна ужимочка: «Мы это дело ПОДработаем!» Вместо того, чтобы: «Мы над этим поработаем».

ПОДработайте! А мы тем временем ПОДчитаем, ПОДхвалим, ПОДругаем, ПОДплачем над изуродованными словами.

— Скажите, пожалуйста, будьте любезны, если вам не трудно...

Это опять ко мне с вопросом. Нет, мне не трудно, с превеликим удовольствием. Но простите христа ради, если я вам не поверю, что и у себя дома, в своей семье, вы так же рассюсю,.. ти-ти-ти,.. на высоких тонких нотках, с медово-вареньевым выражением лица. Когда на людях выражают нечто псевдоизысканное, жеманно-деликатное и сильно писклявое, то так и знайте, что до́ма рычат и швыряются тарелками. Для разрядки? Домашние ведь у многих за людей не считаются. А как бы хорошо одинаковое «пожалуйста» и своим и чужим!

— Прошу прощения, вы не знаете, как проехать на тэлэвидение?

— Знаю, конечно, как же мне не знать!

Поскорее отправить этого человека в метро, пусть едет до Калужской, а там рукой подать. Поскорее, а то он спросит, где можно купить фанэру, «ДЭмона» Лэрмонтова и где выпить черного кофа... Нет, он не грузин и не армянин,— тогда был бы небольшой акцент не без приятности: Э вместо Е. Он просто полагает, что это интеллигентно и тонко — с вывертом произносить иностранные слова. Иногда выворачивает и русские, если уж он кокетничает. Например, говорит—крэн в смысле — накрениться. Но хрэн почему-то пока еще не говорит.

Он думает: если слово из французского или из латыни, то всякое Е нужно произносить как Э оборотное: коЛЛЛЭкция (даже с тремя Л), лЭксика, пионЭр, пенсионЭр, паштЭт-т, тот самый разне-

ЛЕТАЮЩАЯ КОШКА

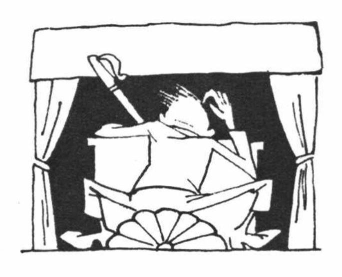
Мой альбом фотографий редких птиц мира пополнился снимком новогвинейской лофорины. Ее грудь украшают перья черного и пурпурно-красного цвета. На шее — круглый черный, а местами зеленый воротник.

Лофорина этого вида издает звуки, напоминающие мяуканье кошки.

О. Румянцева

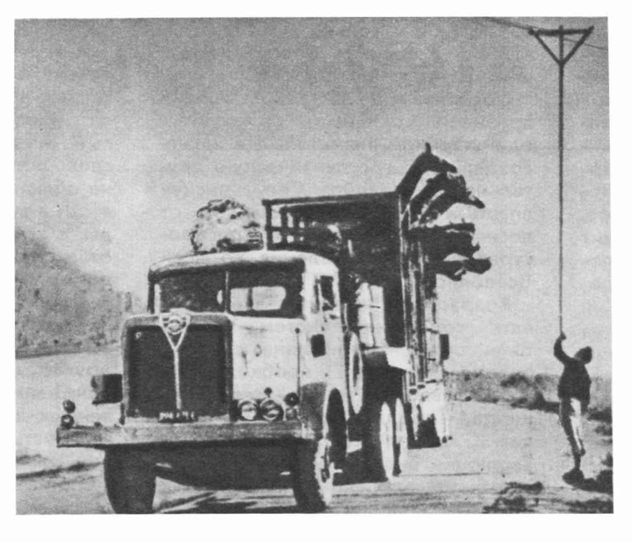
Ленинград.

ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ

Английский актер Питер Роуз, который ежедневно в течение 70 минут выступает в мимической роли стенографиста в одном из лондонских театров, написал за последние четыре месяца шесть рассказов и одну пьесу. Причем творил он их во время исполнения своей немой роли. Зрителям, вероятно, оставалось только удивляться необыкновенно естественной игре артиста.

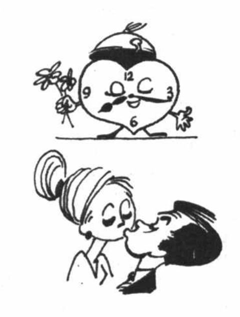

НЕГАБАРИТНЫЕ ПАССАЖИРЫ

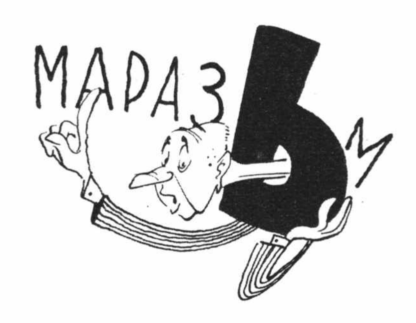
Немало хлопот причинила доставка жирафов в один из южноафриканских заповедников. По пути следования транспорта приходилось не раз останавливаться и поднимать телефонные провода.

БУДИЛЬНИК ПРИМИРЕНИЯ

Он предназначен для создания полной гармонии в семейных отношениях. В случае ссоры супругов будильник следует поставить на определенный час, после наступления которого в нем раздается голос: «Ну как? Вы уже помирились и поцеловали друг друга?» Такие будильники выпускаются в Англии.

счастный паштЭт сто раз на дню звучит у прилавка диетического магазина. И ведь слышит, наверное, что все другие говорят Е, но, очевидно, считает, что все говорят неправильно, неинтеллигентно, он один правильно, через Э оборотное. И слово «кофе» произносит: кофЭ, а другой раз даже кофА! Почему, откуда?

На днях я поняла, откуда. На «Голубом огоньке» появилась очередная хорошенькая хозяйка телевизионного кафе. Она всем телегостям говорила: «Пожалуйста, чашечку кофА! Выпейте кофА!»

Сколько миллионов слушало это «фА»? Ну, предположим, что несколько миллионов твердо знают, как нужно говорить, их не собьешь. Но несколько тысяч не убеждены... Телевизор убеждает. Если по телевизору фанЭра, пионЭр и кофА,— значит, так и надо!

— Вы мне не дадите адрес?..

Опять кто-то, видя мою незанятость, решает извлечь из нее некоторую пользу. А может быть, меня считают чем-то вроде справочного бюро, только без киоска для удобства?

— Адрес какого учреждения или театра вам нужен?

— Да вот, понимаете, мне тяжело сказать...

Несчастный, с ним что-то произошло, с этим приезжим? Ему т я ж е л о, ему больно! Может быть, ему срочно нужно на Петровку, 38, или в поликлинику?

— Мне тяжело вам сказать. Кажется, это называется «Уран», кинотеатр. Есть такой?

Есть. Но почему он сказал?.. Ах, все понятно! Увы, это опять он, наш любимый телевизор. Недавно показывали увлекательнейшую спортивную передачу. Один из чемпионов сидел вместе с комментатором, и когда комментатор его спрашивал: «Чем, по-вашему, кончится раунд?» — неизменно отвечал (раз десять за вечер): «Мне сейчас пока еще тяжело сказать...»

Тяжело вместо трудно. И это не он один. Уж он-то ладно, отличный спортсмен, язык не его специальность. Но ведь рядом сидел комментатор. Мог он объяснить, что когда говорится тяжело, то это не из-за технических трудностей, а из-за моральных переживаний.

Еще один с вопросом.

— Где-то тут есть мага́зин, где всегда бывают сосисЬки? Не знаете?

— Сама часто хожу в этот магазин, но сосиСКи там бывают не всегда.

Радостно благодарит и направляется в колбасную. Он так занят своими покупками, что даже не обратил внимания на мое ударение. А с сосисЬками я даже не знаю, что и делать! У кого-то в запасе оказалось слишком много мягких знаков. Мягкие знаки без употребления. И решил этот кто-то: дай-ка я буду совать их в разные слова. И сунул в бюрократизм. И стал бюрократизЬм. Ничуть от этого не помягчел в своей сути, но зато как мягко звучит! То же самое сделал с капитализмом, империализмом. Везде натыкал мягких знаков. И ни разу не удосужился прислушаться, так ли говорят другие или как-то иначе. Нет, он свое — протоплазЬма, маразЬм!

— Посмотри, Валерик, отсюда уже видно кремлевскую зубчатку! — говорит спутнику молодая миловидная женщина и обращается ко мне: — Ведь верно, это кремлевская зубчатка?

Если вы утром ели манку, в Третьяковке купили открытку с Сикстинкой, то это безусловно зубчатка. Именно так мне хочется ей ответить. Но она подумает, что я злая ведьма, которая всех передразнивает, и не станет слушать моих просьб. А просьба такая: не называйте кремлевскую стену зубчаткой, это похоже на рыбу зубатку, на зубочистку, на зубило, только не на стену Кремля. Она красивая, а ваша зубчатка не звучит, она — от дурного вкуса, от языковой безвкусицы. Нет, я не хочу, чтобы эта миловидная женщина думала, будто я ведьма. Я, право же, сержусь не от злости, а оттого, что хочу слышать вокруг красивый русский язык. Я говорю:

— Да, это кремлевская стена.

Кроме этих семерых, ко мне обращались еще человек десять, видевших мою абсолютную незанятость на углу шумного перекрестка. Но у тех с языком все обстояло благополучно. А вот с моей темой неблагополучно. С той самой, которая шевельнулась, которую я собиралась бережно вынашивать. Она рассосалась. Но ведь и бережное обращение с русским языком — тоже тема. Да еще какая! Значит, мое стояние на перекрестке не было напрасным. И если кто-нибудь, прочитав написанное, перестанет говорить «гражданочка», «протоплазьма» или «кофа»,— и на том спасибо.

— Леша, читай же: перехода нет.

Рисунок В. Воеводина.

— Ну на что ты уставился? Ведь у нее такое же платье, как у меня.

Рисунок В. Черникова.

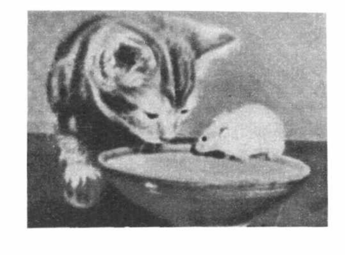
ОБЕД В МАСКЕ

В одном из ресторанов в Каннах (Франция) каждому клиенту предоставляется большой выбор темных очков, усов и париков. Это делается для того, чтобы посетители, если они того пожелают, могли пообедать инкогнито.

АРЕСТОВАЛ СЕБЯ

Ранним утром полиция подняла с постели судью португальского города Опорто и отправила его в тюрьму. Там выяснилось, что судья, заполняя накануне ордера на арест, по рассеянности вписал в бланк и свое имя.

ВОПРЕКИ ИНСТИНКТАМ

Кошка по прозвищу Кики и белая мышка Мауси, показывающие пример столь нежной дружбы, живут в одном из домов Лейпцига.

АКВАЛАНГИСТ АНТАРКТИКИ

Антарктический тюлень может задерживать дыхание в течение 20 минут. Температура тела этого животного подо льдом и на поверхности постоянная — такая же, как у человека.

ТЯЖЕЛОВЕСНЫЕ БЕГУНЫ

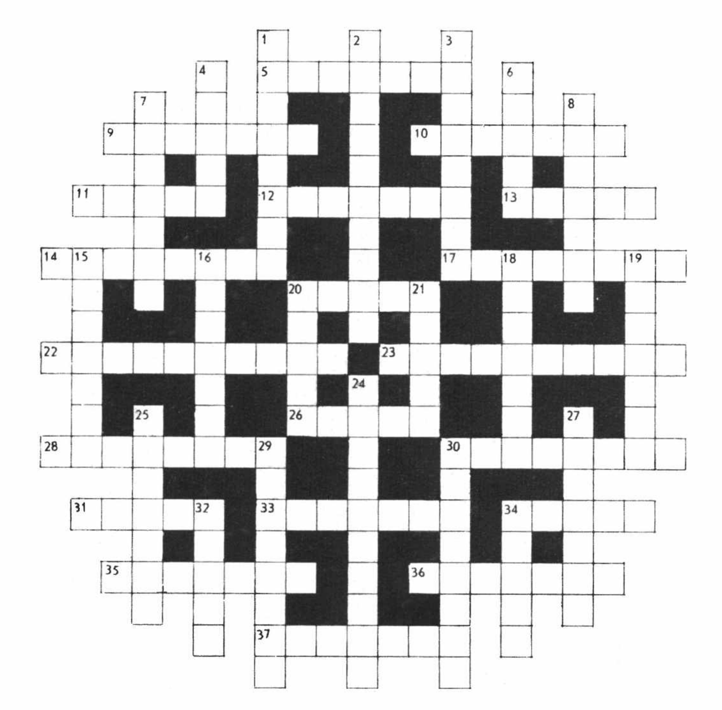
Говорят, что земля дрожала, когда в Нови Сад (Югославия) началось состязание в беге местных скотобойцев. К состязанию допускались спортсмены весом не менее 100 килограммов. Победил Сава Мишков.

ЛЬВЕНОК КАРУСЬ

Этого львенка, родившегося в зоологическом саду Кракова, назвали Карусь. Опекунство над львенком взяла семья инженера зоологического сада Мыяка. Карусь бегает, играет с черепахой и мячом, часто ложится на спину, чтобы ему почесали брюшко. Кормят его молоком, яичным желтком, протертой печенью. Получает он и витамины. В качестве живого наглядного пособия Каруся показывают на уроках в школах.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Город в Ярославской области. 9. Футбольная команда. 10. Однородная смесь. 11. Рыба семейства карповых. 12. Жилое помещение. 13. Австрийский писатель. 14. Вулканический остров в Индийском океане. 17. Приемник подводных звуков. 20. Приспособление для ловли птиц. 22. Полупроводниковый триод. 23. Актриса МХАТа, народная артистка СССР. 26. Продукт, применяемый для производства красок, лаков. 28. Общий вид местности, пейзаж. 30. Образное поэтическое выражение. 31. Период времени. 33. Древнегреческий механик и математик. 34. Учебное заведение. 35. Колесо, регулирующее ход часов. 36. Русский шахматист. 37. Область в Италии.

По вертикали:

1. Советский живописец и график. 2. Музыкальный инструмент. 3. Аппарат для дыхания под водой. 4. Польский композитор и пианист. 6. Хлопчатобумажная ткань. 7. Сборник стихов Т. Г. Шевченко. 8. Часть переплета. 15. Прыжок в балете. 16. Приток Северного Донца. 18. Породообразующий минерал. 19. Вечнозеленый кустарник. 20. Единица речи. 21. Антилопа, обитающая в Африке. 24. Собрание книг. 25. Юрист. 27. Государство в Африке. 29. Опера Дж. Верди. 30. Небольшое лирическое хвалебное стихотворение. 32. Создатель произведения, проекта. 34. Сильный ветер.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

По горизонтали:

5. Каллиграфия. 8. Морковь. 9. «Орестея». 12. Протон. 13. Стрелка. 14. Аккорд. 17. Африка. 18. Рабат. 20. «Аэлита». 21. Рокировка. 24. Вишера. 25. Пинос. 27. Лариса. 28. Тендем. 29. Андорра. 30. Батист. 33. Серебро. 34. «Спартак». 35. Криминалист.

По вертикали:

1. Славка. 2. Плиссе. 3. Элеватор. 4. Фабрикат. 6. Монотип. 7. Геккель. 10. Коэффициент. 11. Достоевский. 15. Лауреат. 16. Рафаэль. 19. Бурун. 22. Тетерев. 23. «Арзамас». 25. Панорама. 26. Стропило. 31. Перрон. 32. Фреска.

●

На первой странице обложки: Приветливо светятся по вечерам огни автопансионата «Форель» неподалеку от города Мукачево в Закарпатской области.
Фото Н. Козловского.

На последней странице обложки: Любители парусного спорта в выходной день на реке Урал.
Фото А. Гостева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление И. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02328. Подписано к печати 23/VI 1965 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 1597. Тираж 1 960 000. Изд. № 1143.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ЧЕМПИОНАТ ОЧАРОВАНИЙ

Н. ХРАБРОВА

Фото Л. Бородулина.

Танцы... Конечно, это эмоции — пыл, нежность, вдохновение, веселье, увлечение ритмами. Но каким-то краем танцы также и спорт. Отличный спорт! Танцевать в большом и светлом зале, с хорошей музыкой и с хорошим настроением, кроме всего прочего, и полезно: развивается чувство музыкального ритма, приобретается стройность и красота движений, умение хорошо держаться... Это своеобразная художественная гимнастика.

Ну, а если это спорт, значит, должны быть соревнования, турниры, чемпионаты. Так, наверное, думали учителя танцев, когда основывали Федерацию современных танцев. Да-да, есть, оказывается, и такая федерация. Центр ее находится в Лондоне, в ней участвуют многие страны. Она ставит своей целью научить людей хорошо танцевать и борется за то, чтобы танец был красив и искусен. Члены федерации не очень одобряют современные твисты и шейки и не берут их в программу обучения и соревнований: они вульгарны, просты, чему уж тут учиться?

Учитель танцев — какая древняя профессия! Вспоминаешь древнегреческие и древнеримские школы танцев. Но, ведя свой род от далеких времен и придерживаясь некоторой академичности, учителя танцев никоим образом не отстают от современности, они только придирчиво отбирают из современных танцев самые красивые. Так вошли в международную программу танцев плавный, медленный вальс, фокстрот — тоже медленный, более темпераментные и со все нарастающей пылкостью — танго, румба, самба, ча-ча-ча... Вот по этим видам в основном и проходят всемирные международные чемпионаты — отдельно для профессионалов и для любителей.

Есть клубы танцев, кружки, в которых существует неукоснительная система тренировок и подготовок к турнирам. Желающие пройти эту сложную науку и получить высшее образование по танцам должны выдержать приемные испытания. Выдержав, они попадают в класс «В», где изучают азбуку танца — умение держаться, понимать музыку, связывать с ней движение, усваивать танцевальные па. И — танцевать, танцевать, танцевать! Танцуя и тренируясь, «В»-классники доходят до решающих соревнований, которые можно приравнять к переходным экзаменам во второй, то есть «Б» класс.

Экзамены серьезные, оценка идет по десятибалльной системе, и судьи придирчиво решают судьбу танцующих пар. Для тех, кто перешел в класс «Б», начинается время турниров на высоком уровне. Они многому научились—держатся смело, свободно, шаг их широк и легок, движения плавны, и сами они, безусловно, похорошели за время усердных и со спортивной точки зрения правильных танцев. Класс «Б» — это уже хороший уровень танцевально-спортивного мастерства. И есть еще класс «А». Это — само совершенство! Тут даже оценки иные: чем ниже балл, тем выше оценки. Чтобы попасть в этот класс, нужен труд и талант. Такова теория хорошего танца.

А вот и практика.

...Один из залов таллинского спортивного общества «Калев». Здесь все, как на спортивном соревновании: у стен — в несколько рядов длинные скамейки, заполненные болельщиками, по углам за низкими столиками — судьи с таблицами оценок, справа у стены — стол судейской коллегии с гонгом и микрофоном. Тут же эстрадный оркестр. Распахиваются двери, и вместе с музыкой и легким запахом духов в них торжественно входит бал. Великосветски строги черные костюмы мужчин. Девичьи туалеты — открытые, с узкими корсажами — чем-то напоминают перевернутые розы, лилии, гвоздики. Вначале тебя захватывает атмосфера бала. И только когда пары начинают кружиться, вспоминаешь, что это не столько бал, но соревнование — на спинах у мужчин мелькают крупные номера для судейской коллегии. Чемпионат начался!

Кто его участники? Молодежь с таллинских заводов, учащиеся школ, техникумов, институтов. А учителя? Здесь, на этом чемпионате, организованном отделом культуры Таллинского горисполкома, главный учитель и устроитель — Антс Таэль. Этот молодой человек считает свою работу глубоко педагогической:

— Прошу вас не думать, что занятия в кружке танцев дают только внешний лоск. Хорошая внешность, аккуратная и модная одежда, умение естественно держаться — лишь одна сторона красоты человеческой. Молодежь, с которой мы занимаемся в кружках танца, хорошо работает на заводах, хорошо учится. Это люди музыкальные, они любят книги, театр, кино. Согласитесь, что танцевать под руководством преподавателя гораздо лучше, чем толкаться на танцплощадках, и уж, несомненно, полезнее, чем болтаться по улицам и простаивать в подъездах.

Не согласиться нельзя. Антса Таэля и его жену Малле, тоже преподавательницу танцев, знают не только в Эстонии. Они работали и в Литве, организовали у литовских студентов кружок современных танцев. Литовские студенты были приглашены на чемпионат танцев в Польшу. Сейчас Малле и Антс Таэль преподают в клубе современных танцев при ансамбле художественной самодеятельности профтехобучения, в клубах и в школах.

Пока мы все это узнаем, чемпионат продолжается. Участники старательно и точно выполняют все усложняющиеся па. Но они помнят, что чрезмерная старательность—это школярство. Танец должен быть свободным, веселым, легким. И танцоры вовсю очаровывают судей мастерством, непринужденностью. Так как это вполне удается большинству танцующих, то и для глаз болельщиков этот чемпионат проходит как чемпионат очарований.

Судейство — дело ответственное.

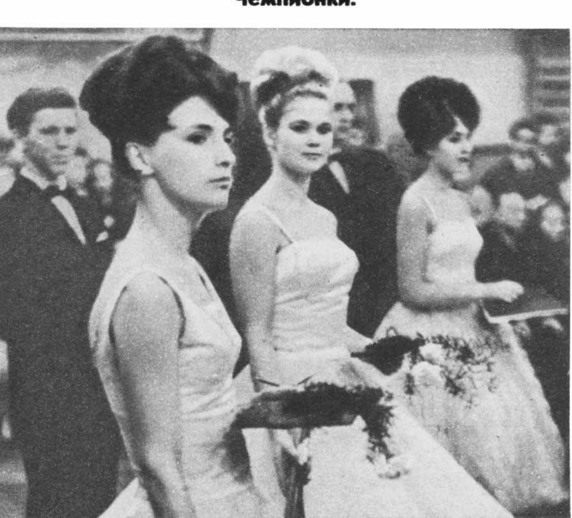

Оценка за румбу — всего 7,5. О попустительстве не может быть и речи.

Награда.

Чемпионки.

Вальс... Неувядающий танец, он открывает не только балы, но и чемпионаты.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663